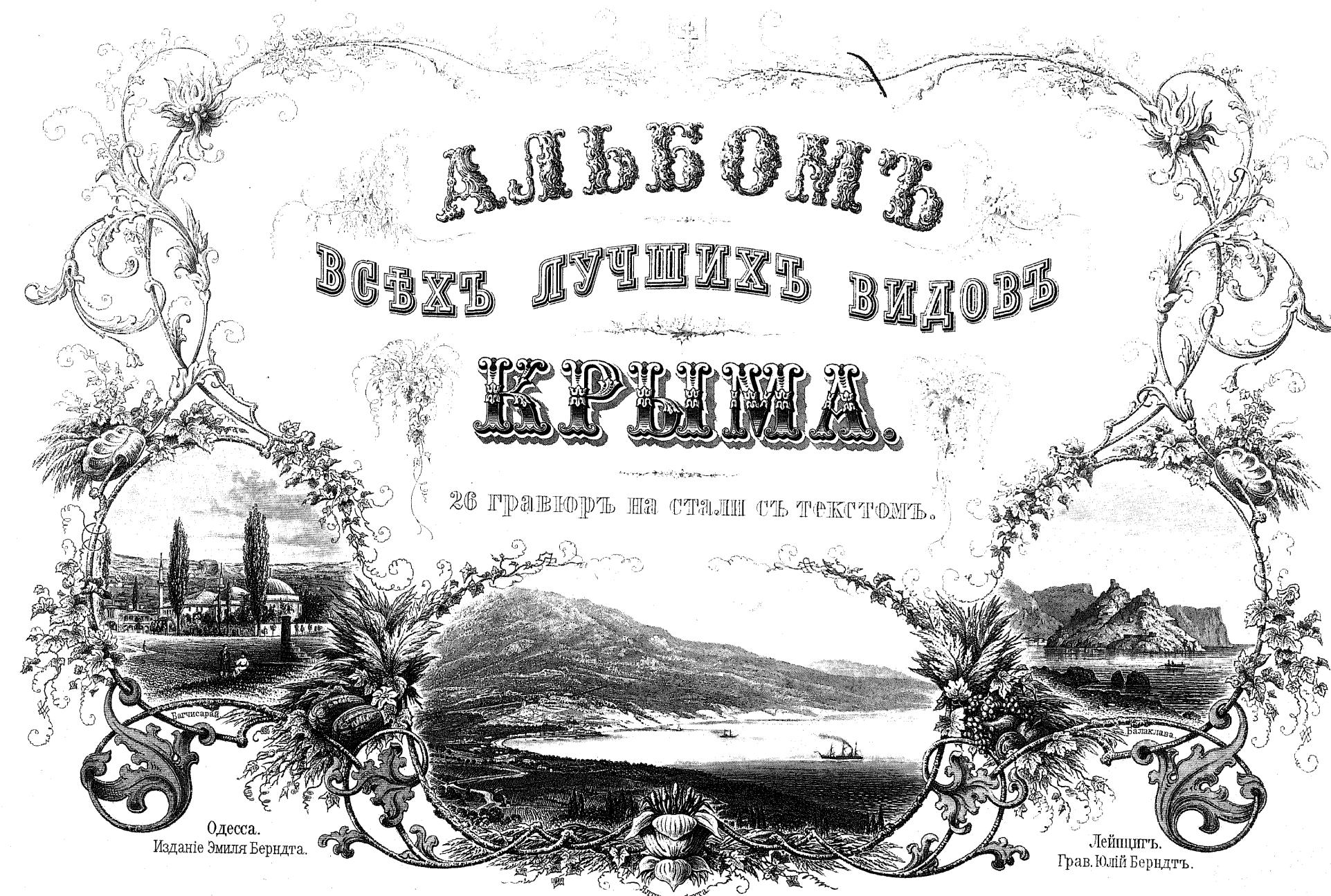

В В Е Д Е Н И Е.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ, ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНІЕ

КРЫМСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

1869
1869

АЛЬБОМЪ
ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ ВИДОВЪ

Ж Р В И М А

26 ГРАВЮРЪ НА СТАЛИ СЪ ТЕКСТОМЪ.

ОДЕССА
ИЗДАНІЕ ЭМИЛЯ БЕРНДТА.
1869.

рымъ, въ древности *Таорида*, или *Херсонесъ Таврическій*, съ давнихъ временъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе путешественниковъ своими историческими воспоминаніями, остатками древностей, которыя сохраняются въ немъ до сегодня, и очаровательною прелестью своей природы.

Крымъ образуетъ изъ себя полуостровъ, известный теперь подъ именемъ *Таврическаго* или *Крымскаго*, который соединяется съ материкомъ Европы посредствомъ узкаго *Перекопскаго* перешейка. Перешеекъ этотъ, по словамъ ученыхъ и по свидѣтельству нѣкоторыхъ древнихъ писателей, не существовалъ въ глубокой древности, и въ Крымъ нельзя было попасть иначе, какъ ввѣривъ себя бурнымъ волнамъ Чернаго моря, которое поэтому и потому еще, вѣроятно, что на берегу его жили дикие, кровожадные народы, и названо было древними греками „негостепріимнымъ“ — *Понtosъ Аксеносъ*. Но втеченіе вѣковъ, вслѣдствіе дѣйствія различныхъ силъ природы, вслѣдствіе геологическихъ переворотовъ, пониженія моря и т. п., сдѣлалось то, что Крымъ соединился съ твердою землею названнымъ выше узкимъ перешейкомъ.

Съ запада и съ юга живописные берега Крыма продолжают купаться и теперь въ Черномъ морѣ; съ востока его омываетъ ноглубокій Керченскій проливъ (въ древности *Босфоръ Кимерийскій*) и Азовское море (древн. *Palus Meotides*); съ сѣвера границею ему служитъ узкій Перекопскій перешеекъ, называемый татарами *Орѣ-Богазъ*; ширина его отъ 5 до 7 верстъ. Въ древности онъ былъ перекопанъ глубокимъ рвомъ и защищенъ стѣною; на немъ было устроено укрѣпленіе, называвшееся у Татаръ *Орѣ-Капи*.

Почти три части Крыма покрыты обширною равниною степей, и только остальная часть полуострова гориста. Крымскія степи какъ бы окаймлены горами съ югозапада и юговостока.

Вся цѣль Таврическихъ горъ (татары называютъ ее *Яй-лою*) простирается отъ Балаклавы до Феодосіи, на 150 или 175 верстъ; ширина ея различна по причинѣ отроговъ, идущихъ отъ нея по обѣимъ сторонамъ, т. е. отъ юга на сѣверъ. Самая возвышенная часть Яйлы тянется вдоль южнаго берега моря, спускаясь съ одной стороны къ западу, у Балаклавы, а съ другой у Феодосіи.

Отъ нея отдѣляются, — вѣроятно оторванныя геологическими переворотами, — значительныя возвышенности, оставляя въ промежуткахъ глубокіе овраги, а иногда и настоящіе кратеры, какъ напр. *Кастель гора*, *Аюдагъ*, *Никита-бурунъ* и пр.

Поверхность Яйлы совершенно обнажена, не видно ни дерева, ни кустарника; она представляетъ обширныя плоскости, покрытыя густой, но невысокой травой и множествомъ цвѣтовъ сѣверной флоры: крупныя незабудки, этотъ прелестный сѣверный цвѣтокъ, растущій только у болотъ и ручьевъ, покрываетъ на вершинахъ Яйлы огромныя пространства, между тѣмъ какъ тамъ нѣть ни одного ручья. Пастухи, выгоняющіе сюда стада свои, въ знойные лѣтніе мѣсяцы, пьютъ снѣговую воду (снѣгъ они собираютъ въ глубокихъ ямахъ и ущельяхъ, гдѣ онъ остается все лѣто); стада поятъ изъ лужъ, гдѣ собирается дождевая вода. Безпрерывные туманы, частые дожди сохраняются на Яйлѣ влагу въ почвѣ въ самое жаркое время года. Холодные восточные вѣтры, дующіе почти постоянно на этихъ высокихъ мѣстностяхъ, заставляютъ пастуховъ одѣваться ночью въ шубы, да и днемъ не позволяютъ имъ легко одѣваться.

На югъ къ морю, Яйла спускается почти отвѣсными скалами и уступами, чрезвычайно разнообразныхъ формъ и очертаній. Самою возвышенною точкою Яйлы считаются гору *Чатыръ-дагъ* (русскіе называютъ ее *Палатъ-гора*; татарское *чатыръ* значитъ *шатеръ*, а *дагъ* — *гора*; древніе же называли Чатыръ-дагъ *Трапезосъ*). Возвышаясь на 5, 136 ф. надъ уровнемъ моря, Чатыръ-дагъ виднѣется верстъ за 80 почти со всѣхъ пунктовъ полуострова. Шатеръ его служитъ крымскимъ жителямъ своего рода барометромъ: если онъ скрытъ въ тучахъ, говорятъ, слѣдуетъ ожидать дождя, и наоборотъ. Видъ, открывающійся съ вершины Чатыръ-дага, — удивительный. Съ ѿвера виднѣется Симферополь и вся роскошно-зеленая Салгирская долина, и далѣѣ простирается цѣлое море степей, которыя тянутся на необозримое пространство; къ западу отъ Чатыръ-дага идутъ лѣса и горы, подымающіяся то въ видѣ какаго либо древняго замка или башни, то подобно крѣпостнымъ стѣнамъ, то нагроможденныя одна на другую въ видѣ пирамидъ; съ юга красуется Алупита, съ ея прелестною долиной, сосѣднія татарскія деревни и море — синее, далекое, искрящееся на солнцѣ; съ востока опять горы, утесы и между ними виднѣется въ синей дали самой оригиналнѣй формы гора — *Демерджи*. Въ очень ясную погоду, когда воздухъ особенно прозраченъ, можно видѣть узкую полосу Сиваша.

Южная сторона Яйлы подымается на 4 и 5 т. фут. надъ уровнемъ моря обнаженными и безлѣсными скалами, изъ расщелинъ которыхъ часто вытекаютъ источники, падая каскадами съ высоты нѣсколькихъ саженей. Растительность на склонахъ горы *Чатыръ* наѣнается только съ 3,000 ф. высоты; тутъ понадаются прекрасные сосновые лѣса, растущіе по крутымъ обрывамъ, ниже — дубъ, грабъ, часто букъ, вязъ, липа, арбутусъ, краса крымскихъ лѣсовъ, можевельникъ, рябина и др. На полянахъ встрѣчается много одичалыхъ фруктовыхъ деревъ и одичалый виноградъ. Виноградъ этотъ, вмѣстѣ съ плющемъ, ломоносомъ и дикой розой составляютъ крымскія ліаны, которыя обвиваются цѣлыми скалами, вѣѣгаютъ на деревья и своими разнообразными цветами придаютъ особенную прелесть крымскимъ лѣсамъ, распространяя въ глубинѣ ихъ свѣжій, здоровый и пріятный запахъ во время цветенія. Весною на лугахъ и въ долинахъ пестрѣютъ бѣлые, желтые и розовые примулы, синіе гіацинты, блестятъ голубые глазки вероники, синѣютъ душистые фіалки и множество другихъ цветовъ горной флоры.

По берегу моря, на всемъ протяженіи отъ Балаклавы до Феодосії, разбросано много татарскихъ деревень которыя лѣпятся по уступамъ скаль; все оій окружены садами, табачными плантациями, пахатными лугами. Много встрѣчается и хорошеныхъ домиковъ садовладѣльцевъ, уютно скрывающихся въ тѣни кипарисовъ и вѣчно-зеленыхъ кустовъ лавра, рамнусовъ, фотиній и др. Особенно мимозы придаютъ много прелести этимъ садамъ. Отъ окрестностей Ялты начинается рядъ великолѣпныхъ, богатыхъ южнобережскихъ дачъ, принадлежащихъ вельможамъ и богачамъ, гдѣ красуется нѣсколько великолѣпныхъ дворцовъ, множество красивыхъ сельскихъ домиковъ, родъ англійскихъ комеджей и гдѣ разведено много очаровательныхъ садовъ и богатыхъ виноградныхъ плантаций.

Большая почтовая дорога вѣтается отъ Алушты до Севастополя то подымаясь, то опускаясь по скатамъ горъ. Синее, прозрачное море, тихо пленюще лѣтомъ и страшно-бурливо и ужасное зимою, составляетъ главную прелестъ южнаго берега Крыма.

Климатъ здѣсь весьма непостояненъ; лѣто вообще жаркое; солице раскаляетъ до того землю, что она трескается. Рѣчки высыхаютъ, трава желтѣетъ, выгараетъ до корня. Зной былъ бы невыносимъ, еслибы свѣжій морской вѣтерокъ не освѣжалъ атмосферы; дожди лѣтомъ рѣдко идутъ; осень самое пріятное время года въ горахъ и на южномъ берегу; тутъ растительность какъ бы оживаетъ послѣ знойныхъ лѣтнихъ дней, все вновь цвѣтеть и зеленѣеть; погода чудная, не жаркая, не холодная; такъ стоитъ до половины ноября; но иногда въ январѣ и въ февралѣ бываютъ совершенно теплые и свѣтлые дни и розы не перестаютъ цвѣсть. Суровой зимы въ горной части Крыма не бываетъ.

Съ сѣверной стороны цѣпь Яилы, съ своими отрогами, составляетъ какъ бы вторую цѣпь горъ, паралельную первой; она возвышается до 3 т. ф. высоты. Горы, идущіе отъ этой второй цѣпи, постепенно поникаются и совершиенно сглаживаются за Симферополемъ, гдѣ начинаются крымскія степи. На возвышеніяхъ отрогахъ здѣсь растутъ также превосходные лѣса: букъ, дубъ, грабъ, тисъ и даже береза. Лѣса эти подымаются часто по страшнымъ крутизnamъ и спускаются въ глубокіе овраги, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ главныя рѣчки Крыма: *Салыръ*, впадающей въ Сивашъ, *Белбекъ*, *Кача*, *Альма*, *Буранакъ*, впадающей въ Черное море. — Здѣсь, въ тѣни лѣсовъ, на мягкой лиственной

почвѣ, растутъ красивые папоротники и множество земляники. По долинамъ, отличающимся необыкновенно красивыми пейзажами, разбросано много татарскихъ деревень; по скаламъ видныются остатки древнихъ крѣпостей, башень, полуразрушенныхъ стѣнъ. Во многихъ скалахъ изсѣчены пещеры или *крипты*, — жилища существовавшихъ нѣкогда въ Крыму троглодитовъ.

Такова общая картина природы горной части и прелестнаго во всѣхъ отношеніяхъ южнаго берега Крыма. Степная природа Крыма составляетъ совершенную противоположность природѣ горной части полуострова. Безжизненные, пустынныя степи оживляются только весной; согрѣтыя солнцемъ, еще влажныя отъ только что ставшихъ снѣговъ, степи покрываются въ это время года пестрымъ ковромъ самыхъ красивыхъ и самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: необозримыя поля тюльпановъ, анемоновъ, ирисовъ, гіацинтовъ ярко свѣтлѣютъ на солнцѣ; птицы выются въ воздухѣ, въ травѣ копошится цѣлый миръ личинокъ, жучковъ, букашекъ, порхаютъ мириады яркокрылыхъ бабочекъ, разнообразя до чрезвычайности и оживляя эту пестроту полей. Но только начнутся жары, только заиграются въ цвѣтахъ палящіе лучи солнца, — и вся растительность степей и все живое какъ будто замираетъ; душистые и пестрые поля цвѣтовъ превращаются въ сѣрыя, пыльныя равнины, съ обгорѣлою и засохшою травою и жадно просятъ дождя и всеоживляющей грозы, къ сожалѣнію, бывающей въ степяхъ такъ рѣдко лѣтомъ. Стани мелкихъ пѣвучихъ птицъ улетаютъ и остаются только крикливые хищники, медленно парящіе въ раскаленной атмосфѣрѣ, да сুслики выпрыгиваютъ изъ своихъ норокъ, любопытно посматриваютъ по сторонамъ и, ставъ на заднія лапки, испускаютъ пронзительный свистъ по степи. Зимою картина степей еще печальнѣе: наносятся сугробы снѣга, бушуютъ мятли, выюги, небо какого то свинцового цвѣта; мрачныя, тяжелыя тучи низко носятся надъ землей, быстро гонимыя вѣтромъ; ни жилья, ни дерева, ничего живаго не видно вокругъ; снѣгъ да мрачное небо. И положеніе путника, застигнутаго въ зимнюю пору бурею въ степяхъ, — самое безотрадное и ужасное.

Но не всегда эти степи были такъ пустынны и безжизненны. Съ тѣхъ поръ, какъ знаетъ ихъ исторія, много народовъ прошло по нимъ, много крови человѣческой обагрило ихъ и много мертвыхъ тѣлъ человѣческихъ, втеченіе вѣковъ, легло здѣсь и удобрило почву этихъ пустынныхъ теперь и безжизненныхъ степей.

Крымскія степи, вмѣстѣ съ степями всего юга Россіи, составляютъ, можно сказать, продолженіе того великаго степнаго пространства, которое изъ глубины Азіи врывается въ Европу. Такъ точно и сами первобытные народы и обитатели Крыма пришли сюда также изъ глубины Азіи. Все степное пространство нынѣшняго юга Россіи, къ которому примыкаютъ и крымскія степи, у древнихъ было известно подъ общимъ именемъ *Скиѳи*, а собственно Крымъ у писателей древности слылъ подъ именемъ *Тавроскиѳи*. „Отецъ исторіи“, Геродотъ, за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ, первый подробно описываетъ обитателей этихъ степей, *Скиѳовъ*, и обитателей горной части Крыма, *Тавровъ*. Онъ передаетъ намъ вмѣстѣ съ многими положительными и весьма интересными свѣдѣніями объ образѣ жизни, нравахъ и проч. этихъ народовъ и много баснословныхъ о нихъ разсказовъ, которые вѣроятно были распространены между тогдашними греками.

Геродотъ, а за нимъ и другие древніе писатели говорятъ, что первые обитатели Крыма, *Тавры*, отъ которыхъ и страна получила название *Тавриды*, были народъ дикій, жестокій, поклонявшийся дѣвѣ-богинѣ, столь-же жестокой какъ и онъ самъ. Ужасна была участъ греческихъ мореходцевъ, застигнутыхъ бурею у береговъ Чернаго моря; вмѣсто спасенія, котораго они искали въ виду очаровательныхъ береговъ Тавриды, скѣша къ ея тѣнистымъ лѣсамъ и прозрачнымъ водамъ, они здѣсь находили мучительную смерть; ихъ схватывали, приводили въ храмъ богини, обезглавливали острымъ мечемъ и трепещущее тѣло, съ высокой скалы, сбрасывали въ море; голову жертвы Тавры втыкали на шестъ, укрепленный надъ ихъ жилищами, гдѣ эти кровавые трофеи служили имъ вмѣсто домашнихъ пенатовъ.

Поклоненіе Тавровъ дѣвѣ-богинѣ, хотя жестокой и кровожадной, допускаетъ предположеніе, что народъ этотъ, — вѣроятно въ честь своей дѣви богини, — былъ вообще очень милостивъ къ прекрасному полу. И древніе греки, надо думать, знали объ этомъ; иначе Ифигенія, спасаясь во время троянской войны отъ преслѣдованія столь же

жестокой богини своей родины, не могла бы надѣяться найти убѣжище и даже почетъ у кровожадныхъ Тавровъ, среди которыхъ она сдѣлалась жрицею и имѣла возможность, такимъ образомъ, спасти своего брата Ореста и его друга Пилада отъ ужасной смерти, ожидавшей ихъ у Тавровъ. Эта-то трагическая исторія объ Ифигеніи, разыгравшаяся на берегахъ нынѣшней Тавриды и воспѣтая греческимъ трагикомъ Эвропидомъ, послужила сюжетомъ для известныхъ трагедій двухъ знаменитыхъ поэтовъ нового времени — Расина и Гёте.

Но еще за долго до Троянской войны, вѣроятно вслѣдствіе того жеуваженія Тавровъ къ женщинамъ, между ними поселилось какъ разсказываютъ нѣкоторые древніе писатели, вышедшее изъ Азіи племя баснословныхъ и грозныхъ *амазонокъ*, которая до того ненавидѣли мужчинъ, что, подобно Таврамъ, приносили ихъ въ жертву своей богинѣ, *Діанѣ Таврополитанской*. Амазонки имѣли въ Тавридѣ храмы, построенные въ честь этой богини, въ которыхъ не было жрецовъ, а однѣ только жрицы.

Объ кровожадныхъ богини Тавриды не избавили, однако, ее отъ нашествія народовъ — хотя не столько жестокихъ, какъ ея обитатели, но столько же воинственныхъ и гораздо болѣе ихъ многочисленныхъ. Скиѳы нахлынули на Тавриду и, завладѣвъ ея степями, заставили Тавровъ искать спасенія въ горахъ. Сохраняющіяся до сихъ поръ изрытая въ крымскихъ горахъ пещеры, или крипты нѣкоторыми новѣйшими писателями считаются за жилища древнихъ Тавровъ.

Въ VI вѣкѣ до Р. Х. Персы, подъ предводительствомъ Дарія, вошли въ Скиѳію. Въ войскахъ ихъ, во время этого неудачного похода, находилось, какъ известно, много Грековъ. Познакомившись хорошо съ берегами Тавриды, эти Греки вознамѣрились устроить тутъ свои колоніи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, во время восстанія Грековъ противъ персидского царя, нѣкоторые изъ нихъ, родомъ изъ Милета, пришли въ Тавриду и поселились здѣсь, въ мѣстахъ, которые казались имъ болѣе удобными для торговли, — по свойственному древнимъ Грекамъ духу торговой дѣятельности. Выборъ ихъ палъ впервые на Керченскій полуостровъ и смежные съ нимъ мѣстности, отличавшіяся необыкновеннымъ плодородіемъ. Враждую вначалѣ постоянно то съ Скиѳами, то съ

другими ордами дикихъ народовъ, часто нападавшихъ на Крымъ, Греки-милетцы успѣли однако, основать въ Тавридѣ знаменитые впослѣдствіи портовые города: *Пантикамел*, *Ѳеодосію*, *Мирмекіон*, *Нимеон* и другіе, славившіеся своею необыкновенною торговою дѣятельностью и богатствомъ жителей, о которыхъ можно судить по найденнымъ и находимымъ еще и теперь, на мѣстахъ этихъ городовъ, богатымъ остаткамъ древности.

Необыкновенно быстрое возрастаніе и успѣхъ новыхъ колоній, сдѣлавшихся складочными мѣстами для торговли Эллиновъ съ тѣми народами, которыхъ они называли варварами, вызвали въ Крымъ и другихъ греческихъ переселенцевъ. Явились выходцы изъ Иракліи и выбрали для поселенія небольшой полуостровъ, на западномъ берегу Крыма (получившій съ тѣхъ поръ у древнихъ географовъ название *Ираклійскаго* или *Трахейскаго* — каменистаго — или *Херсонесскаго* полуострова). Основанная здѣсь этими новыми греческими выходцами колонія, *Херсонесъ*, скоро превратилась, по своему богатству и торговлѣ, въ славную греческую республику на берегахъ Тавриды.

Впослѣдствіи, распространяя все далѣе и далѣе свои владѣнія по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, Греки заняли въ Тавридѣ почти всѣ удобныя для торговли мѣстности и основали еще много другихъ городовъ, какъ напр. *Афинеоп* (впослѣдствіи *Судакъ*, нынѣ *Судакъ*), *Лампасъ* (на мѣстѣ нын. татарскихъ дер. *Кучукъ* и *Буюкъ Ламбатъ*), *Партитъ*, *Симвалон* и проч. Изъ этихъ городовъ греки, по всей вѣроятности, вытѣснили Тавровъ, а потомъ Тавроскиновъ, — когда эти два народа слились въ одно.

Сосѣдство просвѣщенныхъ Эллиновъ и постоянныя съ ними сношенія имѣли, конечно, благотворное вліяніе на дикихъ Скиѳовъ, которые также начали строить во внутренности полуострова укрѣпленные города и жить на манеръ Грековъ, выбивать монету, находимую еще и понынѣ съ именами скиѳскихъ царей и пр. Изъ кочующихъ варваровъ, какими ихъ знали Греки, Скиѳы становились народомъ менѣе варварскимъ, дѣлались осѣдлыми и мало по малу сливаясь съ Греками, пріобщались къ Эллинской цивилизациѣ.

Поселеніе Грековъ-милетцевъ, основанныя на берегу Босфора Кимерийскаго, или Керченскаго пролива и по берегамъ Азовскаго моря, образовали изъ себя союзную республику, столицею которой была *Пантикамел*,

(называвшаяся также *Босфоромъ*, по имени пролива, на которомъ была основана). Эта республика превратилась потомъ въ *Босфорское царство*, имѣвшее цѣлый рядъ своихъ независимыхъ царей, которые, какъ полагаютъ, были скиескаго происхожденія.

Босфорское царство и республика херсонесцевъ, основанная въ Крыму древними Греками, играли не маловажную роль въ судьбахъ греко-римского міра и известны въ исторіи по тѣмъ превратностямъ своей исторической судьбы, которая ихъ постигла въ позднѣйшія эпохи.

Главнѣйший первъ жизненной дѣятельности эллинскихъ колоній въ Тавридѣ составляла торговля, въ которой они сдѣливались посредниками между варварскими странами и Элладой. Черное и Азовское море съ ихъ главнѣйшими притоками: *Танaisомъ* (Дономъ), *Борисоглебомъ* (Днѣпромъ), и *Петромъ* (Дунаемъ) составляли естественные пути этой торговли. Какъ видно, эти важныя торговые пути уже хорошо были знакомы Грекамъ въ ту отдаленную эпоху. Торговля эллинскихъ колоній въ Крыму съ варварами и съ Греціей была такъ прибыльна и шла такъ успѣшно, что Греки изъ „негостепріимнаго“, какъ называлось прежде Черное море, переименовали его въ „гостепріимное“, и съ тѣхъ поръ, у всѣхъ древнихъ, за Чорнымъ моремъ осталось название *Понта Эвксинского*. Главными предметами торговли были здѣсь въ то время, какъ и теперь еще: хлѣбъ, шерсть, соль, затѣмъ соленая рыба, мяча и, кажется, торговля невольниками. Хлѣбной торговлей ставилась особенно Ѣеодосія, которую называли житницей Эллады.

Три вѣка слишкомъ, т. е. до того времени, пока вся Греція не была покорена Римлянами, эллинскія колоніи въ Крыму жили самою цвѣтущею и богатою жизнью, какую только могутъ доставить известному народу его смѣлая предпріимчивость, свобода учрежденій и обширная торговля дѣятельность.

Колоніи эти продолжали процвѣтать, не смотря на частые набѣги Тавро斯基овъ. Чтобы защитить свои владѣнія отъ этихъ народовъ, у херсонесцевъ и у босфорцевъ устроены были вокругъ нихъ окружные стѣны; а у босфорцевъ былъ еще выкопанъ глубокій ровъ, который шелъ отъ ихъ владѣній на югъ, до самыхъ горъ.

Но, какъ видно, такой защиты отъ варваровъ оказалось не достаточно, потому что и херсонесцы и босфорцы сами призвали къ себѣ въ защиту отъ Скиѳовъ pontийскаго царя Митридата-Эвлатора, полководцы котораго, Диофантъ и Неоптоломъ, посланные въ Крымъ, разбили и прогнали Скиѳовъ отъ греческихъ населеній. Но въ тоже время и таврическія колоніи Грековъ они обратили въ провинцію Pontийскаго царства. Митридатъ отдалъ ихъ въ удѣлъ сыну своему Махиресу. Извѣстны превратности счастья, которыя постигли Митридата, — эту, во всякомъ случаѣ, замѣтительную личность древняго міра. Его отважное предпріятіе — черезъ скиѳскія степи, черезъ Крымъ и югъ Россіи, черезъ Германію и Альпы пробиться въ Италію и овладѣть Римомъ — не удалось какъ извѣстно. Грекія и всѣ владѣнія самаго Митридата, вмѣстѣ съ Крымомъ, перешли къ Римлянамъ. Но трудность защищать Крымъ отъ частыхъ наплывовъ варваровъ заставила Римлянъ уступить Босфорское царство сыну Митридата, измѣнику Фарнаку, который однако былъ царемъ только по имени и зависѣлъ отъ капризовъ римскихъ военачальниковъ.

Херсонесъ, равно какъ и всѣ остальныя греческія колоніи въ Крыму, были присоединены къ Босфорскому царству; но императоръ Траянъ далъ ему автономію, предоставивъ себѣ одну только верховную власть. Незадолго до поступленія херсонесцевъ подъ власть Римлянъ они перенесли свой городъ, неизвѣстно по какой причинѣ, къ сѣверо-востоку отъ старого Херсонеса, — гораздо ближе къ мѣсту, где стоитъ нынѣшній Севастополь. Въ этомъ-то новомъ Херсонесѣ, извѣстномъ въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Корсунія*, вел. кн. Владимиrъ принялъ святое крещеніе. Замѣтимъ здѣсь, что христіанство стало распространяться въ Крыму еще въ I вѣкѣ, и по церковному преданію, первымъ проповѣдникомъ его въ Херсонесѣ былъ св. апостолъ Андрей Первозванный.

Паденіе Грекія имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу эллинскихъ колоній въ Крыму. Съ тѣхъ поръ, какъ Римъ сдѣлался столицею тогдашняго цивилизованного міра, торговыя сношенія Европы съ Востокомъ измѣнились: Африка, Египетъ, Сицилія стали теперь снабжать Европу хлѣбомъ, и крымскія колоніи Грековъ, державшіяся, главнымъ образомъ, хлѣбной торговлей, утратили свое значеніе. Послѣ раздѣленія римской имперіи на

восточную и западную, онъ перешли къ Византії и въ большей или меньшей степени раздѣляли общую съ нею историческую участь.

Съ первого вѣка христіанской эры начинается рядъ великихъ политическихъ переворотовъ, которые совершенно измѣняютъ прежній характеръ исторіи Європы. Тутъ происходитъ такъ называемое великое переселеніе народовъ, когда изъ глубины Азіи двинулись на Європу, вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, многочисленныя орды различныхъ дикихъ народовъ, которые наводняли европейскія страны послѣдовательно втечениемъ десяти вѣковъ и болѣе. Крымскій полуостровъ, стоящій на окраинѣ того пространства, которое изъ средины Азіи врывается въ Європу, лежалъ на пути всѣмъ этимъ народамъ при ихъ переселеніяхъ, и потому не могъ не подвергаться ихъ нападеніямъ. Одни изъ этихъ дикихъ азіатскихъ пришельцевъ только останавливались временно на полуостровѣ при своихъ переходахъ съ мѣста на мѣсто; другіе же селились на немъ на болѣе или менѣе продолжительное время, пока не были вытѣснены новыми пришельцами; но въ томъ и другомъ случаѣ они опустошали своими постоянными набѣгами богатые приморскіе города Грековъ, жгли ихъ, грабили, убивали жителей, уводили ихъ въ неволю, или же брали съ нихъ тяжелую дань. Десять вѣковъ слишкомъ Крымъ терпѣлъ отъ постоянныхъ набѣговъ на его города и села разныхъ дикихъ кочующихъ народовъ, большая часть которыхъ, кроме названий своихъ, занесенныхъ на страницы исторіи кровавыми буквами, не оставили никакихъ другихъ следовъ своего времененного существованія, какъ напр. Алланы, Гуны и др.

Алланы, народъ кочующій, нахлынули на Крымъ въ 63 году нашей эры, разорили Херсонесъ, разрушили до основанія Феодосію, которая захотѣла имъ сопротивляться и нападали даже на Тавро-скиевовъ въ ихъ неприступныхъ горахъ. Кратковременное, но ужасное владычество Аллановъ въ Крыму, длившееся, однако, около цѣлаго столѣтія, прекратили *Готы*, народъ столь-же воинственный, какъ и Алланы, но не столько дикий и жестокій. Готы, покоривъ Аллановъ, принудили ихъ оставить грабежи и кочующую жизнь и привыкнуть къ осѣдлой жизни. Немногочисленное племя Тавро-скиевовъ, видя миролюбіе новыхъ побѣдителей, присоединилось къ нимъ.

Готеи были единственный пришлый народъ, успокоивший на время несчастную Тавриду. Зашитивъ Тавропкиевъ, они внесли съ собою міръ и трудолюбіе на полуостровъ, занялись хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, винодѣльемъ; они умѣли ужиться со всѣми, населявшими Крымъ народами. Около этого времени христіанство распространяется какъ между Греками, такъ и между Готеями.

Жителямъ Тавриды не суждено было, однако, долго пользоваться благами, которыми природа надѣлила ихъ страну. Торговля еще продолжала держаться въ приморскихъ городахъ, населенныхъ Греками; гористая часть, занятая Готеями, процвѣтала хлѣбопашествомъ и винодѣльемъ; но безпрерывные войны съ варварами не давали имъ покойно наслаждаться плодами трудовъ своихъ.

Появленіе на полуостровѣ, около 376 г., новаго дикаго племени, *Гунновъ*, внесло съ собою новыя страшныя опустошенія и раззореніе его жителей. Гуны, съ мечемъ, и огнемъ, прошли по полуострову отъ Босфора Киммерийскаго до Херсонеса. Босфорское царство было ими уничтожено; богатая Пантикопея и другіе города были разрушены до основанія этими дикими народами, которые глядѣли на дома жителей, какъ на гробы, по выражению Прокопія, византійскаго писателя VI. вѣка.

Къ счастью, Гуны, какъ нахлынули на Крымъ волной, такъ и отхлынули скоро съ полуострова, оставивъ по себѣ слѣды печальныхъ разрушеній.

За Гуннами слѣдовали Уигры, или *Венгры*, новые раззорители края.

Императоръ Юстиніанъ, желая запитить подвластныхъ ему народовъ въ Крыму, приказалъ построить замки и крѣпкія стѣны, должноствовавши служить оплотомъ отъ набѣговъ варваровъ. Со стороны моря были построены имъ два крѣпкія замка: *Алустонъ* и *Гурзубитъ*. Для защиты Готеевъ, которые не любили жить въ крѣпостяхъ и даже укрѣпленныхъ городахъ и предпочитали жизнь сельскую, онъ приказалъ запереть всѣ входы въ ихъ долины длинными и прочными стѣнами, съ прорѣзанными въ нихъ башнями. Такимъ образомъ, миролюбивые Готеи были закрыты со стороны степей. Слѣды этихъ юстиніановскихъ стѣнъ видны еще и донынѣ,

Таврида отдохнула на некоторое время отъ варварскихъ раззореній; но спокойствіе это было непродолжительно. Въ концѣ VII. вѣка весь Крымъ былъ покоренъ потомками Гунновъ, *Хазарами*. Могущество этого народа такъ усилилось уже въ слѣдующемъ вѣкѣ, что онъ образовалъ изъ себя сильную монархію, и Крымъ довольно долго, по имени Хазаръ, назывался *Хазарією*.

Греки не смотря на частыя набѣги варваровъ и на раззореніе городовъ, такъ или иначе защищались отъ нихъ то оружиемъ, то платя дань золотомъ, и скоро снова возстановляли разрушенное. Городъ *Судакъ* (Судакъ), уже въ III. вѣкѣ имѣвши своего епископа, постоянно усиливая свою торговую дѣятельность и началь соперничать съ Херсонесомъ, который былъ въ то время сильно раззоренъ эксѣ-императоромъ Юстиніаномъ II, сосланнымъ въ Крымъ и проживавшимъ въ Херсонесѣ. Онъ мстилъ херсонесцамъ за попытку умертвить его.

Во время могущества Хазаръ, на Крымъ стали нападать *Русскіе* и *Печенѣги*. Хазары искали помощи у византійскихъ императоровъ; но, вслѣдствіе безпрерывныхъ нападеній и внутренней неурядицы, ихъ владычество начало быстро падать и наконецъ владѣнія Хазаръ были присоединены къ Византійской имперіи.

Въ концѣ X. вѣка Русскіе, подъ предводительствомъ в. кн. Владимира, вошли въ Крымъ и осадили Херсонесъ. Осада была трудна и продолжительна; но русскимъ удалось взять этотъ городъ, посредствомъ измѣны одного монаха, указавшаго имъ място источника, откуда въ городъ была проведена вода. Русскіе отвели воду, — и городъ долженъ былъ сдаться. Мы уже упоминали, что Владимиրъ, овладѣвъ Херсонесомъ, принялъ въ немъ крещеніе и женился на христіанской княжнѣ, родственницѣ византійского императора, которому и возвратилъ Херсонесъ — „ради царицы“, какъ сказано въ русскихъ лѣтописяхъ.

Херсонесъ не могъ уже, однако, восстановить, послѣ этого события, своего прежняго благосостоянія и славы. Вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и варварскихъ раззореній, втеченіе цѣлаго ряда вѣковъ, торговое значеніе его уменьшалось и онъ постепенно приходилъ въ упадокъ.

Владычество Хазаръ было смѣнено кратковременнымъ обладаніемъ края *Команами*, или *Половцами*,

народомъ воинственнымъ, тюркскаго происхожденія, вышедшимъ также изъ глубины Азіи. Но Команы, въ свою очередь, въ половинѣ XIII вѣка, были изгнаны изъ Крыма новыми побѣдителями — *Татарами*.

Съ изгнанiemъ Комановъ, прекращаются эти временные набѣги на Крымъ дикихъ ордъ различныхъ варварскихъ народовъ, опустошившихъ страну отъ одного конца до другаго втеченіе столькихъ вѣковъ. Татары, завладѣвъ полуостровомъ, обложили данью его обитателей, но уже не раззоряли ихъ городовъ и сель. Они сдѣлались владѣтелями Крыма во время Батыя, который избралъ своею столицею городъ *Солтѣ*, или *Солкатѣ* называемый татарами *Эски-Крымъ*, или Старый-Крымъ. Городъ этотъ сталъ однимъ изъ обширнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ городовъ по своему азіатскому великолѣпию и пышности, о которыхъ много говорятъ современные восточные писатели. Батый построилъ въ Солкатѣ дворецъ и чеканилъ здѣсь монету. Эски-Крымъ сдѣлался такъ замѣчательнъ, что отъ него, по всей вѣроятности, и весь полуостровъ получилъ свое нынѣшнее название Крыма. Но вначалѣ Крымъ зависѣлъ отъ хановъ золотой Кипчакской Орды, которые и назначали правителей въ Солкатѣ. Только въ половинѣ XV вѣка, когда пала Кипчакская Орда, образовалось независимое и могущественное Крымское ханство, или Крымско-татарская Орда.

Почти въ одно время съ Татарами утвердился на Крымскомъ полуостровѣ и другой уже европейскій народъ — *Италианцы*. И съ ихъ водворенiemъ Крымъ снова пріобрѣтаетъ ту знаменитость и славу, которою онъ пользовался во времена древнихъ Эллиновъ. Онъ снова сдѣлался главнымъ пунктомъ торговыхъ сношеній Европы съ восточными странами и снова появились въ немъ богатые и цвѣтущіе города.

Венецианская республика, эта „гордая царица Адріатики“, какъ ее называли во дни ея могущества и славы, уже послѣ первого крестового похода успѣла открыть себѣ путь въ Черное и Азовское море, гдѣ на развалинахъ древне греческаго *Танахса*, основала свое торговое населеніе *Тану*, и стала посѣщать всѣ существовавшіе тогда на этихъ моряхъ порты и производить въ нихъ торговлю. Скоро вся богатая торговля Чернаго и Азовскаго морей находилась въ рукахъ венецианцевъ. Генуэзская республика, постоянная соперница Венеции, не могла смот-

рѣть безъ зависти на этотъ успѣхъ венеціанской торговли. Генуэзцы помогли императорамъ Палеологамъ взойти опять на престолъ, отнятый у нихъ латинянами, и черезъ это получили отъ нихъ право исключительного плаванія и торговли на Черномъ морѣ. Извѣстно, что генуэзцамъ уступлено было въ это время предмѣстье Константинонала *Галата*, гдѣ они основали свои знаменитыя торговые факторіи. Такія же факторіи скоро появились у нихъ и въ Крыму. Въ первой половинѣ XIII вѣка они успѣли приобрѣсть на крымскомъ берегу небольшой клочекъ земли и, утвердившись на немъ, — именно на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла древнегреческая Феодосія, — основали здѣсь свою знаменитую *Кафу*, которая, въ скоромъ времени, доставила имъ полное обладаніе Чернымъ моремъ и его торговлей.

Мы совершенно справедливо сказали выше, что съ водвореніемъ Генуэзцевъ въ Крыму снова повторилась та блестящая эпоха его исторіи, которую эта страна пережила во времена существованія въ ней эллинскихъ колоній. Скоро Кафа генуэзская, по своей обширности, народонаселенію и богатству, сдѣлалась соперницею Константинонала. Генуэзцы, утвердившись въ Кафѣ, скоро отняли у грековъ Сугдайю, которая и до нихъ была важнымъ торговымъ мѣстомъ въ Крыму, завладѣли Керчию, Балаклавой и всѣмъ южнымъ берегомъ Крыма, проникли въ Азовское море, основали факторію въ Колхидѣ и по кавказскому берегу, и генуэзскія колоніи на Черномъ морѣ, центромъ которыхъ была Кафа, сдѣлались скоро знаменитыми и приобрѣли всемирную извѣстность. Ониѣ стали главнымъ складочнымъ мѣстомъ всей торговли Европы съ Россіей, малой Азіей, Персіей и Индіей. Больѣе двухъ сотъ лѣтъ эта кипучая торговая дѣятельность развивалась съ блестящимъ успѣхомъ во всѣхъ Черноморскихъ колоніяхъ генуэзцевъ, обогащая и доставляя благосостояніе жителямъ. О богатствѣ, обширности и красотѣ городовъ, построенныхъ генуэзцами въ Крыму, особенно же Кафы, можно судить по тѣмъ грандиознымъ и вмѣстѣ грустнымъ развалинамъ, которыя видятся еще и донынѣ въ Феодосіи, Судакѣ и въ другихъ мѣстахъ Крыма.

Но и этому славному владычеству генуэзцевъ на Черномъ морѣ также скоро наступилъ конецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ новымъ блестящимъ страницамъ въ исторіи Крыма.

Въ 1453 году Византія была покорена турками, и это важное міровое событіе приблизило катастрофу, постигшую владіння італіянцевъ въ Крыму. Въ 1475 году, татары, недовольные генуэзцами за ихъ покровительство хану Менгли Гирею, противъ которого они восстали, осадили Кафу, и такъ какъ осада шла безуспешно, то татары призвали на помощь турокъ, обѣщаю имъ богатую добычу въ завладѣніи Кафой. Турки не заставили себя ожидать; флотъ ихъ явился подъ стѣнами Кафы и послѣ нѣсколькихъ дній осады, італіянцы вынуждены были сдаться. 6^о Іюня 1475 года Кафа сдалась безусловно, расчитывая на великодушіе побѣдителей. Но турки, войдя въ городъ, разграбили его и перебили большую часть его жителей и временно проживавшихъ въ немъ купцовъ разныхъ націй, между которыми находились: русские, валахи, черкесы и др. Все населеніе Кафы во время покоренія ея турками, по современнымъ извѣстіямъ, простипалось до 70,000.

За Кафою пали Сугдаія, Чембала и другія мѣста въ Крыму, принадлежавшія генуэзцамъ. Во всѣхъ ихъ городахъ и крѣпостяхъ, разграбленныхъ турками, помѣщены были турецкіе гарнизоны.

Послѣ этого страшнаго уничтоженія зачатковъ італіянской цивилизаціи на Черномъ морѣ, турки твердою ногою утвердились въ Крыму. Крымскіе ханы, происходившіе изъ династіи *туреевъ*, потомковъ Чингисъ-хана, и бывшіе дотолѣ независимыми, сдѣлялись вассалами Порты. По произволу турецкаго султана, ихъ смѣняли, душили, посыпали въ ссылку. Часто случалось, что одинъ и тотъ же ханъ по нѣскольку разъ возвращался на ханство и подъ конецъ все таки или бывалъ сосланъ въ Родосъ (обыкновенное мѣсто ссылки крымскихъ хановъ) или же удавленъ.

Не смотря на то, что Крымскіе ханы назывались царями и султанами, они тѣмъ не менѣе, можно сказать, были скорѣе атаманами огромныхъ разбойничихъ шаекъ, нежели правителями благоустроенного государства, въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

По изгнанію італіянцевъ изъ Чернаго моря, Кафа продолжала свое существованіе еще и при туркахъ, переименовавшихъ ее въ *Кефе*; они давали ей даже название „малаго Стамбула“. Кефе была еще довольно значительно населена, но торговое значеніе ея было уже далеко не то, что при генуэзцахъ. Въ ней, какъ и въ *Гезлесе*

(Козловъ у Русскихъ, нынѣ Евпаторія), Карасубазаръ и др. торговля пріобрѣла чисто восточный характеръ. Главнымъ торговымъ населеніемъ этихъ городовъ были армяне, греки и евреи-караимы, частью же сами турки и татары, такъ что вокругъ этихъ городовъ Крыма сгруппировалось теперь все торговое и промышленное населеніе края. Въ Бахчисараѣ же, новой столицѣ крымскихъ хановъ, жили большую частію мурзы татарскіе, т. е. богачи и вельможи и придворные хана. Оттуда шли повелѣнія къ военнымъ сборамъ, оттуда стремились лихіе татарскіе набѣдники на войну и добычу. Только малое число татаръ, подвластныхъ крымскимъ ханамъ, успѣло привыкнуть къ земледѣлю и осѣдлой жизни; большая часть ихъ кочевала въ степяхъ, подъ именемъ „ногайской орды“; но какъ ногайцы, такъ и собственно Крымцы жили болѣе или менѣе войной, или лучше сказать, грабежемъ. Война ихъ кормила, война обогащала. „Земля наша войной живетъ“ говорили обыкновенно сами о себѣ татары. Хотя тѣ изъ татаръ, которые усѣлись въ городахъ, и занимались промышленностью и ремеслами, но промышленность эта не шла, какъ кажется, далѣе чиненія кожъ и т. п. мелкихъ промысловъ, приготовленія и продажи сѣдель, татарской обуви, бурокъ, войлоковъ и т. д. Образчики этихъ татарскихъ промысловъ мы можемъ видѣть еще и теперь въ Бахчисараѣ и Карабузбазарѣ.

Продажа невольниковъ составляла главный предметъ торговли татаръ. Дѣлая опустошительные набѣги на материкъ, они пригоняли тысячи плѣнныхъ и продавали ихъ на базарахъ Салката и Каѣы. Татары безпрестанно находили предлоги къ войнѣ, т. е. къ набѣгамъ, и наводняли то Польшу, то Россію, то земли Казаковъ — донскихъ и запорожскихъ. Казачьи общины были поэтому самыми заклятыми врагами „невѣрныхъ“, — какъ татаръ, такъ и турокъ. И никто такъ знатно не отплачивалъ татарамъ за ихъ злые набѣги, какъ запорожцы, которые въ свою очередь, дѣлая набѣги на владѣнія татаръ и турокъ, ходили къ нимъ то черезъ свои необозримыя степи, то водою, на своихъ „байдакахъ“. Запорожцы грабили не разъ турецкіе и татарскіе города, угрожали самому Константинополю, бывали въ Бахчисараѣ, въ Трапезундѣ, Варнѣ и др., жгли эти города и села, грабили, убивали жителей, и возвращались въ свою Сѣчь, за днѣпровскіе пороги, съ награбленнымъ добромъ.

Земледѣльческое же, промышленное и ремесленное населеніе крымскихъ сель и городовъ почти исключительно составляли: греки, армяне, евреи, и дань, которую съ нихъ взымали Крымцы, была главнымъ доходомъ ханской казны.

Около того времени, когда усилилась крымская орда, Русь едва только освободилась изъ-подъ монгольского ига. Съ падениемъ Золотой Кипчакской орды, Московское государство начинало только устраиваться и приходить въ силу, но частые набѣги крымцевъ, слѣды опустошения, которые они оставляли каждый разъ въ русскихъ селахъ и городахъ, разореніе и уводъ въ плѣнъ жителей служили однимъ изъ важнейшихъ препятствій для внутренняго развитія и устройства Русской земли. Русскія лѣтописи наполнены печальными рассказами о набѣгахъ крымскихъ татаръ на Русь и о тѣхъ жестокихъ опустошенияхъ, которыя она претерпѣвала отъ этихъ набѣговъ. Сама Москва не была безопасна отъ крымцевъ: они не разъ подходили къ ея стѣнамъ и однажды (въ 1592 году) выжгли все московскіе посады. Такимъ образомъ Московское царство имѣло въ крымской ордѣ не только беспокойнаго сосѣда, но и врага самаго и опаснаго неукротимаго, который ежеминутно угрожалъ его спокойствію и развитію. Правители русскія принимали всѣ мѣры къ предотвращенію набѣговъ крымцевъ: водили дружбу съ крымскими ханами, постоянно сносились съ ними посредствомъ пословъ своихъ, посылали ханамъ и всѣмъ ихъ приближеннымъ, почти ежегодно, богатые дары. Но все это мало помогало дѣлу. Крымцы не прекращали своихъ набѣговъ на русскія земли, растянутость которыхъ и близкое сосѣдство съ степями татарскихъ кочевниковъ служили для русскихъ того времени неодолимымъ препятствіемъ къ охраненію своихъ предѣловъ отъ злыхъ нападеній татаръ. Поэтому, рано или поздно, русское государство, войдя въ силу, должно было укротить своего вѣчнаго врага-сосѣда и должно было отнять у него всякую возможность опустошать земли русскія.

Съ XIV по XVIII столѣтіе русскіе только защищались отъ нападеній татаръ; но тутъ они уже начали сами наступать на крымцевъ, на ихъ собственной землѣ и стали предпринимать походы въ Крымъ.

Во время правленія царевны Софіи, войска московскія подъ предводительствомъ князя Голицына,

любимца царевны, первый разъ явились въ Крыму. Но оба крымскіе похода Голицына были неудачны. Въ виды Петра Великаго входило, какъ извѣстно, положительное намѣреніе овладѣть Крымомъ; но неудача его на Прутѣ отвлекла его потомъ отъ выполненія этого намѣренія. При преемникахъ Петра, его планъ — сокрушить Крымское ханство и овладѣть полуостровомъ — не былъ однако оставленъ. При императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, во время войны съ Турцией, русскія войска, подъ предводительствомъ фельдмаршала Миниха, вошли въ Крымъ, овладѣли Перекопомъ и, подвигаясь въ глубь полуострова, овладѣли Козловомъ, Бахчисараемъ, Акмечетью и Карасубазаромъ. Козловъ былъ разграбленъ, а остальные города, вмѣстѣ съ столицею хановъ, были выжжены русскими войсками и обращены въ кучу пепла и развалинъ. Сильные жары заставили однако Миниха вывести на этотъ разъ войска свои изъ Крыма.

Наконецъ, въ царствованіе Екатерины II, во время первой войны съ Турками, послѣдовало новое нападеніе Русскихъ на Крымцевъ, какъ на союзниковъ султана. Въ 1797 году князь Долгорукій пришелъ въ Крымъ съ русскими войсками и завладѣль всѣмъ полуостровомъ, за что и названъ Долгоруковымъ-Крымскимъ. Алимъ-Гирей, бывшій въ это время ханомъ въ Крыму, бѣжалъ. На ханство былъ возведенъ, при помощи русского вліянія, Шагинъ-Гирей, преданный Россіи, по желанію которой онъ объявилъ себя независимымъ отъ Порты. При этомъ онъ уступилъ русскимъ города: Керчь, Азовъ и Еникале, которые и были заняты русскими войсками, и тогда русский флотъ впервые появился въ Черномъ морѣ.

Татары негодовали на Шагинъ-Гирея за его приверженность къ Россіи, особенно же за его попытки вводить у себя разныя преобразованія на европейскій манеръ, организовать постоянное войско и пр. Неудовольствие и ропотъ татаръ скоро превратились въ открытое возмущеніе противъ хана. Россія, чутко прислушиваясь ко всему, что происходило у татаръ, двинула опять войска свои на полуостровъ, которые разбили возмутившихся татаръ подъ Бахчисараемъ, овладѣли Кафой и снова утвердили Шагинъ-Гирея на ханство. Но уже послѣдній часъ существованія Крымскаго ханства наступилъ. Вскорѣ по выходѣ русскихъ войскъ изъ Крыма, татары снова

возмущались противъ Шагинъ Гирея. Потемкинъ вступилъ опять съ русскими войсками на полуостровъ, и на этотъ разъ убѣдилъ Шагинъ Гирея отречься отъ ханского престола и уступить владѣнія свои Екатеринѣ II, что тотъ и сдѣлалъ. Потемкинъ получилъ за это титулъ „князя Таврическаго.“

Такъ мало могущественное нѣкогда, державшее въ постоянномъ страхѣ сосѣдей своихъ, Крымское ханство, и Таврида вмѣстѣ съ другими землями, считавшимися во владѣніи крымскихъ хановъ, въ 1783 году была присоединена къ Россіи.

Шагинъ-Гирей увезенъ былъ въ Калугу; жилъ потомъ въ Петербургѣ; ему назначена была отъ русскаго правительства пенсія. Но онъ недолго оставался въ Россіи и скоро отправился въ Константинополь, гдѣ надѣялся спокойно окончить жизнь; но у турокъ онъ подвергся обычной участіи крымскихъ хановъ, т. е. былъ удавленъ.

Разнообразное, разнохарактерное населеніе Крыма, составившееся вслѣдствіе прилива на полуостровъ различныхъ народностей, втеченіе длиннаго периода его предыдущей исторіи, послѣ присоединенія его къ державѣ Екатерины II, увеличилось еще русскимъ элементомъ. И нынѣшнее населеніе Крыма представляетъ самую пеструю картину различныхъ національностей, племенъ, языковъ и различныхъ вѣроисповѣданій.

Съ возвращеніемъ въ Крыму татаръ, они конечно составляли преобладающій элементъ въ населеніи полуострова, особенно же въ населеніи степей, гдѣ, до прихода русскихъ и другихъ колонистовъ, улусы татаръ-нагайцевъ были единственными человѣческими обиталищами. Слѣдственно, въ степныхъ татарахъ чистый типъ татарской расы сохранялся безо всякой примѣси. Не то было въ гористой части полуострова и по морскому прибрежью, издавна очень густо населенныхъ греками, готами, а потомъ генуэзцами.

Греки и другіе горскіе жители оставались на своихъ мѣстахъ и при татарахъ, тѣмъ болѣе, что въ первое время татарскаго владычества въ Крыму, татары не селились сами въ горахъ, отличались вѣротерпимостью и

только брали дань съ подвластныхъ имъ грековъ и другихъ народовъ. Послѣ паденія Кафы и другихъ генуэзскихъ поселеній въ Крыму, часть генуэзцевъ скрылась въ горы и впослѣдствіи слилась тамъ съ прочимъ горскимъ населеніемъ. Когда же мусульманство проникло къ крымскимъ татарамъ (полагаютъ въ началѣ XIV вѣка) и особенно когда турки завладѣли южнымъ берегомъ, то, движимые мусульманскимъ прозелитизмомъ, они большее число жителей горъ и южнаго берега обратили въ магометанство. Потому, нынѣшніе горскіе татары и татары южнаго берега, какъ замѣчено почти всѣми путешествовавшими въ Крыму, по типическимъ чертамъ лица, по некоторымъ понятіямъ и привычкамъ въ образѣ жизни, рѣзко отличаются отъ степныхъ татаръ, у которыхъ, какъ мы сказали, монгольскій типъ сохранился во всей его чистотѣ.

Горскіе татары, какъ мужчины, такъ и женщины болѣе или менѣе стройны, средняго роста, быстры въ движеніяхъ; къ тому-же, въ нравственномъ отношеніи, они развитѣе степныхъ татаръ: привѣтливы, гостепріимны. Всѣ эти черты скорѣе напоминаютъ потомковъ эллиновъ, — какими и считаются татары южнаго берега Крыма, — чѣмъ потомковъ монгольскихъ выходцевъ изъ средней Азіи. Кроме того есть много признаковъ, ясно указывающихъ на то, что предки нынѣшнихъ горскихъ татаръ въ Крыму были христіане. Самый языкъ ихъ до того отличается отъ языка степныхъ татаръ, что они другъ друга мало понимаютъ. Типъ же степныхъ татаръ, — это извѣстный, некрасивый монгольскій типъ, характеристические черты котораго — выдавшіяся скулы и узкие глаза. Нравы степныхъ татаръ и образъ жизни ихъ гораздо грубѣе, нежели у горскихъ, и насколько послѣдніе чистоплотны, на столько тѣ грязны и неряшливы.

Татарское населеніе Крыма въ прежнее время было очень значительно. Ханы, при своихъ войнахъ и набѣгахъ, могли подымать 200,000 людей, способныхъ носить оружіе. Во время присоединенія Крыма къ русской державѣ, многие изъ татаръ выселились въ Турцію. Новое выселеніе татаръ въ Турцію совершилось, какъ извѣстно, въ 1861^м году, вскорѣ послѣ крымской войны. Все это въ значительной степени уменьшило татарское населеніе Крыма, такъ что оно, по офиціальнымъ даннымъ, теперь не превышаетъ 100,000 душъ обоего пола. Сплошное

татарское население встречается теперь только въ гористой части Крыма, гдѣ весьма немного не татарскихъ деревень; а изъ городовъ, татары населяютъ преимущественно: Бахчисарай, Карасубазаръ, Евпаторію, Симферополь, Феодосію и Ялту.

Къ древнейшему населенію Крымского полуострова, кромѣ татаръ, принадлежать еще: *греки, армяне, и евреи.*

Армяне и Евреи живутъ почти исключительно въ городахъ, а греки населены и въ нѣкоторыхъ деревняхъ горной части Крыма, которая вмѣстѣ съ прибрежiemъ принадлежала грекамъ втечениіи столькихъ столѣтій, и была нѣкогда густо заселена ими. Множество развалинъ греческихъ церквей, находимыхъ повсюду въ Крымскихъ горахъ, служитъ тому яснымъ доказательствомъ. Мы сказали выше, что часть грековъ, жившихъ въ горахъ, обращена была въ мусульманство. Изъ оставшихся затѣмъ грековъ въ Крыму, большая часть вмѣстѣ съ Армянами (въ числѣ, болѣе 30,000), была выселена въ нынѣшнюю екатеринославскую губернію, гдѣ эти переселенцы составили „Маріупольскій греческій округъ“ и новымъ населеніямъ своимъ дали названія прежнихъ, существующихъ и теперь въ Крыму. Такъ тамъ есть деревни: *Ялта, Гурзуфъ, Ласпи* и др. Переселеніе это совершилось при послѣднемъ ханѣ Шагинѣ-Гиреѣ, по желанію русскаго правительства.

Сплошное греческое население встречается теперь только въ Балаклавѣ и въ принадлежащихъ къ ея округу восьми деревняхъ. Но это греки архипелажскіе, переселенные въ Крымъ уже послѣ присоединенія его къ Россіи. Остальные греки, т. е. большее число ихъ, живутъ теперь въ городахъ. Всего же считается теперь грековъ на полуостровѣ около 13,000.

Армяне принадлежать также къ древнимъ жителямъ Крыма. Полагаютъ, что армяне пришли въ Крымъ еще въ XIII вѣкѣ и что нынѣшніе крымскіе армяне потомки тѣхъ, которые выселены были изъ Арmenіи, послѣ завоеванія ея татарами въ 1261 году. Потомъ они переселились въ Крымъ, съ согласія генуэзцевъ, и водворились въ Каффу, въ Салката и между Карасубазаромъ и Судакомъ. Въ Каффѣ было нѣкогда богатое армянское населеніе;

армяне имѣли здѣсь своего архіерея и много церквей. Сколько армянъ было выселено въ 1779 году, вмѣстѣ съ греками въ Екатеринославскую губернію (гдѣ они образовали „Нахичевань армянскій округъ“) и сколько затѣмъ осталось ихъ въ Крыму, неизвѣстно. Теперь же ихъ считаются на полуостровѣ всего до 6000. Они живутъ исключительно въ городахъ.

Пынѣшнее еврейское населеніе Крыма состоялось какъ изъ остатковъ евреевъ, издревле запедшихъ сюда и утвердившихся во многихъ мѣстахъ полуострова, такъ и изъ евреевъ, водворившихся въ Крыму уже послѣ присоединенія его къ Россіи.

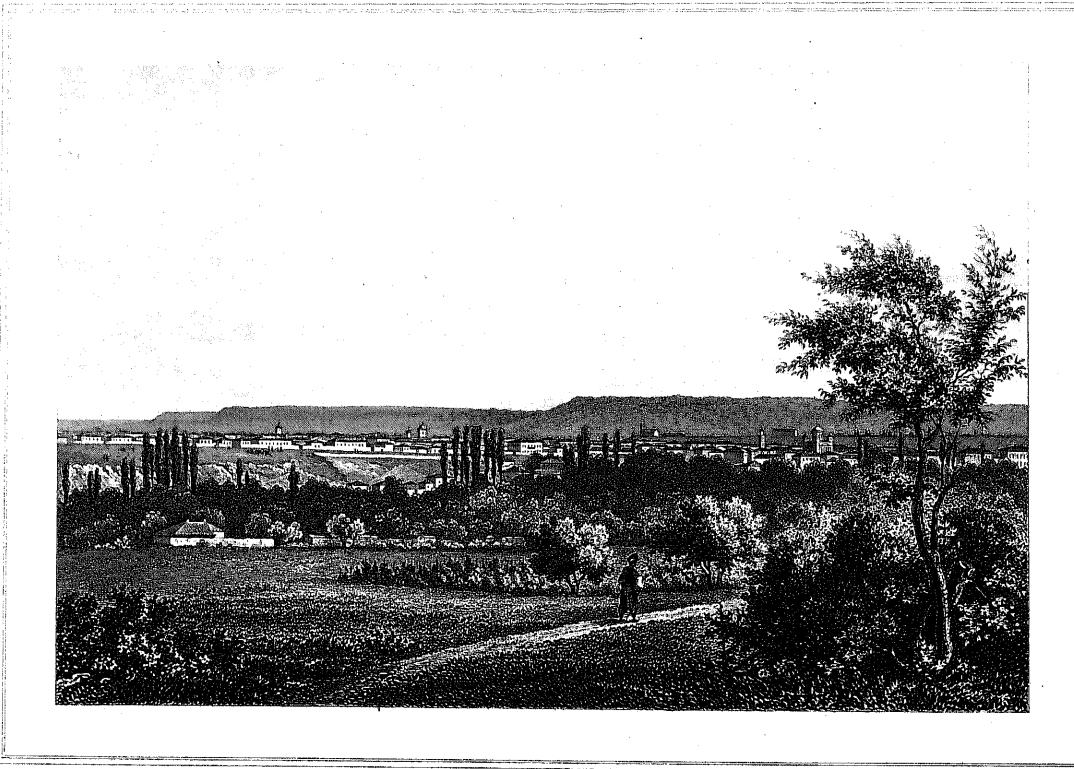
Нѣкоторые думаютъ, что евреи, поселившіеся въ Таврицѣ, пришли сюда еще во времена древнихъ Грековъ. По словамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, евреи жили тогда преимущественно въ Босфорскомъ царствѣ; оттуда перешли въ Старый Крымъ, Чуфутъ-Кале, и Маниутъ-Кале. Что евреи жили въ этихъ двухъ послѣднихъ крѣпостяхъ уже въ VI вѣкѣ христіанской эры, это доказывается оставшимися тамъ еврейскими надписями на гробницахъ. Древніе крымскіе евреи принадлежатъ къ сектѣ караимовъ или караитовъ, которые держатся одной бібліи и не признаютъ талмуда. Евреи-талмудисты пришли въ Крымъ уже послѣ его покоренія русскими. Всѣхъ евреевъ считается теперь въ Крыму болѣе 10,000; изъ нихъ караимовъ 3,500. Какъ тѣ, такъ и другіе живутъ преимущественно въ городахъ.

Вотъ главные элементы древнаго населенія Крыма, составившагося исторически. Новое заселеніе Крыма началось съ присоединенія его къ Россіи и главный элементъ, которымъ оно увеличилось, былъ конечно русскій. Послѣ русскихъ слѣдуютъ колонисты разныхъ народностей: нѣмцы, болгары, и другіе водворенные здѣсь уже русскимъ правительствомъ. Нѣмцевъ колонистовъ считается на полуостровѣ 5,200, а болгаръ 3,200. Изъ всего населенія крымскаго полуострова, простирающагося теперь до 194,900 д. об. п. половину составляютъ татары, болѣе $\frac{1}{4}$ русскіе, остальная затѣмъ цифра населенія распредѣляется между прочими народностями.

Шностранцевъ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и др. вообще очень немногого, большая часть изъ нихъ

живеть на южномъ берегу, въ качествѣ винодѣловъ, садовниковъ, и пр. А въ городахъ, преимущественно въ Керчи и въ Феодосії, живеть небольшое число иностранцевъ по торговымъ дѣламъ.

Послѣдняя крымская война доставила Крыму новую знаменитость и новую всемирную известность. *Алма*, *Никерманъ*, *Черная рѣка*, *Балаклава*, и наконецъ славный *Севастополь* — все это имена, которыя увѣковѣчить исторія и которыя невольно возбуждаютъ въ душѣ каждого русскаго ряда грустныхъ и вмѣстѣ величественныхъ воспоминаній. Ни одинъ путешественникъ не пройдетъ мимо этихъ мѣстностей безъ тоскливої думы, безъ волненія сердечнаго. Но крымская война, доставивъ древней классической *Тавридѣ* новую известность и новый исторический интересъ, прибавивъ новую страницу къ его исторіи, оставила вмѣстѣ съ тѣмъ для страны и ея жителей и всѣ печальныя послѣствія, которыми обыкновенно сопровождается всякая война. И много врежени, много усилий человѣческихъ нужно теперь, чтобы поднять этотъ край, такъ щедро одаренный природою и возвысить его на ту степень благосостоянія, до которой онъ можетъ достигнуть по своему рѣдко счастливому географическому положенію и по своимъ климатическимъ условіямъ.

Gez. v. Fessler. Gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

SIMFEROPOL.

СИМФЕРОПОЛЬ.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

СИМФЕРОПОЛЬ.

то ёдетъ въ Крымъ сухимъ путемъ, составивъ себѣ заранѣе понятіе о живописной красотѣ его, о горахъ и зелени, тотъ грустно разочаровывается: въїзжая въ Перекопъ, — въ эти „ворота“ Крымскаго полуострова, — и продолжая далѣе путешествіе по такимъ-же безжизненнымъ и монотоннымъ степямъ, по какимъ онъ ёхалъ и до Перекона. Нигдѣ ни дерева, ни ручья, ни холмистой мѣстности, для разнообразія этой безотрадной картины степей, представляющиихся вамъ какою-то безжизненною пустынею, гдѣ, кромѣ почтовыхъ станцій, почти не встрѣчается жилья человѣческаго.

Степная равнина тянется почти до самого Симферополя; и только подъїзжая къ посѣдѣней станціи степь начинаетъ нѣсколько оживляться, появляется вода и деревья, и чаще встрѣчаются жилья мѣста. Отсюда уже обозначается вдали горная цѣнь Тавриды, рисуясь неопределенно на горизонтѣ, въ видѣ разнообразныхъ облаковъ, и только *Чатыръ-дагъ* одинъ ясно обрисовывается передъ вами.

За часъ пути отъ Симферополя уже сіяютъ кресты соборной церкви; потомъ постепенно обозначаются ея куполы, тянутся ряды зданій, груши деревъ, серебрится рѣчка *Салыръ*, опоясанная зеленью, среди которой краснѣютъ черепичныя крыши строеній. Еще ближе и раскинулся весь Симферополь.

Съ-лѣва его окаймляетъ густая, прекрасная роща, за которой начинаются сады; съ-права тянутся ряды дачъ, съ ихъ густыми садами, огородами и пестрыми строеніями.

Съ перекопской дороги, т. е. съ сѣверной стороны стени, Симферополь рисуется довольно большимъ и красивымъ городомъ. Но видъ города представляется еще более красивымъ, если взглянуть на него съ восточной стороны, съ той именно стороны, съ которой онъ изображенъ на нашемъ рисункѣ.

Впереди тянется здѣсь ѿеодосійская почтовая дорога; на-право показывается первая велень большаго фруктоваго сада, принадлежащаго наслѣдникамъ Султана Крымъ-Гирея; съ-лѣва небольшія дачки, окруженыя виноградниками; а за ними группы гигантскихъ тополей и могучей зелени старыхъ садовъ, принадлежащихъ наслѣдникамъ симферопольскихъ сторожиловъ, первыхъ переселенцевъ въ Крымъ, — Мильгаузена, Стевена, Уманца и друг. Далѣе, за этими садами рисуется весь городъ, живописно растянувшись вдоль Салгира. За городомъ поднимаются горы, съ-лѣва возвышается Чатыръ-дагъ и отъ него тянется далѣе вся горная цѣнь.

Сады и дачи, можно сказать, опоясываютъ Симферополь со всѣхъ сторонъ, и самые роскошные изъ нихъ тѣ, которые расположены по Салтиру. Это богатство зелени и садовъ придаетъ окрестностямъ Симферополя необыкновенно красивый и оживленный видъ.

Симферополь (у татаръ *Akъ мечеть*, т. е. бѣлая мечеть), дѣлится на двѣ части: на *старую* или татарскую часть города и на *новую*, возникшую со времени присоединенія Крыма къ русскимъ владѣніямъ. Новый городъ, — центръ главной мѣстной администраціи, гдѣ сосредоточены всѣ губернскія присутственныя мѣста и власти, — ничѣмъ не отличается, по своему виду и характеру строеній, отъ другихъ губернскихъ городовъ новороссійскаго края. Чрезвычайно широкія улицы, одно-этажные и дву-этажные дома, большую частію бѣлые, и самой обыкновенной архитектуры, зданіе присутственныхъ мѣсть, губернаторскій домъ, въ центрѣ города соборная церковь, вокругъ обсаженная деревьями, — все это придаетъ новому Симферополю физіономію очень обыкновенного губернскаго города. Близъ соборной площади стоитъ памятникъ князю Долгорукому-Крымскому,

сооруженный въ видѣ невысокаго обелиска, изъ сбраго крымскаго гранита, не представляющій впрочемъ ничего особеннаго. Городской садъ въ Симферополѣ, называемый обыкновенно бульваромъ не великъ, но очень хороши. Онъ идетъ къ самому берегу Салгира, откуда открывается видъ на роскошную салгирскую долину и ся сады.

Но совершенно иную физиономію имѣетъ другая часть Симферополя, или *старый* городъ. Это чисто татарскій городъ; онъ сохранилъ до сихъ-поръ свой восточный характеръ. Улицы его очень узки, едва даютъ мѣсто одному экипажу; дома все построены фасадомъ во внутрь дворовъ, а на улицу выходятъ одинъ глухія стѣны, калитки и ворота. Прежде здѣсь было много мечетей, но теперь осталось ихъ только двѣ, весьма обыкновенной архитектуры. Эта часть города еще и теперь заселена преимущественно татарами, — хотя между ними теперь живетъ здѣсь и бѣдный классъ народа всѣхъ племенъ, населяющихъ обыкновенно города Крыма.

Во времена владычества татаръ Акъ-мечеть бывала резиденціею *Ками-султана*, т. е. брата, сына или другаго какого-либо родственника хана, который предназначался обыкновенно въ наследники престола и который, во время походовъ или въ отсутствіе хана, заступалъ обыкновенно его мѣсто и правилъ Ордою. Такимъ образомъ, Калгасултанъ былъ вторымъ лицемъ у татаръ, послѣ хана. Онъ имѣлъ свой дворъ, устроенный на подобіе двора самаго хана, свой совѣтъ, своихъ судей и т. д.

Доходы съ Акъ-мечети и нѣкоторыхъ другихъ городовъ Крыма собирались въ пользу Калги-султана.

На концѣ Симферополя, по дорогѣ на южный берегъ, подъ горою, находился дворецъ Калги-султана, съ прекраснымъ садомъ и фонтаномъ. Теперь же ни отъ дворца, ни отъ сада не осталось почти и слѣдовъ. Но фонтанъ существуетъ, — онъ снабжаетъ и теперь водою почти весь городъ.

БАХЧИСАРАЙ.

Бахчисарай, бывшая столица изчезнувшихъ съ лица земли, нѣкогда гроаныхъ „крымскихъ хановъ“, производить на путешественника особенно пріятное и, вмѣстѣ, грустное впечатлѣніе. Уголокъ этотъ, до сихъ поръ носящий на себѣ яркіе слѣды восточной жизни, еще довольно живой и довольно краснорѣчиво говоритъ о своемъ шумномъ и дикомъ прошедшемъ. Бахчисарай тѣмъ, большею проражаетъ путешественника, что представляется его взорамъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, какъ бы случайно.

Почтовая дорога, ведущая въ Бахчисарай изъ Симферополя, имѣетъ совершенно степной характеръ; только издали видныются горы, слегка покрытыя довольно скучною растительностью. За четверть версты отъ города, дорога вдругъ круто поворачивается вълево, и взорамъ представляется совершенно неожиданная картина: степь точно раступилась, чтобы выдвинуть какъ бы изъ земли довольно обширный городъ, растянувшійся въ глубокой и узкой лощинѣ, ярко пестрѣющій среди густой зелени садовъ и со всѣхъ сторонъ обнесенный почти отвесными стѣнами белыхъ, обнаженныхъ горъ. Густые ряды гигантскихъ тополей по всемъ направлениямъ перерѣзываютъ городъ и соперничаютъ въ высотѣ съ многочисленными и стройно-подымющимися въ воздухъ минаретами татарскихъ мечетей.

Nach Photogr. gen. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

BAKTSCHISARAI.

Бахчисарай.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

По такой красивый видъ Бахчисарай представляеть издали; а вблизи онъ совершенно напоминаеть довольно грязный восточный городокъ, съ нечистыми улицами и мутнымъ потокомъ, который течеть посреди города и носить по справедливости данное ему название *Чорюкъ-су* — гнилая вода.

Въ городъ вѣзжаютъ черезъ полуразвалившіяся, обросшія мохомъ ворота, съ желѣзными затворами, которыми, во времена хановъ, ворота вѣроятно затворялись на ночь. Но теперь, какъ эти затворы, такъ и петли давно заржавѣли, — и нынѣшніе мирные обитатели Бахчисарада, позабывть о своихъ прежнихъ удалыхъ разбойничихъ набѣгахъ, не имѣютъ повода опасаться мести и нападений отравленныхъ ими людей; и потому ворота ихъ никогда не затворяются.

Отъ городскихъ воротъ или когда-то неприступныя стѣны, — перерѣзанныя сторожевыми башнями, — и замыкали долину, въ которой раскинулся городъ. Теперь отъ стѣнъ этихъ почти нѣть и слѣдовъ, и изъ воротъ открывается прямо вѣзду въ главную и единственную, правильную улицу города. Она идетъ черезъ весь городъ, въ-длину версты на четыре, и такъ узка, что съ трудомъ могутъ разъѣхаться два экипажа. По обѣимъ сторонамъ улицы тянутся лавки и лавочки разного рода, цыбульни, тѣльца всегда вы увидите намыленныя головы почтенныхъ татаръ, кофейни, въ которыхъ сидятъ на „коврахъ отдохновенія“ и покуривають „кальянъ забвенія,“ — или просто — трубочки тѣ же самыя почтенные фигуры татаръ; и тутъ-то они ведутъ свои игумныя бесѣды, вспоминаютъ о своимъ давно-минувшемъ, рассказываютъ и собираютъ новости и пр. Здѣсь-же по этой улицѣ, въ открытыхъ лавочкахъ, пекутъ хлѣбъ, бублики, жарятъ кебабы, шьютъ татарскую обувь изъ цвѣтнаго сафьяна, вышиваютъ ее довольно красиво золотомъ и серебромъ, дѣлаютъ сѣда, кушаки, кисеты для табаку, куютъ, чешутъ шерсть, чинятъ кожи и т. д. Цѣлый день идетъ здѣсь довольно живая и разнообразная дѣятельность. Всѣ эти лавочки, мастерскія и вообще вся улица — хотя и оригинальны по своему вѣнченному виду, но очень не затѣйливо построены и не могутъ похвальстися особенною оправтностю и благородствомъ воздухомъ, такъ какъ въ ручьѣ, протекающемъ вдоль города, мочатъ кожи для выѣблыванія сафьянновъ, и правовѣрные, занимающіеся

здесь своими ремеслами, подъ легкими деревянными навѣсами своихъ лавочонокъ, не гнушаются запахомъ чиненыхъ кожъ, чеснока и т. п. Здесь сосредоточивается не только вся ремесленная, но и вся торговая дѣятельность Бахчисарая. Въ небольшихъ, открытыхъ лавочкахъ обыкновенно сидить на небольшомъ коврикѣ или войлокѣ пресервѣзный татаринъ и глубокомысленно покуриваетъ свою трубку, ожидая покупателей. Онъ не только не зазываетъ ихъ, какъ это водится у нашихъ гостинно-дворцевъ, но даже и тогда, когда зайдетъ кто-либо къ нему въ лавку, онъ очень лѣниво подымается съ мѣста, чтобы достать и показать требуемую вещь, — точно дѣлаетъ одолженіе своему покупателю.

Пройхавъ вдоль этой главной улицы съ версту и болѣе, по очень тряской и не гладкой мостовой, представляется наконецъ, почти въ центрѣ города, знаменитый „бахчисарайскій дворецъ“, древнее жилище хановъ (*ханъ-сарай* по-татарски) который и до сихъ поръ сохраняетъ во всей чистотѣ своей, старинную восточную архитектуру и невольно возбуждаетъ въ путешественникѣ рядъ воспоминаний о давни изчезнувшихъ историческихъ лицахъ и событияхъ. „Ханъ-сарай“ — это нестрое, разноцвѣтное и очень оригинальное зданіе по своей постройкѣ и украсеніямъ. Поэты и туристы съ поэтическимъ воображеніемъ называли его не разъ „Русскою Алгамброю,“ — хотя, по правдѣ сказать, наша крымская Алгамбра столько же походитъ на настоящую, сколько крымскіе татары походятъ на испанскихъ мавровъ. Но, не имѣя ничего общаго съ мавританской Алгамбру, бахчисарайскій ханскій дворецъ представляетъ тѣмъ не менѣе много восхитительнаго для глазъ и вообще много интереснаго и занимательнаго для путешественника. Раскрашенныя кровли зданія, тонкія башенки, высокія сквозныя трубы, живописныя цвѣтныя изображенія и девизы на дверяхъ и ставняхъ, пестрыя рѣшетчатыя рамы у оконъ, лабиринтъ комнатъ, съ ихъ богатымъ восточнымъ убранствомъ, пространные дворики, цвѣтники, и повсюду эти „сладко-звукные фонтаны,“ которые, по словамъ поэта, „быютъ изъ своихъ мраморныхъ темницъ“ — все это вмѣстѣ невольно очаровываетъ каждого посѣтителя бахчисарайскаго дворца, особенно посѣтителя, мало-знакомаго съ востокомъ. Въ дворецъ входятъ большими, яркораскрашенными воротами, надъ которыми красуется арабская надпись, гласящая

витіевато о соорудителяхъ ихъ, — „великолѣпномъ повелителѣ двухъ морей, Гаджи-Гирей-ханѣ.“ Ворота эти вводятъ въ очень просторный дворъ, по сторонамъ котораго тянутся, то углубляясь, то выступая, разнообразныя зданія дворца.

На-лѣво представляется широкая мраморная лѣстница, обсыпанная огромными тополями, современниками хановъ; она ведетъ въ большую ханскую мечеть; немного дальше подымается другая лѣстница, узкая, съ раскрашенными перилами, по которой подымаются въ разноцвѣтную стеклянную галлерею, составляющуя хоры въ мечети. Эти хоры, съ позолоченными украшениями, служили собственно мѣстомъ молитвы для хановъ. Еще далѣе узкая дверь, также обсыпанная тополями, ведетъ на ханское кладбище. Оно окружено каменной стѣною, изъ за которой подымаются куполы двухъ мавзолеевъ; въ нихъ стоять простые деревянные гробы, покрытые старымъ сукномъ. Далѣе на-лѣво идутъ службы.

Собственно ханскій дворецъ начинается направо отъ главныхъ воротъ. Тяжелые, желѣзомъ окованные и ярко раскрашенные ворота, отворяются на крыльцо, надъ которымъ виситъ пестрый фонарь, съ позолоченою луною наверху. Крыльцо, съ красивыми колонками и рѣшеткой, вводить въ просторныя сѣни, выстланыя бѣльемъ камнемъ, съ нѣсколькими дверями и двумя фонтанами. Одинъ изъ нихъ и есть фонтанъ, устроенный, по преданію, въ память „горестной Маріи“ и внушивший Пушкину его поэму: *Бахчисарайскій фонтанъ*. Онъ обсыпанъ крестомъ и луною. Другой фонтанъ, устроенный въ память хана Селимъ-Тирея, называется *Золотымъ*. Изъ этихъ же сѣней маленькая дверь ведетъ въ небольшую часовню, — теперь совершенно пустую, — съ однимъ окномъ на-верху, подъ самыемъ потолкомъ. Это та самая часовня, въ которой воображеніе нашего славнаго поэта представляло себѣ молящуюся Марію, воспѣтую имъ въ такихъ гармоническихъ и роскошныхъ стихахъ.*)

*) Пушкинъ, по поводу происхожденія своей поэмы: „Бахчисарайскій фонтанъ,“ говоритъ (Ѣтъ перенискъ съ друзьями, съ юга Россіи), что онъ только переложилъ въ стихи разскѣт одной прелестной женщины: „Я прежде слыхалъ — говоритъ онъ — странный разскѣт о влюбленномъ ханѣ. К***поэтически описывала мнѣ его, называя La fontaine des larmes . . . Я съѣхѣю перекладывать въ стихи разскѣт молодой женщины:

Aux douces lois des vers je pliai les accents
De sa bouche aimable et naїve.

сѣней ведеть въ просторный залъ, въ два свѣта, съ большими окнами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Съ позолоченаго потолка здѣсь спускается хрустальная люстра; вокругъ стѣнъ устроены низкіе диваны, покрытые краснымъ сукномъ. Залъ этотъ, говорятъ, былъ мѣстомъ главнаго ханскаго судилища; къ одной изъ стѣнъ на-верху примыкаетъ узкій коридоръ, отдѣленный отъ зала тонкой рѣшеткой; здѣсь, говорятъ, ханы имѣли обыкновеніе невидимо присутствовать при засѣданіяхъ судей.

Третья дверь изъ большихъ сѣней выводить въ кіоскъ, посреди котораго устроенъ очень красивый водометъ. Отсюда два выхода: одинъ во внутреннія комнаты, а другой въ прелестный маленький садикъ.

Внутреннихъ комнатъ во дворцѣ такъ много, что безъ провожатаго непремѣнно потеряешься въ этомъ лабиринтѣ ходовъ и переходовъ. Всѣ эти комнаты разукрашены пестрыми рисунками, надписями, девизами. Въ большей части комнатъ потолки позолочены, а мебель состоитъ изъ шитыхъ серебромъ и золотомъ низкихъ дивановъ и столиковъ съ перламутровыми инкрустраціями; почти вездѣ устроены красиво-росписные каминны.

Строеній, въ которыхъ помѣщался гаремъ, теперь нѣтъ; они разрушены; остался принадлежавшій къ гарему прелестный тѣнистый садъ, осѣненный мартами и розами. Здѣсь находится мраморный бассейнъ, закрытый отъ солнца виноградомъ; онъ служилъ купальней прекраснымъ гаремнымъ затворницамъ, гдѣ они проводили большую часть своего празднаго дня и

Съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рѣба, въ ясной глубинѣ,
На мраморномъ ходила днѣ.

Въ концѣ дворца устроенъ террасами ханскій фруктовый садъ; къ нему ведетъ широкая каменная лѣстница, закрытая виноградомъ. За этимъ садомъ находится мавзолей, въ которомъ, говорятъ, похоронена прекрасная Марія.

При лунномъ освѣщеніи, въ лѣтнюю ночь, бахчисарайскій дворецъ имѣетъ неописанную прелестъ. Всѣ

эти сады, съ журчащими фонтанами, эти фантастические строения, беседки, таинственные дворики, съ высокими деревьями, зелеными лужайками, эти высокие минареты, спорящие высотою съ много-вѣковыми тополями, — все это наводитъ на васъ какое-то очарованіе. Вообще бахчисарайскій дворецъ смѣло можетъ поспорить въ красотѣ и очарованіи со многими прелестнѣшими мѣстами въ Крыму.

До XVI столѣтія столицею Крымскихъ хановъ былъ „Старый Крымъ“ или, — какъ тогда его называли, — *Салкатъ*. Но въ началѣ XVI столѣтія хантъ Менгли-Гирей положилъ основаніе новому городу и новой ханской столицѣ въ Бахчисараѣ. Надо предполагать, что при немъ еще не было оконченъ дворецъ; потому что Менгли Гирей похороненъ не на ханскомъ кладбищѣ въ Бахчисараѣ; гробница его находится въ предмѣстіи города, по дорогѣ въ Чуфутъ-Кале.

Затѣмъ, почти каждый изъ владѣтельныхъ хановъ занимался украшеніемъ и распространеніемъ своей столицы, особенно же ханского дворца, какъ торжественно гласятъ о томъ пышныя арабескія надписи, сохранившіяся и донынѣ въ бахчисарайскомъ дворцѣ.

Бахчисарай при ханахъ былъ очень многолюднымъ городомъ и заключалъ въ себѣ болѣе трехъ тысячъ домовъ, нѣсколько ханскихъ дворцовъ, множество прекрасныхъ мечетей и самые роскошные и богатѣйшіе сады во всемъ Крыму, по обилию которыхъ ханы и назвали свою столицу „Бахчисааемъ“, т. е. „городомъ садовъ.“

ЧУФУТЪ-КАЛЕ.

Чуфутъ-Кале, или *Кыркор*, *Кыёркор*, какъ иные изъ писателей называютъ эту крѣость, основанъ, какъ слѣдуетъ предполагать, въ весьма отдаленныя и темныя времена для исторіи Крыма, — и основатели этой крѣости, и гдѣ ся основанія скрыты въ туманѣ вѣковъ. Палласъ и Кларке предполагаютъ, что, во времена процвѣтанія Кафы, крѣость эта принадлежала генуэзцамъ.

Крымскіе ханы часто имѣли свое мѣстопребываніе въ Кыркорѣ. Тунманъ даже предполагаетъ, что крѣость эта была ихъ постояннымъ мѣстопребываніемъ въ древности; но справедливость этого показанія сомнительна, потому что столицею Крыма, до времени основанія Бахчисарая, бывъ — *Сакатъ*. Справедливо однако то, что ханъ Менгли Гирей постоянно жилъ въ Кыркорѣ, и отсюда, вѣроятно, слѣдилъ за сооруженіемъ новой ханской столицы.

Съ какихъ поръ поселились въ Кыркорѣ *евреи-караимы*, или *караими*, и съ какихъ поръ крѣость эта стала называться „Чуфутъ-Кале“ т. е., „жидовскою крѣостію“ — этого также нельзя опредѣлить съ точностью. Судя по надгробнымъ надписямъ, найденнымъ въ „Госафатовой долинѣ“ (такъ называется кладбище Чуфутъ-Кале) можно заключить, что эти еврейскіе сектанты поселились здѣсь еще до X вѣка христіанской эры. Часто Крымскіе

Nach Photoz. gez. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

TSCHINIFUT-KALE.

Чинифут-Кале.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

ханы и претенденты на ханский престолъ, враждя между собою, занимались въ неприступныхъ твердняхъ крѣпости Чуфутъ-Кале и громили отсюда другъ друга. Но уже въ концѣ XVIII вѣка Чуфутъ-Кале былъ мирнымъ городкомъ караитовъ; а со временемъ присоединенія Крыма къ русскимъ владѣніямъ, главные раввины караитовъ, мѣстомъ пребыванія которыхъ служилъ прежде Чуфутъ-Кале, были одними изъ преданийшихъ подданныхъ Россіи.

Крымъ чрезвычайно богатъ прекрасными ландшафтами, грандіозными видами, древними замками и городами, богатъ оригинальными и поразительными мѣстоположеніями; но ни одна мѣстность не поражаетъ такъ сильно путешественника, какъ этотъ небольшой, древній городокъ или крѣпость, отстоящая отъ Бахчисарая не болѣе какъ на 3 версты.

Изъ Бахчисарая въ Чуфутъ-Кале дорога идетъ сначала среди сѣрыхъ скалъ, которыя то склоняютъ свои вершины надъ узкой долиной, то расступаются и даютъ мѣсто свѣжей зелени садовъ, то опять смыкаются и поднимаются еще выше, точно хотятъ вамъ заслонить солнце. Въ одной изъ этихъ сѣрыхъ громадъ высѣченъ древній монастырь во имя „Успѣнія пресв. Богородицы.“ Новѣйшія строенія монастыря помѣщены посреди узкой долины и окружены прекраснымъ садомъ, который орошаются свѣтлымъ и прозрачнымъ ручьемъ, тутъ-же бѣгущимъ по долинѣ.

Миновавъ Успенскій монастырь, дорога опять служивается среди сѣрыхъ утесовъ и тянется далеко впередъ.

Но вы тутъ останавливаетесь въ недоумѣніи. Вамъ кажется, что вѣво отъ васъ, на грозно выступающей высокой и совершенно отвесной скалѣ, на самомъ гребнѣ ея, лѣпятся не то домики, не то птичьи гнѣзда. Вы всматриваетесь пристальнѣ и удостовѣряетесь, что надъ вами дѣйствительно висятъ домики, которые высматриваютъ изъ-за страшной пропасти, приблизившись къ обрывистому, неприступному утесу какою-то невидимою силою. Рѣшетчатые окна, крыши, павѣсы, галлерейки этихъ домиковъ — все это висятъ надъ бездной.

Въ городокъ ведеть, подымаясь вверхъ, единственная дорога, изсѣченная въ скалѣ; она же служить и единственнымъ средствомъ сообщенія съ остальнымъ міромъ этому оригинальному человѣческому обиталищу, которое со всѣхъ сторонъ окружено высокими каменными стѣнами.

Рисунокъ пашь даетъ, до какой-то степени, понятіе о замѣтительномъ мѣстоположеніи Чуфутъ-Кале. Здѣсь изображена вся гладкая, точно выполированная, сѣрая скала, съ возвышающимися надъ нею строеніями, древними башнями и стѣнами. Углубленіе, замѣтное почти въ срединѣ скалы, представляетъ дорогу въ Чуфутъ-Кале. Подъ круглою башнею помѣщаются большия жѣлезныя ворота, которые ведутъ въ городокъ. Вы вѣзжаете черезъ эти ворота въ единственную улицу Чуфутъ-Кале, — и внутренность его, столько же, какъ и наружный видъ, поражаетъ васъ своею удивительною оригинальностью. Вы видите довольно широкую улицу, по которой можетъ свободно пройхать повозка, обнесенную каменными стѣнами, по обѣимъ сторонамъ, съ маленькими калитками; но домовъ точно здѣсь и нѣть; только за стѣнами, вы замѣщаете, возвышаются крыши. Но отворите которую-либо изъ этихъ калиточекъ, и вы очутитесь въ очень чистомъ дворикѣ, обнесенномъ строеніями; опрятная, открытая галлерейка или крытое крыльцо введутъ васъ въ просторную комнату, устроенную въ восточномъ вкусѣ, съ раскрашенымъ деревяннымъ потолкомъ и рѣзными, ярко-раскрашенными, украшеніями по стѣнамъ. Поль устланъ ковромъ или нестрывмъ войлокомъ; вдоль стѣнъ стоятъ широкіе диваны. Эта комната обыкновенно служить пріемною для гостей; въ ней же живетъ и самъ хозяинъ; а семья его помѣщается въ другихъ комнатахъ.

Лучшій домъ въ Чуфутъ-Кале принадлежалъ прежде раввину Бейму, извѣстному своимъ гостепріимствомъ, съ которымъ онъ принималъ всегда путешественниковъ. Домъ этотъ существуетъ и по-нынѣ. Онъ хорошо замѣтенъ на нашемъ рисункѣ, свѣшившись всѣмъ фасадомъ своимъ со скалы; крыша этого домика подымается выше другихъ. Домъ раввина прекрасно отблѣтанъ внутри: потолокъ въ главной комнатѣ украшенъ золотомъ; стѣны и навѣсъ, устроенный надъ одной изъ стѣнныхъ нишъ, которая составляетъ родъ алькова, для кровати хозяина, росписаны яркими арабесками и украшены позолотой.

Но вы скоро позабудете обо всемъ этомъ восточномъ убранствѣ комнаты, при той прелести видовъ которые отрываются изъ ся рѣшетчатыхъ оконъ. Изъ окна, обращеннаго на западъ, представляется длинная цѣпь горъ, лѣсовъ, холмовъ, ущелій, и за всѣмъ этимъ синѣтъ безконечное пространство Чернаго моря, по которому то тамъ, то сямъ блѣдютъ паруса судовъ. Не забудьте при этомъ, что самое короткое разстояніе Чуфутъ-Кале отъ моря равняется не менѣе 25—30 верст. До войны, когда существовалъ черноморскій флотъ, отсюда часто можно было видѣть эскадру, выступившую въ море, которая-нибудь изъ безсмертныхъ адмираловъ, защитниковъ Севастополя. Корабли, распустивъ бѣлосѣжные паруса, какъ лебеди илили одинъ за другимъ, величественно качаясь на морской зыби. Во время войны изъ оконъ дома раввина былъ видѣнъ весь безконечный рядъ союзного флота, представлявшійся почю сплошнымъ заревомъ, во время бомбардированія Севастополя.

Но позабудемъ обѣ ужасахъ войны и подойдемъ къ другому окну, обращенному на югъ. Здѣсь, не-много влѣво, виднѣется глубина долины, залитой темною зеленою много-вѣковыхъ деревъ, сквозь густыя вѣтви которыхъ блѣдуютъ разнообразные надгробные памятники и журчать фонтаны.

Это-такъ называемая „Госафатова долина“, гдѣ уже много, много вѣковъ спятъ цѣлыя поколѣнія жителей Чуфутъ-Кале. Правѣе, представляется Успенскій монастырь, съ его прекрасною церковью, на днѣ долины, съ многочисленными зданіями, возвышающимися среди садовъ. По отвѣсной скалѣ лѣпятся кельи иноковъ и сіяютъ куполы церквей, пріотившихся подъ скалами; по дорожкамъ и среди цвѣтниковъ отдѣляются темныя тѣни монаховъ, серебрятся воды фонтана, пестрѣютъ цвѣтники, — и надъ всѣмъ этимъ подымается въ небо неприступная сѣрая скала.

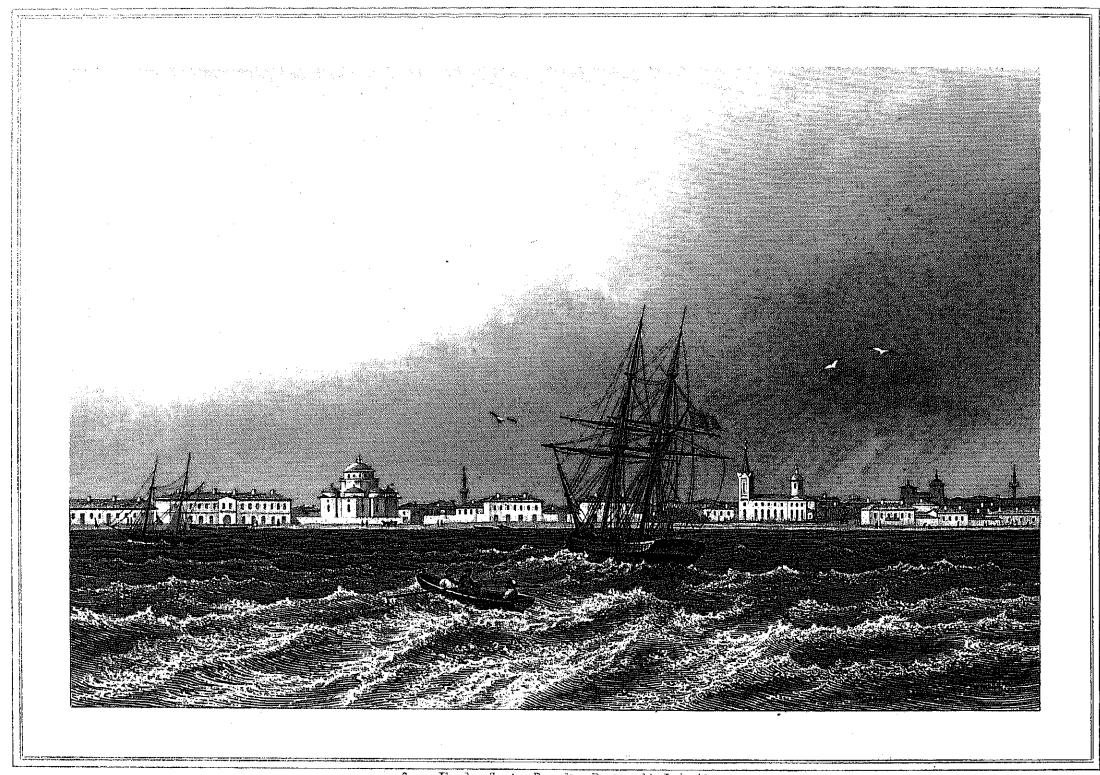
Изъ третьаго окна, обращеннаго на востокъ, открывается видъ на долину въ-право. Тутъ пестрѣеть весь Бахчисарай съ его минаретами, садами, росписными крыпами дворца и разнохарактерными бахчисарайскими домиками; а далѣе, по обѣ стороны, тянутся утесы, теряясь въ лазурной дали.

Почти въ срединѣ Чуфутъ-Кале находится памятникъ *Нененекеджанъ-ханимъ*, одной изъ дочерей татар-

скаго хана Тохтамыша, о жизни и приключенияхъ которой рассказываютъ много романтическаго. Говорятъ, что она влюбилась въ какого-то генуэзца и скрылась вмѣстѣ съ нимъ въ неприступной крѣпости Чуфутъ-Кале. Однако, она и здѣсь не могла считать себя въ безопасности отъ преслѣдований и гибели отца своего; и, зная объ участіи, которая ея ожидала, еслибы она попалась ему въ руки, — она бросилась съ пропасти Чуфутъ-Кале.

Чуфутъ-Кале въ древности, бывъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ укрѣпленій мѣсть въ Крыму, по своей неприступности. О чёмъ можно судить еще и теперь, по остаткамъ укрѣплений и по самому положенію ихъ.

Въ послѣдніе вѣка въ немъ постоянно жили евреи-караимы, и они-то построили все тѣ чистенькие домики, которые мы теперь видимъ здѣсь. Но уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ большая часть караимовъ выселилась изъ Чуфутъ-Кале; теперь ихъ осталось здѣсь только нѣсколько семействъ, и городъ приходитъ въ замѣтное разрушеніе.

Gez. v. Fessler. Gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

ЕУРАНФИЯ.

ЕВРАНФІЯ.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

ЕВПАТОРІЯ.

Евпаторія, — одинъ изъ портовыхъ городовъ Крыма, лежитъ на берегу полукруглаго и довольно красиваго залива. Черное море, у береговъ Таврическаго полуострова, образуетъ много такихъ заливовъ, которые служатъ болѣе или менѣе удобными бухтами.

Евпаторией этотъ городъ названъ по имени древней греческой крѣпости, которая находилась, впрочемъ, не на мѣстѣ нынѣшняго города, а гораздо далѣе отъ него и ближе къ Севастополю. Но русскій народъ до сихъ поръ даетъ Евпаторіи название *Козлова*, отъ турецкаго *Гёзлеве*, — какъ Евпаторія называется и теперь еще у татаръ.

Во времена крымскихъ хановъ, Евпаторія была многолюднымъ, богатымъ и хорошо укрѣпленнымъ городомъ. Она была обнесена стѣною, которая перерѣзывалась нѣсколькими башнями. Остатки этихъ укрѣплений видны еще и теперь. Въ Гёзлеве находилось много красивыхъ и превосходныхъ зданій; изъ нихъ осталась теперь только одна великолѣпная мечеть, съ многими куполами. Мечеть эта называется *Джума-Джами* или *Хан-Джами*.*)

*.) *Джума* — пятница, праздничный день татаръ; *джами* — мечеть.

этой мечети, живописно подымавшейся надъ городомъ, сброшены были въ одну изъ бурь, такъ часто свидѣствующіхъ въ Евпаторіи, по причинѣ ея открытаго положенія.

При взглядѣ на Евпаторію съ моря, она представляется городомъ, широко раскинувшимся по берегу моря, съ высокими домами, съ многочисленными минаретами татарскихъ мечетей, между которыми величественно возвышается прекрасное зданіе древней *Джума-Джами*. Здѣсь же, не далеко отъ морскаго берега, находится и очень красивое зданіе караимской синагоги, одной изъ лучшихъ и замѣчательныхъ во всемъ Крыму. Караймское населеніе очень значительно и богато въ Евпаторіи; здѣсь же живетъ главный раввинъ караимовъ, или таврическій и одесскій *гагам*.

Всѣ лучшія зданія города тѣснятся къ берегу моря и тянутся во всю длину его. Это и придастъ Евпаторіи такой красивый видъ съ моря. Но остальная часть города, по своимъ узкимъ и неправильнымъ улицамъ, по незначительнымъ постройкамъ, ничѣмъ не отличается отъ улицъ и построекъ старого Симферополя, Бахчисарайя, Карасубазара и вообще имѣть характеръ незначительного мусульманскаго города. Особенность Евпаторіи, отличающая ее отъ другихъ городовъ, заключается лишь въ томъ, что ее окружаетъ со всѣхъ сторонъ нескончаемые ряды вѣтряныхъ мельницъ. Они, точно полки сказочныхъ исполиновъ, обступили городъ и машутъ на него своими гигантскими руками.

Во время послѣдней крымской войны Евпаторія была занимаема союзными войсками, преимущественно турецкими, подъ начальствомъ Омера-Папи.

Въ память жертвъ, павшихъ подъ Евпаторіей въ эту ужасную войну, жители города поставили мраморный памятникъ, осененный бронзовымъ вызолоченнымъ крестомъ.

Жителей въ Евпаторіи теперь считается до 9,000; большинство между ними составляютъ татары и евреи-караимы. Но здѣсь живутъ также евреи-раввины, армяне, греки, русские и друг. До выселенія крымскихъ татаръ въ Турцию, Евпаторія была вообще гораздо болѣе населена.

Евпаторія, лѣтомъ, представляетъ видъ довольно оживленного города. Удобныя морскія купальня и здоровыи, стеннай и морской воздухъ привлекаютъ сюда много купающихся. Тогда берегъ моря бываетъ усеянъ множествомъ купаленъ, раскинутыхъ и на самомъ берегу, и довольно далеко отъ берега, въ водѣ, такъ какъ море у Евпаторіи очень мелко, на далекое разстояніе. Нѣкоторыя изъ этихъ купаленъ устроены на тонкихъ сваяхъ, а нѣкоторыя просто плаваютъ по водѣ, на якорѣ, и снабжены небольшими колесами, за тѣмъ, чтобы удобно было вытянуть ихъ на берегъ, въ случаѣ бури. Купальни эти и толпы купающихся придаютъ весьма оригинальный и оживленный видъ морскому берегу въ Евпаторіи, во время лѣтняго сезона.

СЕВАСТОПОЛЬ.

кажется, ни одинъ городъ въ мірѣ не жилъ такою скоротечною жизнію, какъ Севастополь: онъ не просуществовалъ и одного вѣка. Но за то — это была славная, блестящая жизнь, полна силы, дѣятельности и славы, занесеній крушными буквами на страницы исторіи.

Севастополь основанъ, по повелѣнію Екатерины II, въ 1794 году, на мѣстѣ татарской деревушки *Akhtiarz*. Городъ быстро разростался: созданіе черноморскаго флота и устройство города шли одновременно гигантскими шагами, и Севастополь, въ самое короткое время, превратился въ одинъ изъ красивѣйшихъ, многолюднейшихъ и чрезвычайно оживленныхъ городовъ русскихъ.

Севастополь расположены вокругъ своей главной бухты, которая развѣтвляется на нѣсколько превосходныхъ меньшихъ бухтъ. Онъ постепенно подымается отъ морскаго берега и раскидывается, въ видѣ амфитеатра, по горамъ. Такое положеніе придаетъ городу видъ чрезвычайно-живописный.

Бухта Севастополя можетъ называться единственою въ мірѣ, какъ по величинѣ своей, такъ и по удобству для кораблей. Эта величественная бухта какъ бы самою природою была предназначена для того, чтобы служить вмѣстилищемъ многочисленнаго флота.

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

СЕВАСТОПОЛъ. — Севастополь.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

Входъ въ севастопольскую бухту былъ защищенъ нѣсколькими грозными фортами и батареями, построенныхъ изъ камня, на сводахъ, въ два и въ три этажа. Къ главнѣйшимъ изъ этихъ батарей принадлежали: Николаевская, Александровская, Михайловская, Павловская и др. Цѣлый лѣсъ мачтъ подымался въ бухтахъ съ кораблей, фрегатовъ, шкунъ, пароходовъ, наполнившихъ севастопольский рейдъ и находившихъ себѣ вѣрную защиту подъ прикрытиемъ названныхъ нами грозныхъ батарей и фортовъ.

Превосходные сухие доки устроены были въ гранитной скалѣ для исправленія и починки кораблей самыхъ большихъ размѣровъ. Устройство ихъ стоило миллионы рублей.

Колоссальныя постройки и превосходныя зданія, казенныя и частныя, украшали Севастополь. Замѣчательнѣйшими изъ нихъ были: Петропавловская церковь, церковь Архангела Михаила, севастопольская офицерская библіотека, домъ благороднаго собранія, памятникъ Казарскому, воздвигнутый въ видѣ красивой пирамиды, адмиралтейство, театръ, главная пристань, т. е. Екатерининская, устроенная въ видѣ греческаго портика — и много другихъ красивыхъ, казенныx и частныхъ домовъ дѣлали изъ Севастополя одинъ изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ городовъ имперіи, по-мимо его важнаго значенія, какъ военнаго порта.

Моряки черноморскаго флота съ большимъ жаромъ и дѣятельностию занимались украсеніемъ своего города и любили его съ какою-то страстью. Они гордились своимъ Севастополемъ и своимъ флотомъ.

За городомъ, на возвышенности, тянулся рядъ каменныхъ казармъ, въ которыхъ помѣщались пѣхотинцы войска, стоявшія въ Севастополѣ. Матросы съ семействами занимали отдельныя слободки.

Севастополь былъ исключительно морскимъ военнымъ городомъ; армейскіе полки были тамъ какъ-то незамѣты.

Оживленіе въ Севастополѣ было необыкновенное. Это не было оживленіе торгового порта, гдѣ все торопятся по дѣламъ и спешутъ по улицамъ, съ озабоченными лицами. Севастопольскія улицы были также всегда полны народа, по народа веселаго, порою буйнаго, который только что сошелъ на берегъ съ своего

корабля, быть можетъ, только что пришелъ съ моря, и хотеть насладиться жизнью и тѣми удовольствіями, какія она ему представляеть.

Во всѣхъ концахъ города слышались пѣсни и музыка; стройные звуки воинной музыки неслись нерѣдко и съ рейда, со стоявшихъ на немъ кораблей.

По бухтамъ безпрерывно сновали катера, лодки, ялики всѣхъ возможныхъ видовъ и назначений.

Севастополь бывалъ особенно хорошъ и особенно оживленъ по вечерамъ, когда городъ и всѣ его бухты, густо уставленныя кораблями, являли какую-то волшебную картину, при богатомъ ночномъ освѣщеніи.

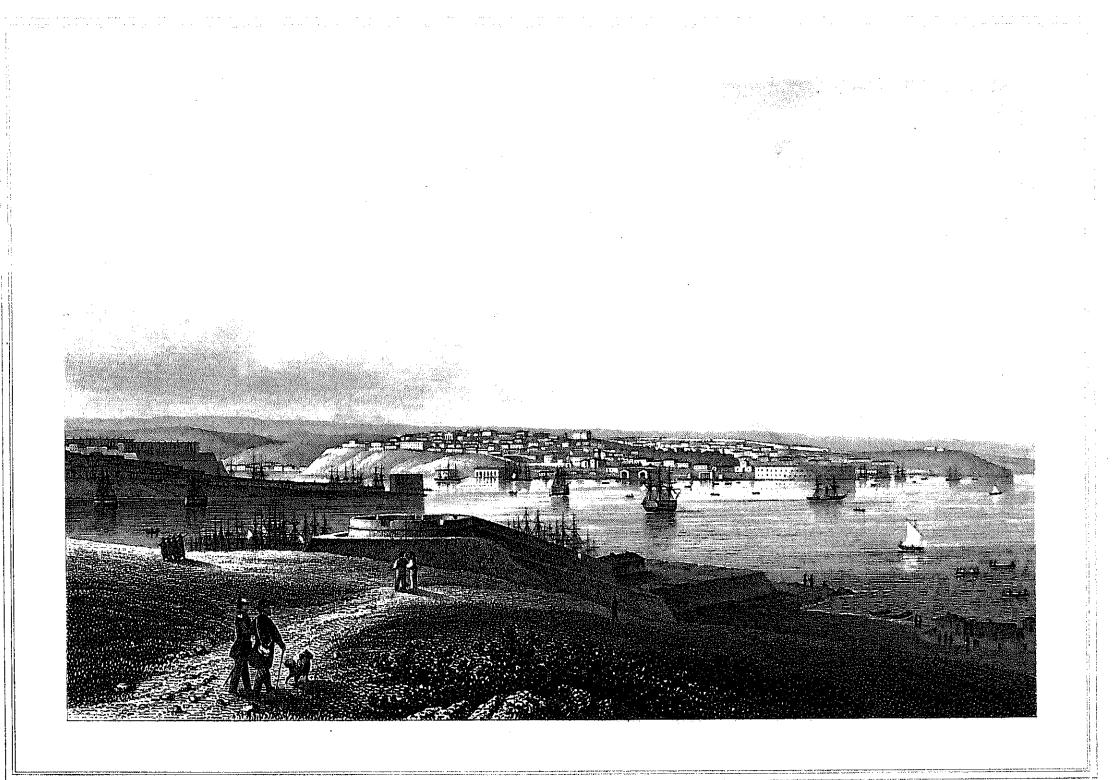
Народонаселеніе города съ войсками простидалось до 45,000 душъ и болѣе, которыя помѣщались въ 2,530 каменныхъ домахъ. Иногда же цифра населенія Севастополя доходила до 60,000 и болѣе.

И все это народонаселеніе, всѣ эти дома, вся кипучая дѣятельность цвѣтущаго и необыкновенно красиваго города должны было исчезнуть въ одинадцать мѣсяцевъ безпримѣрной въ исторіи осады и самой кровопролитной войны, какая только велась на земномъ шарѣ когда-либо.

Исторія осады Севастополя еще свѣжа въ памяти у всѣхъ. Изумительная, отчаянная храбрость моряковъ черноморского флота, чтобы отстоять свой городъ, пожертвованіе флотомъ, который былъ затопленъ въ бухтѣ, неимовѣрныя усилія и храбрость русскихъ войскъ — не могли спасти Севастополя. Онъ палилъ, разбитый и превращенный въ груду развалинъ! Русскія войска, съ горстью оставшихся въ живыхъ моряковъ, черноморского флота, отступили на сѣверную сторону бухты; при отступлѣніи они взорвали одну изъ батарей, которую непріятель могъ воспользоваться для обстрѣливанія сѣверныхъ укрѣплений.

Съ паденіемъ Севастополя изчезъ и черноморскій флотъ, — его главная гордость и украшеніе: долго виднѣлись посреди бухты мацы кораблей, торчавши изъ воды, точно могильные кресты и памятники на кладбищѣ.

Всѣ превосходныя зданія Севастополя, о которыхъ упомянуто выше, какъ казенные, такъ и частныя, лежатъ теперь въ развалинахъ. То, что непріятель не могъ уничтожить своими страшными ядрами и бомбами,

Ged. v. Fessler. Geat. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

SIEWASTOPOL
vor dem Kriege (v. Norden.)

СЕВАСТОПОЛЬ
передъ войною (съ съверн.ст.)

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

то онъ поторопился уничтожить, завладѣвъ городомъ: французы и англичане взрывали порохомъ уцѣлевшія отъ осады зданія Севастополя. Такъ, ими взорваны были: доки, остававшіеся дотолѣ невредимыми, адмиралтейство, казармы, Николаевская батарея и много другихъ казенныхъ зданій и частныхъ домовъ.

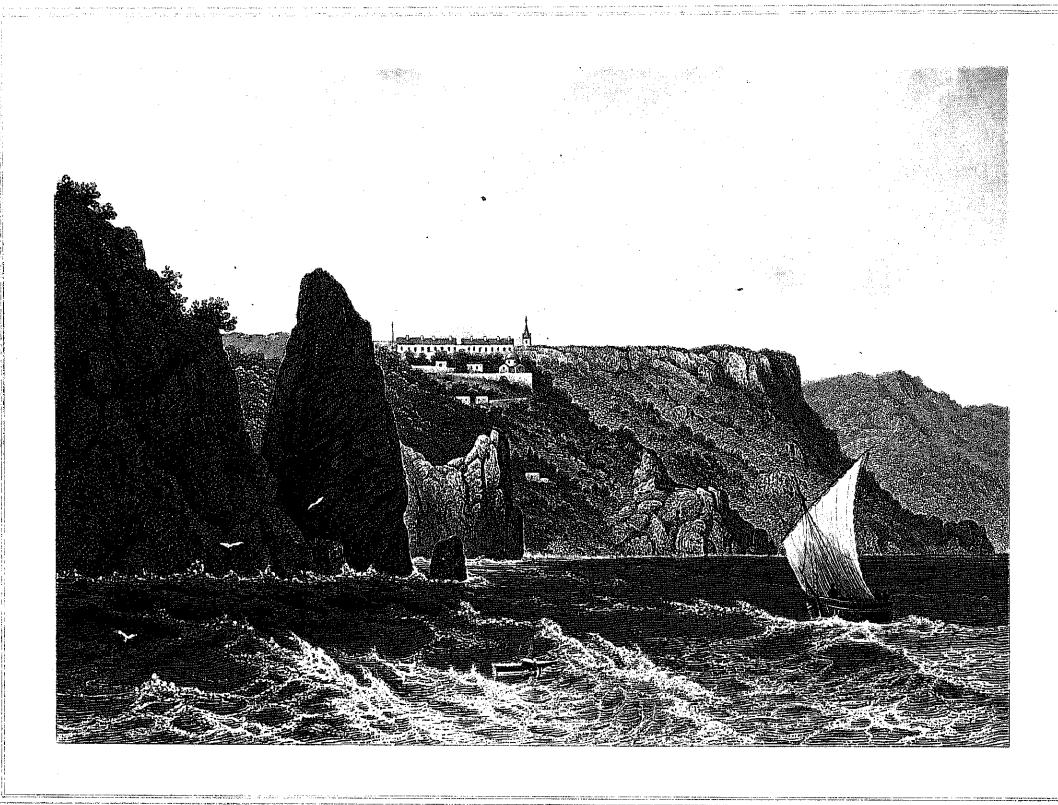
И теперь того славнаго, того красиваго Севастополя, который изображенъ во всемъ своемъ великолѣпіи на первомъ изъ нашихъ видовъ, уже нѣть, — онъ погребенъ подъ своими развалинами, какъ нѣть и черноморскаго флота, погребеннаго въ волнахъ. Подъ этими печальными, но краснорѣчивыми развалинами покоятся и храбрые моряки, защитники города. Въ память ихъ и на мѣстѣ, где погребенъ адмиралъ Лазаревъ, строится нынѣ красивый соборъ, во имя св. Владимира. Это новое зданіе собора стоитъ посреди груды разбитыхъ и развалинныхъ стѣнъ, торчащихъ трубъ и всего этого печального запустѣнія, понятіе о которомъ можно составить изъ нашей картинки, изображающей видъ Севастополя послѣ войны. Соборъ св. Владимира возвышается какъ великолѣпный надгробный памятникъ среди могилъ.

Настоящій Севастополь замѣчателенъ только по своимъ историческимъ развалинамъ. Онъ не насчитываетъ теперь и десяти тысячъ новаго населенія. Отстройка его идетъ очень медленно. Новые постройки ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть сравниваемы съ великколѣпными зданіями прежняго Севастополя. Между новыми постройками Севастополя считается болѣе 500 деревянныхъ домовъ, что составляетъ большую рѣдкость въ Крыму. Эти деревянныя постройки Севастополя служатъ, впрочемъ, также памятниками войны. Они построены изъ непріятельскихъ баракъ, купленныхъ за дешевую цѣну промышленниками, по заключеніи мира.

На сѣверной сторонѣ севастопольской бухты, на кладбищѣ, где похоронено столько тысяч павшихъ защитниковъ Севастополя, возвышается великколѣпная церковь, въ видѣ пирамиды, сооруженная изъ зелено-сераго крымскаго гранита, взятаго для постройки съ живописной горы *Кастель*, близъ Алушты.

Съ сѣверной стороны бухты, где находится эта прекрасная церковь, видѣть весь Севастополь. И какъ живописны его величественные развалины, при солнечномъ освѣщеніи! На бѣлыхъ высотахъ, по которымъ

раскидывается городъ, темнѣютъ черныя развалины; среди нихъ возвышается куполь новаго собора св. Владимира, пестрѣютъ крыши вновь выстроенныхъ домовъ, зеленѣютъ деревья кое-гдѣ оставшихся садовъ и синія воды великолѣпной бухты искрятся на солнцѣ. Вмѣсто славнаго флота, который еще такъ недавно красовался на ней и который она скрыла въ волнахъ своихъ, вмѣсто этого флота, качается теперь одно или два купеческихъ судна, зашедшіхъ въ Севастополь переждать непогоду, или пыткитъ торговыи пароходъ, привезшій грузъ и пассажировъ. Простыя лодочки ильвутъ кое-гдѣ по волнамъ, перевозя кого-нибудь изъ жителей города съ одного берега на другой. А тамъ, за городомъ, поодаль, тянется ровная гладь „Ираклійскаго полуострова“ и на горизонтѣ сіяетъ крестъ церкви Херсонесскаго монастыря, къ постройкѣ котораго приступлено уже послѣ войны.

Gez. v. Fesseler, Geat. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

St GEORGENKLOSTER
unweit Sebastopol.

Георгіевск. Монастырь
бл. Севастополя.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

ГЕОРГИЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

Бтъ сомнінія, что каждый русский путешественникъ, отправляющійся первый разъ въ Крымъ моремъ, подойдя къ Севастополю, непремѣнно сойдетъ на берегъ, чтобы взглянуть на его печальные развалины. Обозрѣвъ ихъ, въ грустномъ настроении духа, возвращается онъ на пароходъ и спѣшитъ достигнуть цвѣтушихъ береговъ Ялты (цѣль болѣшей части путешественниковъ въ Крымъ).

Но, оставляя развалины новѣйшихъ временъ, онъ невольно вспомнить, что онъ находится въ классической странѣ, что онъ проходитъ мимо классическихъ береговъ хорошо известнаго древнимъ „Ираклійскаго полуострова,” — и невольно станетъ искать глазами развалины давно минувшихъ временъ, развалины древняго *Херсонеса*. Но, гдѣ же эти развалины? Гдѣ находилась эта славная республика греческая? Глазъ скользитъ по голымъ утесамъ, ни начемъ не останавливаясь. Все стерто, все смыто временемъ, рукою невѣжества и наконецъ окончательно уничтожено разрушителями Севастополя. Послѣдняя война разметала всѣ послѣдніе камни, оставшіеся отъ развалинъ Херсонеса. Ровная, каменистая гладь, щедро политая человѣческою кровью, стелется на далекое разстояніе.

А какъ оригинальны, какъ причудливы берега Ираклійскаго полуострова. Они подымаются надъ моремъ то вертикальными стѣнами, то пирамидами, то отдельно стоящими пиками. Большая часть этихъ скалъ мрачнаго,

черного цвѣта, точно одѣты въ трауръ. Изъ-подъ кипучихъ водъ торчатъ утесы, на которые яростно взбѣгаетъ волна, и, развиваясь серебристымъ дождемъ, омываетъ вершины самыхъ высокихъ изъ нихъ.

Ио гдѣ же стоялъ на этихъ дикихъ утесахъ знаменитый храмъ Діаны, воздвигнутый херсонесцами на мысѣ Пароенонъ? Который изъ этихъ утесовъ можетъ быть этимъ мысомъ? Пароходъ подвигается, и вмѣсто развалинъ древняго языческаго храма вы видите на вершинѣ засяялъ золотой крестъ; еще немного далѣе и показался золоченый куполъ христіанской церкви, запестрѣли строенія, зазеленѣли деревья. И все это среди неприступныхъ скалъ, между острыми утесами, на дикомъ, уединенномъ берегу, гдѣ живутъ одни морскія птицы. Это тоже храмъ, воздвигнутый херсонесцами, но херсонесцами уже христіанами, основаныи въ первые вѣка вѣры и посвященный святому Георгію. Храмъ этотъ построенъ около мыса Пароенона, на которомъ еще до послѣдней войны находились явные слѣды языческаго храма Діаны.

Отсюда, изъ монастыря св. Георгія, распространялось евангелие, разносилась *добрая вѣсть* по всему Крыму. Сюда же стекались первые христіане на поклоненіе. И теперь толпы поклонниковъ продолжаютъ стекаться въ эту святую обитель, особенно къ дню 23-го Апрѣля, когда празднуется память святаго, во имя котораго построенъ монастырь.

Монастырь расположень на верхнихъ уступахъ крутой горы, спускающейся къ самому морю, почти болѣе чѣмъ на версту растоянія. Верхніе постройки, т. е. гостинница для богомольцевъ и кладбищанская церковь монастыря, стоять на равнинѣ. Собственно въ монастырь входить въ ворота, устроенные у самаго первого уступа горы. Прежде, сейчасъ за этими воротами открывался очаровательный видъ на море. Теперь же тутъ, на первой террасѣ построено какое-то монастырское зданіе, которое заслоняетъ собою этотъ видъ. За нимъ открывается терраса, обнесенная чугунной рѣшеткою: отсюда открывается самый широкій видъ на море, на весь скатъ горы, на всѣ строенія и сады монастыря. Видъ дивный, единственный, можно сказать, по своей величественной красотѣ.

Всѣ эти мрачныя скалы, которыя представляются съ моря такими громадными, здѣсь кажутся весьма небольшими и какъ бы умышленно поставленными для украшенія мѣстности. Съ лѣвой стороны, на террасѣ, стоятъ маленькая церковь, а направо устроено нѣсколько келій. Съ этой террасы лѣстница спускается на другую, болѣе узкую, чѣмъ первая и уже безъ рѣшетки. Здѣсь находится фонтанъ прекрасной воды, окруженный гигантскими тополями. Надъ фонтаномъ, — который, замѣтимъ, устроенъ въ каменномъ контрфорсе, поддерживающемъ террасу, — и по стѣнкамъ его вѣздѣ вырѣзано множество французскихъ и англійскихъ надписей, съ именами и памятными числами 1855 и 1856 годовъ. Здѣсь, у конца террасы, и противъ фонтана устроено небольшой балконъ съ чугунной рѣшеткой. Надъ дверцами этого балкона долго висѣла, а можетъ быть, и теперь виситъ деревянная дощечка, съ слѣдующою надписью по-французски и по-англійски:

Il est defendu de descendre
au bord de la mer.

No persons allowed to go down
to the water edge.

Это также память послѣдней войны и пребыванія французовъ и англичанъ въ георгіевскомъ монастырѣ.*)
Отсюда уже начинается спускъ къ самому морю. Сначала онъ идетъ по довольно крутой лѣстницѣ, а далѣе по крутой и узкой тропинкѣ. По тропинкѣ вы доходите до небольшаго дома, или лучше сказать до развалинъ домика адмирала Лазарева, который былъ разрушенъ англійскими солдатами. Послѣ чего и было запрещено спускаться къ морю. Съ четверть версты отъ моря находится полуразрушенная одинокая келья; далѣе торчатъ скалы, между которыми вѣтается довольно опасная и очень утомительная тропинка, по которой вы можете спуститься къ самому берегу.

*.) Такъ какъ во все продолженіе войны въ георгіевскомъ монастырѣ находились французы и англичане, то оставшіеся въ монастырѣ монахи привыкали понимать ихъ и даже говорить съ ними.

Во все продолжение крымской войны георгиевский монастырь, какъ мы замѣтили, былъ занимаемъ непріятельскими войсками и оставшися въ немъ настоятель, отецъ Геронтій и монахи находились въ плѣну. Въ монастырѣ находилась, какъ известно, и главная квартира французского главнокомандующаго, генерала Пелисье. Впрочемъ, по словамъ монаховъ, находившихся въ плѣну, имъ не было причиняено никакихъ непріятностей союзниками. Существовали приказанія самихъ главнокомандующихъ, чтобы въ монастырѣ ничего не трогали и не портили. Церковная служба все время продолжалась обычнымъ порядкомъ. Настоятелю и монахамъ выдавалось хорошее содержаніе изъ главнаго штаба и отпускалось вино и мука для просвѣръ и все необходимое при церковномъ служении.

Французы и англичане часто ходили слушать божественную службу, и всегда держали себя съ должнымъ уваженіемъ къ святости мѣста.

Nach Photogr. gez. u. ges. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

BALAKLAWA.

Баляклава.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

БАЛАКЛАВА.

„Въ славную пристань вошли мы: ее образуютъ утесы.
Круто съ обѣихъ сторонъ подымаясь и сдвинувшись подлѣ
Устья великими, другъ противъ друга изъ темныхъ бездны
Моря торчащими камнями, входъ и путь заграждая.“
(„Одиссей,“ X, 87—90, въ перев. Жуковскаго.)

акъ, по мнѣнію Карла Риттера, описываетъ греческій пѣвецъ странствованій Одиссея, Балаклавскіе утесы, сквозь которые вливается море въ самую средину горъ и образуетъ, такимъ образомъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ заливовъ у крымскихъ береговъ.

Эти два красивые, мраморные утесы, выдавшись въ море двумя мысами, сдвинулись такъ близко одинъ къ другому, что сдва даютъ място пройти двумъ кораблямъ; но, впустивъ ихъ, они вдругъ разстуваются и образуютъ пространный бассейнъ, темныя воды котораго разливаются въ ширину на 1,200, а въ длину на 5,280 фут. Никогда не возмущаемый бурями и изобилующій рыбою, бассейнъ этотъ окружренъ домиками и садами городка Балаклавы.

Городокъ подымается отъ набережной террасами по довольно отлогой горѣ. И какъ дивно хороши видъ съ верхнихъ террасъ на балаклавскую набережную въ тихій вечеръ, когда луна серебрить темныя воды залива,

среди которого качаются суда и небольшие лодки, и у береговъ блуждаютъ огни рыбаковъ! Невозмутимая тишина царствуетъ повсюду; только изрѣдка раздается крикъ почной птицы или послышится отдаленная пѣснь рыбака, и опять все стихнетъ! И только тихое журчаніе слабо-кошачащихъ водъ залива нарушаетъ это безмолвіе. Жители Балаклавы, состоящіе преимущественно изъ грековъ, умѣютъ цѣнить эти очаровательныя ночи. Молодыя гречанки, какъ видно, болѣйшая почитательницы природы и поэзіи, выходятъ по вечерамъ изъ своихъ домиковъ и разсыпаются по узкимъ улицамъ городка, или же любуются прекрасными видами, открывающимися на набережную, съ открытыхъ галлерей своихъ домиковъ; на набережной также можно перѣдѣлко встрѣтить одиночныхъ мечтателей и любителей лунныхъ ночей.

Нашъ видъ Балаклавы снять съ вершины горы, на которой стоитъ городокъ. На первомъ же планѣ здѣсь растягивается и весь городъ, окружающій воды балаклавскаго залива, известнаго древнему греческому географу Страбону подъ живописнымъ пазваніемъ Узко-устало.

Далѣе поднимаются громадные утесы, воспѣтыя еще старикомъ Гомеромъ иувѣнчанные остатками древнихъ стѣнъ и башенъ.

Утесы эти, такъ величественно выступающіе въ море, когда-то въ давно минувшія времена, — во времена существованія дикихъ Тавровъ, первыхъ обитателей этихъ утесовъ, служили ужасомъ для мореходцевъ, которымъ нельзя было безнаказанно приближаться къ нимъ, а тѣмъ менѣе входить въ прекрасную гавань, за ними находящуюся. Мучительная смерть ожидала здѣсь каждого чужеземца. Вносядствіи эти кровожадные и дикіе обитатели крымскихъ горъ смѣнились болѣе миролюбивыми и болѣе цивилизованными народами, которымъ досталась Балаклава. Они воздвигли на этихъ неприступныхъ утесахъ еще болѣе неприступныя крѣпости, страшныя только для враговъ ихъ, — и входъ въ балаклавскую бухту сдѣлался доступнымъ для всѣхъ мореплавателей. Это были предпріимчивые сыны Греціи. Но явились новые, еще болѣе ловкие и столько же предпріимчивые, мореходцы: генуэзцы завладѣли греческимъ Ямболи, и флагъ святаго Георгія развился на балаклавскихъ утесахъ. Переименовавъ городъ

въ Чемболово, генуэзцы построили здѣсь тѣ не сокрушимыя твердыни, развалины которыхъ такъ красорѣчиво свидѣтельствуютъ еще и досегодня о давно минувшемъ величинѣ итальянцевъ на крымскомъ полуостровѣ. Но все измѣничило и все непрочно въ историческихъ судьбахъ народовъ. Знамя Магомета скоро, въ свою очередь, взвилось на высокихъ башняхъ Чемболово.

Когда Крымъ отошелъ къ Россіи, Императрица Екатерина II. поселила въ Балаклавѣ грековъ, — выходцевъ изъ Архипелага. Съ тѣхъ поръ эти греки, составляя „балаклавскій греческій баталіонъ“, были почти единственными обитателями городка.

Четыре вѣка безмолвствовали грозныя генуэзскія твердыни, медленно разрушаючись отъ времени и непогоды. Но въ 1854 году, когда англичане заняли Балаклаву, онъ вновь огласились неумолкаемымъ громомъ пушечныхъ выстреловъ, криками сражавшихъ и стонами умирающихъ. Балаклава превратилась въ огромный военный лагерь. Но не безъ боя сдалась она врагамъ, горсть балаклавцевъ, подъ предводительствомъ своего начальника, полковника *Манто*, засѣвъ въ древней крѣпости, защищали входъ въ проливъ до тѣхъ поръ, пока начальникъ ихъ не былъ тяжело раненъ.

Съ какимъ удивленiemъ должны были смотрѣть генуэзскія башни на всѣ эти, давно ими позабытыя, ужасы войны, на всю эту кипучую дѣятельность военнаго лагеря, паровозы, пароходы, желѣзныя дороги, магазины и пр., какъ бы по волшебству появившіяся у англичанъ! Все это въ Балаклавѣ было какимъ-то страшнымъ и удивительнымъ сномъ. Но сонъ миновался, — и Балаклава теперь уже давно позабыла какъ объ ужасахъ войны, такъ и о желѣзныхъ дорогахъ, паровозахъ и обо всей неумолчной дѣятельности, которая здѣсь кипѣла еще такъ недавно. Древнія балаклавскія башни безмятежно наслаждаются прежнимъ своимъ безмолвиемъ, — и мало по малу разрушаются.

Греческій балаклавскій баталіонъ нынѣ уничтоженъ и Балаклава сдѣлана заштатнымъ городомъ таврической губерніи.

АЛУПКА.

Два-ли прошло и полѣ-вѣка, послѣ того, какъ на мѣстѣ, гдѣ теперь красуются волшебные сады и возвышается великолѣпный замокъ Алупки, зіяли страшныя пропасти, на днѣ которыхъ виднѣлись вывороченныя съ корнемъ деревья и множество змѣй пряталось подъ ихъ полусгнившіе стволы. Разорванныя гранитныя массы, взгромоздившись одна на другую, свидѣтельствовали о бывшихъ когда-то здѣсь страшныхъ землетрясеніяхъ. Цѣлые горы, оторванные отъ Яилы внутреннимъ огнемъ, лежали разбросанные вдоль берега моря. Среди этого хаоса громоздилась и лѣпилась къ скаламъ татарская деревня, плоскокрышими домиками которой грозила ежеминутно опасность быть раздавленными висящими надъ ней скалами. Виноградныя лозы, въ 2—3 фута въ объемѣ, со всѣхъ сторонъ заплетали скалы, перебрасывая свои могучіе побѣги съ одной скалы на другую и точно стараясь удержать ихъ отъ паденія и прикрѣпить къ родной горѣ, отъ которой они были оторваны. Орѣховыя, гранатовые, масличныя деревья, смоковницы и цѣлый лѣсъ многовѣковыхъ лавровыхъ деревъ подымались изъ этого хаоса, защищая жителей деревни отъ солнечнаго зноя и напоминая о прежнихъ, давно минувшихъ народахъ, насадившихъ ихъ здѣсь нѣкогда.

Остатки греческаго укрѣпленія или сторожевой башни, на берегу моря, и небольшой греческой крѣпости (Алупка-Исараб), находящейся по-выше хаоса, на отдалѣно стоящей неприступной скалѣ, и нѣсколько монетъ, найден-

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

АЛУПКА.

АЛУПКА.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

иныхъ здѣсь, съ греческими надписями, временемъ христианства, свидѣтельствуютъ ясно, что здѣсь жили греки, и что они-то и были насадителями всѣхъ этихъ деревъ.

Дикость природы, до чрезвычайности живописное разрушеніе горъ, необыкновенно теплый климатъ Алупки, защищенной отъ сѣвера отвѣсною скалой *Ай-Петри*, возвышающейся на 3,798 ф. надъ уровнемъ моря, множество горныхъ потоковъ, берущихъ свое начало въ расщелинахъ Яйлы, — все это прельстило покойнаго князя М. С. Воронцова, и онъ приобрѣлъ Алупку и сдѣлалъ ее своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ въ Крыму. Князь Воронцовъ, съ неподражаемымъ искусствомъ, съ удивительнымъ вкусомъ, съумѣлъ воспользоваться величественными и вмѣстѣ ужасающими красотами этой дикой и орнитопальной мѣстности для созданія своей знаменитой Алупки: онъ развелъ тутъ свои волшебные сады и построилъ тотъ великолѣпный Алупскій дворецъ, который своею красотою справедливо восхищаетъ и поражаетъ всѣхъ путешествующихъ по Крыму.

Алупскій дворецъ стоитъ на обширной террасѣ, возвышающейся футовъ на 50 надъ уровнемъ моря; онъ весь окружены густою массою зелени, а за нимъ возвышается величественный Ай-Петри. На мѣстѣ дворца когда-то громоздились страшныя массы гранита, сброшенныя съ высоты горъ, — вѣроятно дѣйствиемъ подземного огня. Эти массы были взорваны порохомъ, обтесаны и даже отполированы; и они-то, превратившись въ гладкія отполированныя плиты прекраснаго гранита, послужили для сооруженія, т. е. для всей вишиней отдѣлки этого чуднаго дворца, построенаго въ видѣ массивнаго неправильнаго четвероугольника. Гранитъ, въ который одѣтъ весь Алупскій дворецъ и изъ котораго сдѣланы всѣ мельчайшія детали стѣнныхъ украшений, изъ зелено-голубоватаго цвѣта, превосходно принимаетъ полировку, но чрезвычайно труденъ для обработки.

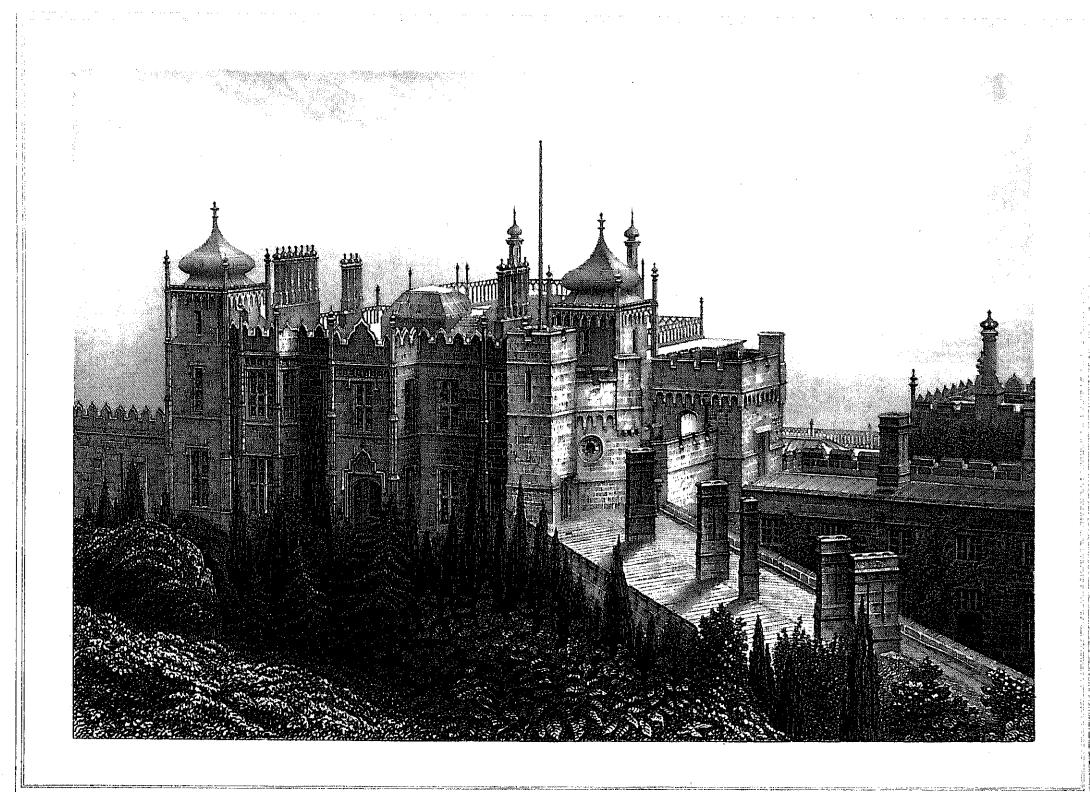
И легко себѣ представить по этому одному, какія громадныя суммы денегъ пошли на сооруженіе Алупскаго дворца. Архитектурный стиль этого замѣчательнаго строенія, это — искусное смѣщеніе стилей готическаго съ мавританскимъ. Всѣ эти колонки, башенки, мелкие куполы, арабески и другія украшения, въ видѣ кружевъ и фестоновъ, составляющіе наружный видъ дворца, все это сдѣлано изъ того же гранита, и все — самой тонкой,

изящной работы и смѣло можетъ поспорить съ украшениями самыхъ великолѣбныхъ мавританскихъ построекъ. Знаменитая Алгамбра, какъ видно, была постоянно въ воображении архитектора, когда онъ задумалъ планъ Алупскаго дворца. Особеною прелестью отличаются балюстрада дома и внутри изящные каминъ съ превосходными рѣзными украшениями, высѣченными въ цѣльномъ гранитѣ. Благодаря тому, что гранитъ, шедшій на отдѣлку дворца, находился почти тутъ-же, на мѣстѣ, камни кладены громадной величины, и оттого все строеніе пріобрѣло какой-то монументальный характеръ и вѣковую прочность.

По стѣнамъ, снизу до самой крыши, ползетъ темно-зеленый кавказскій плющъ, что чрезвычайно гармонируетъ съ гранитными украшениями. Крыша зданія, на которую всходитъ по прекрасной лѣстницѣ, устроена террасой, и отсюда открывается рѣдкій по своей прелести видъ: съ юга море, съ его скалистыми берегами; съ сбера Яйла, представителемъ которой на первый планъ выступаетъ гигантскій Ай-Петри; ближе къ дворцу возвышается среди зелени Алупская церковь; въ сторонѣ татарская деревня; вдали нестрѣютъ сособднія дачи съ бесѣдками, башнями, садами, и среди всего этого длиною подсою тянутся нескончаемые виноградники.

Дворецъ Алупскій былъ оконченъ въ 1837 году; къ самому приѣзду въ Крымъ покойнаго Императора Николая Павловича съ Семействомъ, и высокіе посѣтители были первыми гостями нового Алупского дворца. Радушный хозяинъ принялъ ихъ истинно по-царски. Всѣмъ современникамъ памятенъ этотъ приѣздъ Августѣйшей Фамиліи на южный берегъ Крыма и Ея пребываніе въ Алупкѣ. Князь М. С. Воронцовъ устроилъ у себя тогда чисто-народный праздникъ. Всѧ Алупка, ея великолѣбные сады и вѣсѣ скалы хаоса были дивно иллюминированы и горѣли разноцвѣтыми огнями. Неприступныя возвышенности Ай-Петри, установленыя пылающими смолянскими бочками, представляли чудную картину. Всѧ эта масса яркаго пламени отсвѣчивалась въ морской зыби. Огни были видны на весьма далекое разстояніе, и удивленные татары сбѣгались со всѣхъ сособднѣй деревень смотрѣть на рѣдкое для нихъ зрѣлище.

Къ приѣзду Императора было также окончено и знаменитое южнобережское шоссе, или горная почтовая

Kahn Photogr. gen. u. g. v. Berndt & Berndt in Leipzig

SCHLOSS ZU ALUPKA.

Алупкій замокъ.

Verlag v. Emil Bernat in Odessa.

дорога отъ Алушты до Алупки, дорога, какихъ немнога на Руси. Покойный Государь Императоръ былъ первымъ путешественникомъ по этой замѣчательной дорогѣ.

Алупскій дворецъ окружаютъ два сада — верхній и нижній и великолѣбныій паркъ. Верхній садъ расположень среди хаоса, у подножья гигантскаго Ай-Петри. Тутъ, въ тѣни многовѣковыхъ деревьевъ, устроены прозрачные пруды, въ которыхъ плаваетъ форель; среди гранитныхъ скалъ, обвитыхъ илющемъ, разбросаны клумбы рѣдкихъ растеній; вокругъ нихъ собираются ручьи по выложеному разноцвѣтными камешками дну; въ глубинахъ огромныхъ утесовъ устроены прохладные, таинственные гроты; въ красивыхъ павильонахъ бываютъ фонтаны; лабиринты дорожекъ приводятъ то къ громадной скалѣ, съ площадки которой открывается весь садъ, а вдали пестрая татарская деревня — Алупка, съ красивой мечетью, построенной княземъ Воронцовымъ, вместо бѣдной и ветхой мечети, существовавшей прежде, — то къ зеленої полянкѣ среди огромныхъ, заштетенныхъ фестонами, деревьевъ, и сквозь густую зелень ихъ сияетъ золотой крестъ Алупской церкви. А тутъ миниатюрное „Меридово озеро“, съ природной гранитной пирамидой посрединѣ. Изъ расположенныхъ не вдалекѣ оранжерей выглядываютъ дивныя растенія тропической почвы и свѣжій вѣтерокъ шевелитъ перистыми вѣтвями тутъ-же стоящихъ стройныхъ и высокихъ пальмъ.

Нижній садъ совершенно въ другомъ вкусѣ.

Это — чисто англійскій садъ, напоминающій самые прекрасные сады богатыхъ англійскихъ лордовъ. Онъ расположенъ на выровненной отлогости горы, спускающейся къ самому морю. Красивыя дорожки, среди роскошныхъ магнолій, павлоній, мимозъ, олеандровъ и огромныхъ померанцевыхъ деревьевъ, вѣются здѣсь по вѣямъ направлениямъ. Тутъ расположены клумбами массы камелій, азаматій и другихъ самыхъ чудныхъ и дорогихъ растеній; рощи громадныхъ кипарисовъ, какіе едва-ли встрѣчаются тѣхъ либо на южномъ берегу Крыма; чудные цветники, фонтаны, гранитныя лѣстницы, рощицы лужайки, чугунныя решетки, вазы, балюстрады, и всевозможная роскошная обстановка богатыхъ англійскихъ садовъ довершаютъ прелестъ нижняго сада Алупки. Здѣсь-же, на берегу моря,

устроена красная купальня, а въ концѣ сада находится вся увитая зеленью и засаженная великолѣпными кипарисами чистая и удобная гостинница для путешественниковъ. Между кипарисами, окружающими гостинницу, есть два историческихъ: говорятъ, ихъ посадилъ „великолѣпный князь Тавриды“, — Потемкинъ, во время путешествія въ Крымъ Екатерины II; такъ какъ они находятся близъ гостиницы, то се и называются „Гостиницю двухъ кипарисовъ.“

Въ 1853 году скалистымъ берегамъ Алупки придавалъ особенно оригинальный видъ и невольно напоминаль о тѣхъ временахъ, когда древніе греки называли берега Тавриды „негостепріимными“, — оставъ погибшаго около Алупки большаго и прекраснаго русскаго парохода *Енікале*. Пароходъ этотъ довольно долго стоялъ здѣсь на берегу, качаясь среди скалъ, разбиваемый прибоемъ морскихъ волнъ.

ОРИАНДА.

то можетъ быть очаровательнѣе и живописнѣе горной дороги, вьющейся мимо самыхъ великолѣпныхъ дачъ южнаго берега Крыма, которыми ушинаетъ этотъ берегъ, на разстояніи отъ Ялты до Алушки? Дорога эта, извиваясь зигзагами, тянется все вдоль морскаго берега и нечувствительно поднимается въ гору, достигая мѣстами до довольно значительной высоты (1800 фут.), — до самой подошвы непрступныхъ и стоящихъ отвесною стѣною скаль хребта Яйлы. А между тѣмъ, вы Ѹдете по этой замѣчательной дорогѣ въ какомъ хотите экипажѣ, съ какою хотите быстротою, и Ѹдете вездѣ точно среди какого-нибудь роскошнѣйшаго англійскаго парка. Васъ поражаютъ здѣсь на каждомъ шагу и очаровываютъ невольно то роскошная и разнообразная зелень богатыхъ растеній, то дикие утесы скаль, громостяющихъ въ беспорядкѣ одна на другую, то мелькающія по сторонамъ великолѣпныя дачи, съ ихъ небольшими дворцами, готическими замками, башнями, красивыми домиками, которые буквально тонутъ въ самой роскошной зелени богатыхъ садовъ и въ клумбахъ и гирляндахъ великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ цвѣтовъ. Къ довершенію очарованія слѣва у васъ стелется необозримая морская гладь, которая блеститъ разноцвѣтными переливами на солнцѣ и незамѣтно сливается съ горизонтомъ и которую вы ни на минуту не теряете изъ вида; а съ права тянется хребетъ Яйлы, то заросшій лѣсомъ, то возносящейся къ верху дикими, обнаженными скалами и утесами — самыхъ странныхъ и прихотливыхъ очертаний.

На этой-то очаровательной дорогѣ, на седьмой верстѣ отъ Ялты и въ одной верстѣ съ половиною отъ Ливадіи, вѣсль остановитъ невольно величественный видъ на Императорскую *Оріанду*, принадлежащую теперь Его Императорскому Высочеству Великому князю Константину Николаевичу. Оріанда является влѣво отъ дороги и — вѣмъ кажется — лежить въ глубокой и пространной впадинѣ, обставленной со всѣхъ сторонъ грандіозными скалами, посреди которыхъ, на великодѣйной террасѣ, склоняющейся къ морю, поставленъ царскій дворецъ. Съ одной стороны дворца возвышается, на нѣсколько сотъ футовъ надъ уровнемъ моря, обрывистая, неприступная скала, на вершинѣ которой водруженъ большой позолоченый крестъ, а съ другой стороны, на скалѣ меньшей высоты, но не менѣе утесистой и не менѣе грандіозной по виду, высится легкая, сквозная бесѣдка на прекрасныхъ колоннахъ, построенная въ видѣ древнаго греческаго храма. Вокругъ самаго дворца, на террасѣ и вокругъ дворцовыхъ строеній, стоящихъ неподалеку въ сторонѣ, вы видите цѣлое море зелени и группы огромныхъ, роскошно растущихъ деревъ и вы не можете не удивляться могучей растительной силѣ этого благодатнаго уголка земли. А у подножія дворца блеститъ и волнуется безпрѣдельное море. Все это вѣмъ представляется при первомъ взглядѣ на Оріанду, все это вы видите уже съ большой дороги; по которой Ѵдете. Но спуститесь внизъ по хорошо устроенной, экипажной дорогѣ, которую вѣмъ укажетъ красивый караульный домикъ, съ башнею, стоящимъ у воротъ Оріанды, — и разнообразіе, обширность и рѣдкая красота живописныхъ видовъ этой дикой и вмѣстѣ величавой мѣстности вѣсль будуть поражать на каждомъ шагу и на долго не изгладятся изъ вашей памяти.

Не далеко отъ воротъ, на превосходной террасѣ, съ которой уже открывается очаровательный видъ вглубь на всю Оріанду, стоитъ домъ для управляющаго, съ бѣлою башнею впереди. Вы спускаетесь далѣе, по дорогѣ вправо, Ѵдете въ началѣ дороги подъ крытой аллеей, увитой виноградомъ. Вы достигаете нечувствительно до террасы, на которой стоитъ дворецъ, и отсюда восхищаетесь вполнѣ Оріандой, во всей ея суровой красотѣ. Глаза ваши непрерѣменно останавливаются то на нестройныхъ массахъ каменныхъ скалъ, подымющихся со всѣхъ сторонъ, то на глубокихъ впадинахъ, густо заросшихъ лѣсомъ, то на неприступныхъ скатахъ и отлогостяхъ горъ, спускаю-

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

SCHLOSS ZU ORLANDA. — ЗАМОКЪ ВЪ ОРЛАНДѢ.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

щихся къ самому морю и покрытыхъ яркою зеленою и огромными деревьями; а между ними съ шумомъ собираются къ морю свѣтлые горные ручьи и потоки. И посреди этого грандиознаго хаоса природы, вы встрѣчаете весьма искусно разбитый англійскій садъ; и дикие мрачные утесы скалъ, зелень деревъ, горизонтъ моря смыкаются у вѣтъ на каждомъ шагу и вы непремѣнно переходите отъ видовъ природы, самыхъ суровыхъ и дикихъ, къ самымъ веселымъ и восхитительнымъ. Вы вполнѣ понимаете, почему Императоръ Александръ I избралъ это мѣсто и хотѣлъ устроить здѣсь свою уединенную резиденцію, въ удаленіи отъ дѣлъ и въ одномъ сосѣдствѣ съ дивными картинаами природы и съ близкими ему людьми.

Во время путешествія своего по Крыму, эта дикая мѣстность, своею уединенною красотою, своими мрачными и рѣдко живописными горами, высокими многовѣковыми деревьями и прозрачностью горныхъ ручьевъ до такой степени очаровала высокаго путешественника, что онъ рѣшился приобрѣсти Оріанду*). Въ то время Оріанда принадлежала графу Кушелеву-Безбородко; но ея владѣлецъ оставлялъ ее въ томъ-же запустѣніи, въ какомъ она находилась съ давнихъ временій, и единственной постройкой на ней была небольшая греческая или татарская хижинка. Хижинка эта была очищена и въ ней устроено было временное помѣщеніе для Императора въ его новомъ владѣніи, готовно уступленномъ ему графомъ Кушелевымъ-Безбородко.

Неприступныя скалы, съ ясными еще на нихъ слѣдами древнихъ укрѣплений и жилищъ, страшныя пропасти, утесы, съ пространными площадками, съ которыхъ видѣнъ почти весь южный берегъ до Людага, густые лѣса, растущіе на отвѣсныхъ высотахъ, источники, сбывающіе каскадами по острѣмъ, скрытымъ утесамъ, — все это послужило великолѣпною рамою для устроеннаго здѣсь англійскаго сада, для разведенныхъ виноградниковъ, для обширнаго, расчищенаго среди многовѣковаго лѣса, парка и наконецъ для царскаго дворца, воздвигнутаго уже послѣ смерти Александра I, когда Оріанда, по желанію покойнаго Императора Николая Павловича, перешла къ его Августѣйшей супругѣ, Александрѣ Федоровнѣ.

*) Прежде она называлась Ургенда, Урланда (татары и теперь даютъ ей это послѣднее название). Императоръ Александръ I назвалъ ее Оріандой.

Изменное положение дворца, почти на берегу моря, громадные утесы и высочайшія деревья, его окружавшія, придаютъ всему зданію дворца нѣсколько суроый и мрачный видъ; но тѣмъ не менѣе этимъ положеніемъ своимъ онъ вполнѣ отвѣчасть вкусу любителей строгихъ видовъ природы.

Архитектура дворца, простая и строгая, совершенно соответствуетъ мѣстности Оріанды. Видъ на дворецъ съ большой дороги и съ моря необыкновенно живописенъ. Все зданіе дворца обнесено террасами, на которыхъ красуются клумбы рѣдкихъ растеній и множество самыхъ богатыхъ цветовъ; гирлянды розъ и другихъ вьющихся растеній роскошно увиваются всѣ балюстрады и балконы зданія. Особенно хороши балконы, обращенный къ морю и поддерживаемый восемью богатыми каріатидами. Внутри дворца замѣчательенъ особенно такъ называемый „помпейскій дворикъ“; онъ украшенъ стѣнами живописью на манеръ живописи въ Помпей и поддерживается большими колоннами изъ темнаго крымскаго мрамора, удивительной полировки и работы; потолокъ его стеклянны; по срединѣ бѣть фонтанъ; по угламъ, у колоннъ, разставлены чудныя тропическія растенія.

Виды Оріанды отовсюду — съ балконовъ дворца, со скалъ, на которой водруженъ крестъ, какъ, равно и со скалъ съ павильономъ — самые обширные. Видны ялтинская бухта и Ялта, со всей ея очаровательной долиной, и весь берегъ далѣ до Людага. Маршалъ Мармонтъ, путешествовавшій въ Крыму въ 30-хъ годахъ, справедливо говоритъ, что мѣстность Оріанды „и величественна и живописна и вмѣстѣ миловидна“; а острыя и обнаженные скалы, господствующія надъ Оріандой, напоминаютъ, по его словамъ, „самые строгіе виды Альповъ.“ Съ одной изъ подобныхъ скалъ, спускающихся къ берегу моря, по острымъ камнямъ и въ глубокомъ ущельи, густо заросшемъ гигантскими деревьями, — съ шумомъ сбѣгааетъ величественный оріандскій водопадъ. Деревья, нависшія надъ водою, и ползучія растенія, цѣпляющіяся по скаламъ, придаютъ много дикости общей картинѣ водопада и невольно напоминаютъ дѣственныя лѣса Америки. Крымскія лани, пугливо пробѣгающія среди деревъ, еще болѣе усиливаютъ сходство этой мѣстности съ первобытною природою дѣственныхъ лѣсовъ новаго свѣта.

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

PALAST DES THRONFOLGERS.
Livadia.

Дворецъ Наслѣдника.
Ливадія.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

ЛИВАДІЯ.

ервая изъ замѣчательныхъ дацъ южнаго берега Крыма, которую вы встрѣтѣете на пути изъ Ялты въ Алушку, это *Ливадія*, дача Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Марии Александровны. На третьей verstѣ отъ Ялты уже стелятся богатые виноградники и открывается обширный паркъ Ливадіи, съ его бархатистыми лужайками и гигантскими деревьями, съ его красивыми клумбами рѣдкихъ растеній и роскошными цвѣтниками. Среди всего этого, растительна до богатства красуется дворецъ Государя Наслѣдника. Онъ построенъ въ восточномъ вкусѣ. Глубокіе балконы, въ видѣ кіосковъ, обнесены тонкими решетками; а пестрота окраски и высокія трубы, въ видѣ тонкихъ бащенокъ или минаретовъ, составляютъ удивительный эффектъ, среди массы растеній, его окружающихъ. Внутренняя отдѣлка дворца соответствуетъ его наружному виду. Широкіе диваны, ковры, небольшія, но уютныя комнаты — все дышитъ роскошною простотою и удобствомъ.

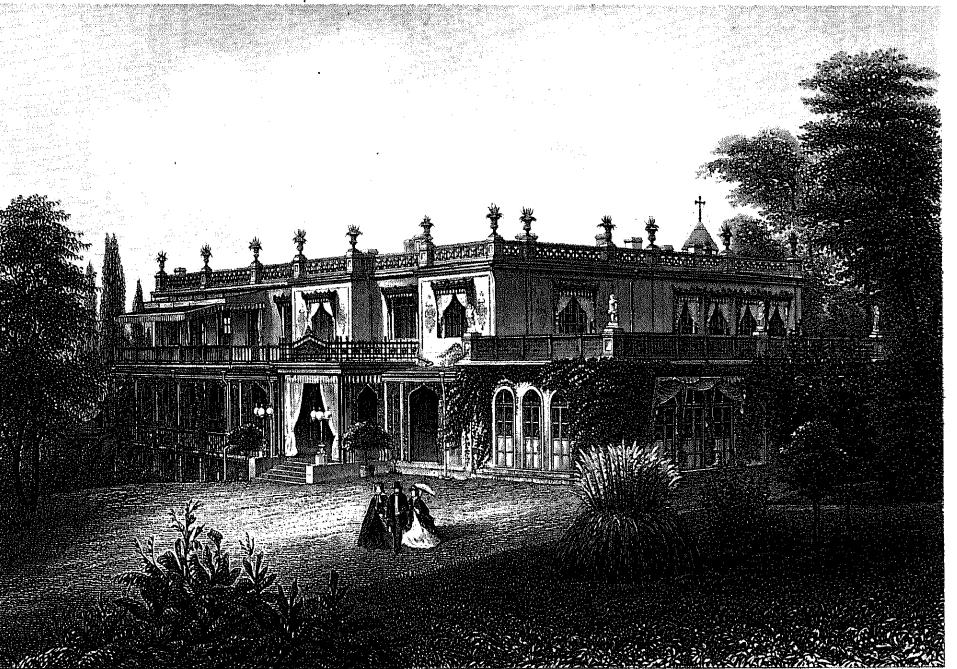
Красивая, легкая лѣстница ведетъ на крышу дворца, гдѣ устроена пространная терраса, также обнесенная решетками. Надъ нею развертывается легкій павильонъ для защиты отъ крымскаго жгучаго солнца. Видъ съ этой террасы самый пестрый и оживленный: кромѣ Яйлы и моря, этихъ роскошныхъ рамъ, въ которыя

вправлены все картины природы южного берега Крыма, у подошвы дворца раскинулась вся Ливадия, съ ея садами, виноградниками, цветниками и многочисленными постройками. Съ одной стороны видна Ялта, Масандра, Никита, во всей ихъ отдаленной красѣ; а съ другой — рисуются причудливые утесы Оріанды и вѣтается въ грациозно изломанныхъ кривыхъ линіяхъ, берегъ моря.

За дворцомъ Наслѣдника, ближе къ почтовой дорогѣ, стоитъ дворецъ Государыни Императрицы. Дворецъ, какъ вообще вся Ливадия, вполнѣ соответствуютъ тому назначению, какое угодно было дать этому очаровательному убѣжищу его царственнымъ владѣтелямъ. Высокіе хозяева Ливадии ищутъ здѣсь уединенія и отдыха отъ царственныхъ заботъ въ прекрасномъ климатѣ и посреди благодатной природы юга. Потому дворцы и вся зданія Ливадии, не поражая ни особенною роскошью, ни обыкновеннымъ величиемъ царскихъ жилищъ, отличаются одною изящною простотою и удобствомъ. Царскій дворецъ Ливадии — это прекрасный загородный домъ, отдѣланный съ чрезвычайнымъ вкусомъ, но и съ чрезвычайною простотою. Онъ построенъ еще прежнимъ владѣтелемъ Ливадии, графомъ Потоцкимъ, и въ главныхъ частяхъ своихъ оставленъ почти безъ измѣненія. Онъ только нѣсколько увеличенъ пристройкою къ нему обширной галлерей; а находившаяся за этой галлереей католическая капелла графа Потоцкаго обращена въ небольшую, но отличающуюся строгимъ изяществомъ, православную церковь, въ византийскомъ стилѣ.

Въ пристройкѣ, отдѣланной съ одной стороны дома къ нижнему этажу и имѣющей видъ легкой стеклянной галлереи (которая видна на нашей картинкѣ), помѣщается обширная столовая. Снаружи она вся увита виноградомъ, а внутри украшается цветами и рѣдкими растеніями, посреди которыхъ бѣть водометъ и поставлена статуя Пенелопы, изъ благо мрамора, принесенная Государынѣ Императрицѣ въ даръ одесскимъ купечествомъ.

Дворецъ Ливадии главнымъ фасадомъ своимъ обращенъ на Ялту. Устройство переднихъ балконовъ, галлерей, оконъ и всѣхъ наружныхъ украшеній зданія обличаетъ весьма искуснаго художника въ его архитекторѣ и строителѣ. Передъ дворцомъ, на ровной площадкѣ, разбросаны клумбы южныхъ растеній и съ рѣдкимъ вкусомъ

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

PALAST ZU LIVADIA. Дворецъ въ Ливадії.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

разбиты цветники; а немного поодаль, на небольшой покатости, устроена великолѣпная крытая аллея изъ розъ и другихъ вьющихся растеній, поддерживаемыхъ чугунными колонками; между этими растеніями особенно отличаются своею рѣдкою красотою и чрезвычайно изѣжнымъ запахомъ бѣлляя и блѣдно-палевыя розы. Вы входите въ эту аллею, или вѣрнѣе сказать, въ эту воздушную галлересю, по широкимъ уступамъ, или ступенямъ, сдѣланнымъ изъ портландскаго цемента. Отсюда, равно какъ и съ балконовъ и галлерей дворца, открывается рѣдко живописный видъ на Ялту, на окрестныя горы и на ялтинскую бухту. Переднюю часть картины составляютъ большой англійскій паркъ и обширные виноградники Ливадіи, между которыми разбросаны красивыя караулки для сторожей, построенные въ видѣ павильоновъ, — внизу съ помѣщеніемъ сторожа, а на верху — съ платформой, обнесенной перилами.

Не менѣе прелестенъ видъ и по другую сторону дворца. Вы видите весь берегъ моря, до самаго алунскаго мыса, окаймленный великколѣпными дачами и идущие извилинами у самаго подножія высокихъ скаль, какъ-бы нависшихъ надъ волнами; у васъ передъ глазами вся Оріандъ, съ ея дикими и гигантскими скалами и утесами; далѣе видныются *Гаспра*, *Кореизъ*, *Мисхоръ* и наконецъ Алушка. А по-ниже Оріанды, къ самому морю, васъ останавливаетъ *Айтодарскій* мысъ, далеко выступающій въ море тремя, почти вертикальными утесами; и на одномъ изъ этихъ утесовъ, между зеленою громадныхъ хвойныхъ деревъ, бѣлѣтъ маякъ. Видъ этотъ особенно хорошъ въ лунную ночь, когда море какъ-бы дрожитъ подъ тихими лучами луны, и она обливается своимъ фантастическимъ свѣтомъ всей береговыя горы и утесы, всю зелень садовъ, между которыми, какъ блуждающіе огоньки, мерцаютъ огни изъ оконъ соседнихъ дачъ. Ярко освѣщенный маякъ бросаетъ далекую полосу свѣта въ море и придастъ что-то волшебное всей этой очаровательной картинѣ. Очарованіе довершаются запахъ лимонныхъ и апельсиновыхъ деревъ, тихій плескъ волнъ и видъ глубокаго, синяго звѣздного неба. Все это напоминаетъ вамъ невольно прелестныя итальянскія виллы у береговъ Сициліи.

Я Л Т А.

а всемъ южномъ берегу Крыма, богатомъ такими разнообразными и очаровательными картинаами природы, сдва-ли можно встрѣтить мѣстность болѣе живописную той, котоrую занимаетъ Ялта. Ученый швейцарецъ, Дюбүа де Монпере, путешественникъ, столько же сѣрѣйшій и иссѣтѣмый, сколько и одаренный тонкимъ сочувствіемъ къ красотамъ природы, описывая ялтинскую долину, говоритъ: „De l'église la route va en descendant jusqu'à Jalta, et je puis dire qu'il n'y a rien en Crimée qui approche de l'effet majestueux qui produit la double vallée que s'ouvre dans les flancs de la muraille taurique. Huit fois je suis venu visiter ce superbe amphithéâtre, et la huitième fois m'étonne encore plus que la première. J'ai observé la vallée de Jalta de toutes les positions, et de partout elle est belle et grandiose.“*) И Дюбүа совершенно справедливъ; потому что Ялта и ся долина всегда производятъ сильное и глубокое впечатлѣніе на путешественника, впервые посѣщающаго южный берегъ Крыма, особенно когда онъ подходитъ къ Ялтѣ съ моря, на пароходѣ. Первое, что его поражаетъ — это подымайющіяся стѣною хребетъ Яйлы, возвышающіяся у Ялты на 5 т. ф. надъ уровнемъ моря. Отходя отъ

*) Voyage autour du Caucase etc. et en Crimée T. VI, p. 57.

Nach Photoğraf gen. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

ЯЛТА.

ЯЛТА.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

берега, не болѣе какъ на поль-версты разстоянія, онъ изгибаєтся полукругомъ, въ видѣ магометанской луны, и представляеть изъ себя раму, въ которую выравлена миньюториа, по до чрезвычайности картиная Ялта, съ своею бухтою, которая придана Ялтѣ, какъ-бы для украшенія, а не для того, чтобы служить гаванью для судовъ и пароходовъ. Вершины горъ, обрамливающіхъ Ялту, голы и каменисты; а съ половины ихъ тянутся вѣчно-зеленые лѣса крымской сосны; внизу-же, у ихъ подножія, растягиваются почти сплошною массою сады Аутки, Дерикоя и Айвасиля, богатѣйшихъ по своей растительности деревень, заключенныхъ въ ялтинскихъ долинахъ. Серебристыя горыя рѣчки и отдѣляющіеся отъ нихъ потоки, какъ лентами, опоясываютъ эти сады, теряясь въ ихъ массивной и до невѣроятности разнообразной зелени. Деревни Аутка, Дерикой и Айвасиль, расположеныя амфитеатромъ, красиво пестрѣютъ посреди своихъ садовъ, окруженные высокою стѣною пирамидальныхъ тополей.

Сама Ялта выстроена па сѣверномъ берегу своей бухты, или морскаго залива, заключенного между двумя мысами, и первый предметъ, который вамъ бросается въ глаза, когда вы приближаетесь къ ялтинскому берегу съ моря, — это церковь, стоящая направо, на уступѣ горы, выдающейся въ море; она чрезвычайно красивой архитектуры, съ довольно большимъ куполомъ по срединѣ, а по угламъ красуются еще четыре другихъ купола, поменьше. Церковная колокольня, черезъ которую открывается входъ въ самую церковь возвышается надъ куполами церкви и имѣть видъ готической башни. Церковь густо засажена кипарисами и другими вѣчно-зелеными деревьями и кустами, — что, вмѣстѣ съ оригинальной архитектурой церкви, производить поразительный эффектъ съ моря. Пониже церкви, влѣво, бѣдѣютъ и вѣсѣ немногочисленныя строенія Ялты, которыя смотрятся въ море до того картино, что не вѣрится, чтобы это было въ действительности городокъ, вмѣщающій въ себѣ болѣе тысячи душъ жителей, и до крайности оживленный въ лѣтній сезонъ, когда онъ наполняется путешественниками.

Расположенная надъ самыи заливомъ, Ялта лѣпится вокругъ своего берега и тянется далѣе вверхъ къ отлогостямъ горнаго хребта, образуя, такимъ образомъ, амфитеатръ, верхнай ярусъ котораго состоитъ изъ дачъ, съ красивыми домиками, совершенно потонувшими въ кипарисныхъ и лавровыхъ рощахъ и въ роскошныхъ прѣтникахъ.

Среди нихъ разбросаны тамъ и сямъ скатившися когда-то съ Ялты гранитные утесы, увитые плющемъ, страстно-цвѣтомъ и другими выносящимися растеніями. Нижний ярусъ этого амфитеатра составляютъ уже собственно городскія строенія, стоящія почти у оконечности бухты, строенія — большею частию двухъ-этажные и красивой архитектуры. Надъ самымъ моремъ стоять фонтанъ, падающая вода котораго наполняетъ гранитную чашу. Пабережная, съ гранитной балюстрадой, засажена деревьями и во время сезона почти всегда наполняется гуляющими. Тутъ стоитъ пестрый домикъ агентства русского общества пароходства и торговли и устроена небольшая, но довольно хорошая пристань, съ павильономъ. Тутъ пристаютъ пароходы; тутъ-же всегда бываетъ привязано множество лодокъ, а на рейдѣ качаются на волнахъ иѣсколько щебольшихъ судовъ. За пабережной, влѣво, опять пестрѣютъ небольшия дачи, — такія красивенькия и улыбающіяся и до такой степени завитыя розами и заросшія цвѣтами, что уютные домики ихъ почти все скрыты въ этой пестрой массѣ зелени и цвѣтовъ.

Таковъ общій видъ Ялты, которая, какъ городъ, имѣеть, собственно говоря, двѣ улицы: главную, идущую по пабережной, гдѣ стоятъ все лучшія постройки, и другую, идущую за нею, — виуэрннюю улицу, гдѣ находятся лавки, базары и пр. Красивѣйшія дома на пабережной — это — принадлежащіе экономіи царскаго имѣнія Ливадія, гдѣ помѣщаются — „клубъ южнаго берега Крыма“ и лучшіе магазины, домъ князя Воронцова, домъ г. Галахова и вновь построенное зданіе для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ.

Ялта сдѣлана уѣзднымъ городомъ только въ 1838 году, во время управления Новороссійскимъ краемъ покойнымъ княземъ М. С. Воронцовъ, который собственно и создалъ Ялту, построивъ ее на мѣстѣ, гдѣ въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ стояло двѣ-три греческихъ хижинъ, не болѣе; но въ древности на мѣстѣ нынѣшней Ялты находился довольно большой и значительный византійскій городъ и портъ, называвшійся *Галити* или *Галита* (крымскіе греки и теперь такъ называютъ Ялту).

Городъ этотъ известенъ и восточными географами подъ именемъ *Джалита*. Онъ былъ обнесенъ стѣною и имѣлъ крѣпость внутри стѣнъ. Послѣ грековъ, ялтинскою крѣпостью завладѣли генуэзцы, а послѣ нихъ въ Ялтѣ

Nach Photographie u. gezeichnet v. Berndt in Leipzig.

BUCHT VON JALTA. ЯЛТИЙСКАЯ БУХТА.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

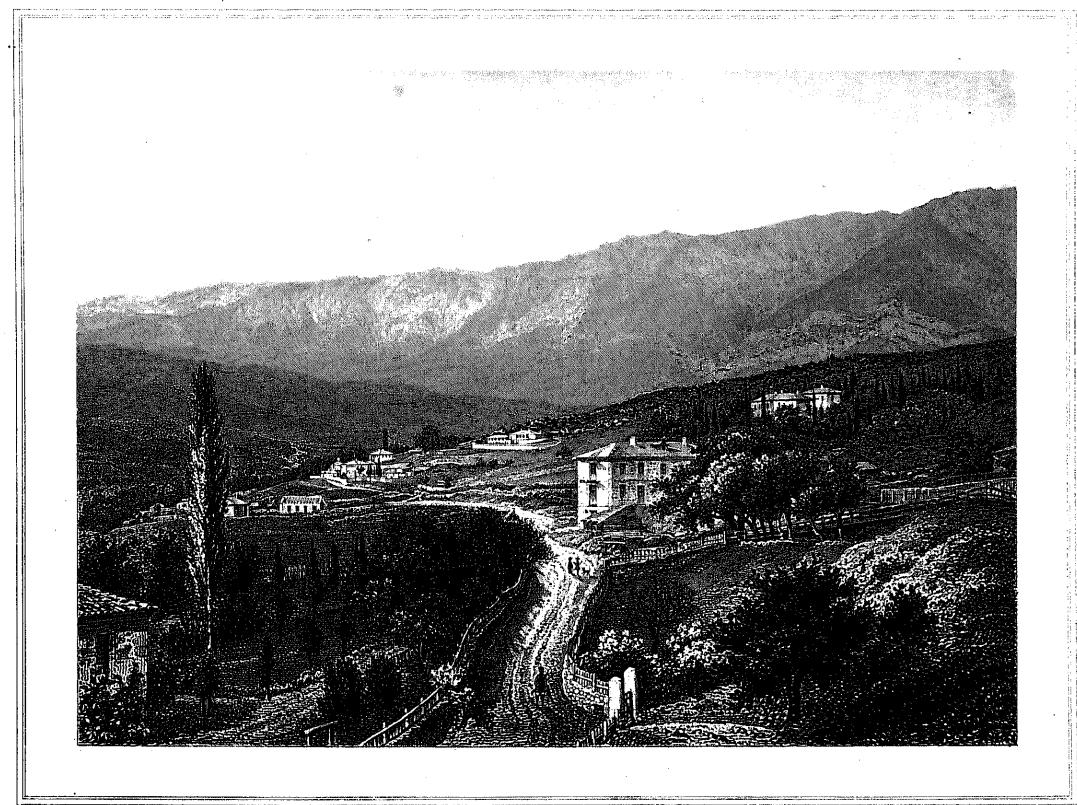
находился турецкий гарнизонъ. Слѣдовъ древняго города и укрѣпленія теперь не осталось въ Ялтѣ никакихъ. Въ 30-хъ годахъ были видны еще остатки древнихъ укрѣпленій и слѣды старинной греческой церкви, во имя св. Иоанна, на которомъ стоитъ и нынѣшняя ялтинская церковь, только по-ниже ее, къ самому морю. Но инженеры, строивши въ то время моллу въ Ялтѣ, разрушили эти остатки древнихъ строеній и совершенно разбили древнія стѣны, употребивъ ихъ камни на постройку моллы, такъ что теперь не видно никакихъ слѣдовъ этихъ древнихъ построекъ. Въ наказаніе за такое невѣжественное обращеніе съ остатками древностей, построенная инженерами молла была разбита въ первое послѣ постройки волненіе моря, — и камни, служивши единственнымъ воспоминаніемъ о древнихъ обитателяхъ Ялты, упесены въ море и навсегда покрылись морскими волнами.

АУТКА.

осѣтители Ялты любуются обыкновенно ближайшими окрестностями ся изъ самаго города и сиѣшатъ въ Ливадію, въ Оріанду, въ Алушку, не желая углубиться въ тѣ темно-зеленныя кущи, которыя разбросаны по скату Яйлы и такъ очаровательно окаймляютъ Ялту. Но на эту густую зелень южной растительности, на эту нестроту домиковъ — мало глядѣть изъ-далі; надо подняться въ греческую деревню *Аутку*, въ самый центръ этой зелени, и поближе подойти къ ся хорошенькимъ домикамъ, такъ кокетливо выглядывающимъ изъ подъ мрачныхъ, высокихъ кипарисовъ. Это недалеко, всего одна верста отъ Ялты, и дорога, ведущая въ деревню, своротивъ въ-право отъ почтовой дороги и подымаясь въ гору, такъ густо унизана садами, садиками и дачками, что вы и не примѣтите, когда очутитесь въ Ауткѣ.

Греческая деревня Аутка прежде была расположена въ долинѣ, по которой протекаетъ быстрый горный потокъ или рѣчка, которая также называется *Ауткой*. Но въ послѣдніе годы деревня такъ разрослась, что сї тѣсно стало у береговъ своей рѣчки, и она разметалась далеко по горной отлости, спускающейся къ долинѣ, и украсилась многими прекрасными дачами и домиками, которые отдаются въ наемъ на лѣтній сезонъ пріѣзжимъ посѣтителямъ южнаго берега.

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig

Аутика.

Аутика.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

Видъ представленный на нашемъ рисункѣ, даетъ ясное понятіе объ этихъ дачахъ и домикахъ.

Почти у подошвы сплошной стѣны горнаго кряжа Яйлы, возвышающейся у этого мѣста на 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря, расположены здѣсь всѣ эти сады и дачи, принадлежащіе разнымъ владѣльцамъ; тѣ-же домики и дачи, которые по-ближе къ Ауткѣ, принадлежатъ преимущественно тамошнимъ грекамъ. Почти всѣ эти дачи окружены виноградниками, фруктовыми деревьями и хорошенъкими цветниками. Рѣзко отдѣляется посреди этихъ небольшихъ дачъ прекрасная и богатая дача г. Дундукова-Корсакова, расположенная на самой возвышенности. Огромный, превосходно-разбитый садъ и роскошные цветники окружаютъ здѣсь домъ владѣльца. Видны затѣмъ, на лѣвой сторонѣ картины, садъ принадлежащий къ дачѣ г. Галахова. А на право отъ нея, черезъ дорогу, ведущую въ Аутку, построены недавно два хорошенъкіе домика, фантастической архитектуры, принадлежащіе ко вновь устроеннымъ здѣсь дачамъ кн. Голицына и барона Брангеля. Собственно деревни Аутки отсюда невидно; она скрывается за горою, изъ-за которой видныются только вершины многовѣковыхъ орѣховъ и другихъ деревъ, раскидывающихъ свои могучія вѣтви въ садахъ и надъ домиками ауткинскихъ жителей.

Какъ ни замѣчательна деревня Аутка по роскоши своихъ садовъ, по своей населенности и по прекраснымъ качествамъ и богатству воды въ своихъ фонтанахъ; но еще замѣчательнѣе, по своей удивительной прелести, тотъ видъ, который открывается изъ оконъ почти каждой ея дачки, изъ каждой аллеи ея садовъ. Съ-права, къ юго-западу, коническая гора *Мегаби* господствуетъ надъ всей картиной и служить ей рамою съ этой стороны. За нею видныются, почти надъ самымъ моремъ, сады Оріанды и Ливадіи; ближе къ Ялтѣ вѣтается почтовая дорога и у самаго моста пестрѣтъ красивая дача г. Лѣсиневича. Прямо на югъ рисуется вся Ялта, съ ея готическою церковью, стоящею влѣво на возвышенности, съ ея строеніями надъ моремъ и съ ея окрестными дачками, скрывающимися въ густой и темной зелени. Къ востоку, съ лѣвой стороны, обрамляетъ картину *Никитскій мысъ*, далеко выдающійся въ море, — и отъ него, по-среди темной зелени кипарисовъ, проглядываютъ строенія *Масандры* и другихъ соѣдніихъ дачъ.

Въ виду этой богатой горной картины синѣеть море, въ безпредѣльномъ пространствѣ, и надъ нимъ ясное крымское небо.

Это такая панорама, прелестъ которой не легко и скоро позабывается. Вся эта гармонія цвѣтовъ и тѣней неба, моря и зелени, вся эта пестрота довольно оживленной Ялты въ лѣтній сезонъ, особенно въ день появленія пассажирскаго парохода, производятъ въ зрителѣ необыкновенное очарованіе.

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Emil Berndt in Leipzig.

УРСУФ И Д. БАРЕНБЕРГ.

Урсуфъ и Мордеваль топра.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

УРЗУФЪ и АЮДАГЪ

(МЕДВѢДЬ-ГОРА).

Урзуская — или лучше — „гурзуфская“^{*)}) долина принадлежитъ едва-ли не къ самыи очаровательнымъ уголкамъ южнаго берега Крыма по своей богатой и роскошной растительности и по удивительной прелести и вмѣстѣ грандиозности своей общей горной картины. Она лежитъ у небольшаго морскаго залива, имѣющаго видъ довольно хорошей, полугруглой бухты, замыкаемой съ одной стороны горою Аюдагомъ, а съ другой мысомъ Никита-Бурунъ, глубоко вдавшимся въ море. Отъ сѣвера и сѣверо-востока долина защищена хребтомъ Яйлы, покрытымъ на высотахъ густымъ сосновымъ лѣсомъ. Начиная отъ самаго Аюдага, тамъ и сямъ, разбросаны по долинѣ и у подошвы горнаго хребта громадныя каменные массы, цѣлья груды скаль, отдельно стоящихъ, — самыхъ странныхъ и прихотливыхъ очертаній. Эти грандиозные слѣды геологического переворота, бывшаго когда-то на крымскомъ полуостровѣ, одинъ ученый геологъ (Дюбуа де Монпера) называетъ

^{*)} Татары и прочие жители Крыма вообще говорятъ Гурзуфъ, а не Урзусъ; потому, кажется, правильнѣе держаться первого названія, согласно съ местнымъ произношеніемъ. Въ древности Гурзуфъ былъ извѣстенъ подъ разными именами: Гурзуфита, Грузуи, Курзуфъ, Урзона и пр.

настоящимъ хаосомъ: Une montagne fracassée — говоритъ онъ — a semé le sol de ses débris et jusqu'au delà d'Oursouf — l'on marche au milieu d'un chaos. Такія каменныя громады стоять мѣстами у морскаго берега и показываются частію въ самомъ гурзуфскомъ заливѣ, какъ напримѣръ, двѣ огромныя сѣрыя скалы, изображенныя на нашемъ пейзажѣ.*). На одной изъ подобныхъ же скаль, у входа въ деревню Гурзуфъ, — со стороны Аюдага, было устроено и древнее гурзуфское укрѣпленіе, картиныя развалины котораго видны еще и теперь.

Татарская деревня Гурзуфъ расположена амфитеатромъ и чрезвычайно живописно по скату холма, у подножія котораго бѣжитъ свѣтлый и богатый водою горный источникъ. Благодаря обилию воды, татарскіе домики Гурзуфа, съ ихъ плоскими крышами, буквально тонутъ въ цѣломъ лабиринтѣ свѣжой и яркой зелени, посреди огромныхъ орѣховыхъ деревъ, пирамидальныхъ тополей и фиговыхъ деревъ.

Но главное богатство и красоту гурзуфской долины конечно составляетъ прекрасная дача и очаровательный садъ г. Фундукаля, расположенный на холмистой мѣстности, спускающейся отъ самой почтовой дороги къ покатому берегу моря. По искусству, съ которымъ онъ разбитъ, по своему английскому парку и по богатству рѣдкихъ южныхъ растеній, этотъ садъ принадлежитъ безспорно къ самымъ замѣчательнымъ садамъ южного берега Крыма. Посреди большаго и разнообразнаго собранія превосходныхъ деревъ и рѣдкихъ южныхъ растеній всѣхъ родовъ, какъ-то: гранатовыхъ, смоковничныхъ, каштановыхъ, лавровыхъ и многихъ другихъ вѣчно-зеленыхъ (*sempervirens*) южныхъ растеній, по всему саду массами поднимаются мрачные кипарисы и стройные итальянскіе тополи, — что придаетъ общему ландшафту сада необыкновенную прелесть и изящество. Особенно богатъ рѣдкими, красивыми растеніями английскій паркъ передъ самимъ домомъ, тѣкрасуются огромныя магноліи съ ихъ пышными блестящими цветами, наполняющими воздухъ благоуханіемъ. Не менѣе прекрасны здѣсь всѣ rose

*). По измѣрению г. Дюбуа эти двѣ скалы, называемыя татарами просто Ташеларъ (камни), возвышаются надъ водою на 170 и погружены въ волнахъ на 160 футовъ, слѣд. всего имѣютъ высоты 330 футовъ. Эта высота можетъ дать понятіе и о другихъ скалахъ гурзуфской долины.

rémontante: вы видите цѣлую аллею изъ розовыхъ деревъ, верхушки которыхъ покрыты розовыми, бѣлыми и пунсовыми цветами, приколированными къ одному и тому же кусту. Великолѣпныя тополи составляютъ ограду Фундуклеевскаго сада со стороны моря, волны котораго тихо всплескиваются на покатый берегъ у самаго ихъ подножия.

Красивыи господскій домъ въ этомъ богатомъ имѣніи г. Фундуклея поставленъ на весьма выгодномъ мѣстѣ и съ галлерей его открывается великолѣпный видъ на горы, на татарскую деревню на гурзуфскія скалы и на море.

Съ этимъ домомъ и вообще съ дачей г. Фундуклея соединено воспоминаніе о герцогѣ де Ришелье, бывшемъ Новороссійскомъ губернаторѣ, которому нашъ край такъ много обязанъ своимъ первоначальнымъ устройствомъ. Герцогъ Ришелье былъ первымъ владельцемъ Гурзуфа и домъ, построенный имъ здѣсь, былъ однимъ изъ первыхъ домовъ, первымъ началомъ русской колонизаціи на южномъ берегу Крыма, когда здѣсь не было еще ни дорогъ и никого изъ другихъ жителей, кроме татаръ. Ришелье завѣщалъ это имѣніе бывшему своему адъютанту, — потомъ известному археологу, — Степановскому, отъ котораго оно было приобрѣтено другимъ устроителемъ Новороссійскаго края, графомъ М. С. Воронцовыимъ, и уже отъ графа Воронцова Гурзуфъ перешелъ къ его настоящему владельцу.

Но есть еще другое, дорогое для каждого русскаго воспоминаніе, которое соединено съ именемъ Гурзуфа и съ домомъ на бывшей дачѣ герцога Ришелье. На этой дачѣ и въ этомъ домѣ жилъ одно время Пушкинъ, въ семействѣ генерала Раевскаго, одного изъ героевъ двѣнадцатаго года. Раевскій, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, возвращался (въ августѣ 1820 г.) съ кавказскихъ минеральныхъ водъ въ Крымъ, гдѣ въ то время проводило лѣто его семейство, на дачѣ герцога Ришелье въ Гурзуфѣ, которую онъ уступилъ для этого Раевскому, — своему товарищу по военной службѣ.

Жизнь въ Гурзуфѣ и обозрѣніе роскошныхъ береговъ Крыма оставили въ Пушкинѣ самыя живыя и поэтическія впечатлѣнія, которыя онъ передавалъ потомъ въ такихъ чудныхъ стихахъ и къ которымъ такъ часто

возвращался и въ стихахъ своихъ и въ письмахъ къ друзьямъ. Изъ Керчи до Гурзуфа Пушкинъ плыть на военномъ бригѣ, отданномъ въ распоряженіе генерала Раевскаго. Въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ барону Делвигу, онъ говоритъ объ этомъ плаваніи: „Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Гурзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину пѣнистую: разноцвѣтныя горы сяли, плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прильпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аюдагъ.... кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море и блескъ и воздухъ полуденный.... Въ Гурзуфѣ жилъ я сиднемъ, — продолжаетъ Пушкинъ, купался въ морѣ и обѣдался виноградомъ. Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью неаполитанскаго *lazzaroni*. Я любилъ проснувшись ночью слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посыпалъ его и привязался къ нему чувствомъ, похожимъ на дружество.“ Любимый кипарисъ Пушкина живъ до сихъ поръ въ Гурзуфѣ. Путешественники ходятъ къ нему и срываютъ съ него вѣтки на память о Пушкинѣ.

Нынѣшній Гурзуфъ есть древняя *Горзумта*, въ которой императоръ Юстиніанъ възстановилъ — вѣроятно и прежде существовавшую здѣсь — крѣпость. Крѣпость была построена на утесистой скалѣ, подымающейся къ верху двумя оконечностями (см. рисунокъ).

Скала эта возвышается нѣсколько на западъ отъ нынѣшней татарской деревни, и потому поставленная на ней крѣпость могла легко господствовать и надъ гурзуфской бухтой и надъ долиной. Крѣпость состояла изъ грубо, но солидно построенныхъ на извести каменныхъ стѣнъ и башенъ; основанія и развалины какъ тѣхъ, такъ и другихъ ясно видны еще и теперь. Въ этихъ развалинахъ замѣ чаются двѣ системы укрѣплений различныхъ эпохъ: верхнія укрѣпленія, связывающія двѣ оконечности скалы, считаются Юстиніановыми, а укрѣпленія, которыя шли на 6 саженей ниже отъ естественной площадки на скалѣ (до которой легко достигнуть), приписываются генуэзцамъ.

Тому, кто-бы захотѣлъ подняться на скалу, съ желаніемъ осмотрѣть эти историческія развалины, представилась бы рѣдкая по своей красотѣ и великолѣпію картина здѣшней горной природы. Рѣзко выдающійся предметъ на этой картинѣ конечно составляетъ Людагъ, который угрюмо спускается къ морю и полошется въ его волнахъ своимъ оригинальнымъ мысомъ. Округленная поверхность горы издали кажется совершенно лежащею на свѣтлыхъ морскихъ волнахъ, такъ что не нужно большихъ усилий воображенія, чтобы мысъ Людага признать за *бараний лоб*, или *Кріуметопонг* древнихъ — название, которое даютъ этому мысу нѣкоторые древніе географы. Но не безъ основанія также русскіе и татары называютъ Людагъ Медвѣдь-горою; онъ свою формою дѣйствительно можетъ напоминать лежащаго на водѣ или спящаго мѣдведя.

АЛУШТА.

Алуштинская долина можетъ считаться одною изъ пространнейшихъ долинъ южнаго берега Крыма; оро-
шаемая двумя рѣчками, она можетъ называться также и самою плодороднейшею. Виноградные и фрук-
товые сады, табачныя плантаціи и хлѣбопахатныя поля тянутся по ней версты на три или четыре.
Множество дачъ садовладѣльцевъ, — хотя не особенно богатыхъ, — разбросано по всему протяженію
долины; вино ся, хорошо выдержанное, нимало не уступаетъ винамъ изъ лучшихъ виноградниковъ въ другихъ
мѣстахъ южнаго берега Крыма.

Алуштинская долина расположена между отлогими горами, спускающимися отъ главнаго хребта
крымской горной цѣпи. Къ сѣверу она замыкается гигантскимъ шатромъ *Чатырдага*, къ западу — мохнатою
верхушкою *Бабуган-Яйлы*, къ востоку причудливо и очаровательно горою *Демерджи*, съ ея какъ-бы барельеф-
ными украшеніями, изсѣченными въ скалахъ могучимъ художникомъ — природою.

Въ одной изъ этихъ скаль, дѣйствительно имѣющей форму человѣческаго бюста, хотятъ видѣть бюстъ
императрицы Екатерины II. Къ югу долина замыкается песчанымъ берегомъ моря и вѣчно-плещущими, синими
волнами его.

ALUSCHTA.
ALTUHTA.

Verlag v. Emil Bernhardt in Odessa.

Татарская деревня Алушта, изображенная на нашем рисункѣ, находится почти у самаго берега. Плоско-крышіе домики ея, громоздясь одинъ на другой, лѣпятся по крутыму утесу надъ рѣчкою Улу-узенг. Безчисленные сады и свѣжіе, зеленые луга унизываютъ рѣчку; могучія вѣтви гигантскихъ орбховыхъ деревъ клоняются надъ послѣдними рядами татарскихъ домиковъ, совершенно скрывая ихъ подъ своюю тѣнью и богатою листвою. Тутъ же, надъ орбхами, на лугу стоитъ небольшая мечеть, съ красивымъ минaretомъ. Две стацінныя высокія башни служатъ единственнымъ воспоминаніемъ много-вѣковаго существованія Алушты или *Алуштона*, какъ называлась она у древнихъ. Время еще не успѣло сокрушить эти древнія башни; онѣ висятъ среди деревни и чрезвычайно гармонируютъ съ небольшой, но очень красивою церковью готической архитектуры, которая занимаетъ самое воз-вышенное мѣсто въ деревнѣ. Не далѣко отъ церкви, подъ горою, находится фонтанъ очень хорошей воды, куда, два раза въ день, приходятъ за водою татарскія девушки, съ свѣтлыми металлическими кувшинами на плечахъ, имѣющими форму античныхъ амфоръ. Тутъ можно не рѣдко встрѣтить очень хорошенъкое лицико, съ насурмленными бровями и въ красныхъ фескахъ или шапочкахъ, изъ подъ которыхъ выпадаетъ множество мелко-заплетенныхъ косъ.

Почтовая дорога пролегаетъ посреди Алушты, раздѣляя ее на двѣ половины. Съ одной стороны находится татарская деревня, а съ другой тянутся сады, виноградники, табачныя плантаціи. Между всѣмъ этимъ растительнымъ богатствомъ бѣлѣютъ домики садовладѣльцевъ, окруженные розами, кипарисами, тополями и другими свойственными южному берегу Крыма растеніями.

Надъ самой почтовой дорогой стоитъ опрятный и просторный станціонный домъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ галлереями. Противъ него, немножко наискосъ, среди виноградника видѣнъ на холмѣ довольно красивый домикъ г-жи Браилко; онѣ замѣчательнѣ тѣмъ, что построены на мѣстѣ древняго кладбища. Когда рыли здѣсь фундаментъ для дома, лѣтъ около 30 тому назадъ, то нашли много древнихъ монетъ и нѣкоторыя другія мелкія вещицы. Подлѣ этого домика и теперь находится нѣсколько могилъ, покрытыхъ грубо обтесанными каменными

большими плитами, подъ которыми земля до того осѣла, что видны кости и черепы древнихъ обитателей Алустона и, можетъ быть, даже и строителей самой крѣпости, остатки которой мы видимъ въ Алуштѣ и понынѣ.

Спускаясь по Симферопольской почтовой дорогѣ отъ станціи *Таушанъ-Базаръ*, Алушта представляетъ чрезвычайно живописный ландшафтъ и кажется укрѣпленнымъ городкомъ. Высокіе пирамидальные тополи, опоясывающіе деревню со всѣхъ сторонъ, представляются пеприступными крѣпостными стѣнами, а высокія башни, окруженнныя татарскими домиками, кажутся издали средневѣковыми замками. Но чтобы имѣть полное понятіе о прелесті Алушты и обѣ алуштинской долинѣ вообще, нужно смотрѣть на нее съ ялтинской почтовой дороги, поднявшись не болѣе версты отъ деревни. На-льво представляется мрачная, покрытая лѣсомъ гора *Бабуганъ-Яйла*, съ ея разнообразными отрогами, спускающимися къ морю, одѣтыми яркою зеленою лѣсовъ и кустарниковъ; горыя отлогости перерѣзаны оврагами и ручьями, которые текутъ посреди дикихъ каменыхъ утесовъ. Далѣе синѣеть вершина Чатырдага, у подошвы котораго, среди лѣсовъ, раскинулась деревня *Корбеклы*, съ своими безчисленными потоками, дающими начало рѣчкѣ *Улу-узень*, которая орошаетъ тѣнистые сады Алушты; еще далѣе, къ востоку, возвышается гора Демерджи, сталактитовые бока которой играютъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги; между этими сталактитовыми укралпеніями, образующими колонны, пирамиды и даже бюсты, пестрѣютъ татарские домики деревни Демерджи, раскинутые въ живописномъ безпорядкѣ; посреди нихъ серебрится на солнцѣ быстрый потокъ, который, освѣживъ и поливъ всѣ сады, сгруппировавшіеся вокругъ его русла, бѣжитъ чрезъ Алушту, среди громадныхъ тополей и наконецъ теряется въ морѣ. Вѣковые орѣхи, фруктовые сады и виноградники представляютъ безконечную массу зелени, изъ-за которой выглядываютъ домики деревни Алушты, съ ея классическими башнями посрединѣ; а тамъ далеко, далеко тянутся *Судакскія* горы, то темныя и мрачныя, съ остроконечными вершинами, то свѣтлыя, то серебристо-розовыя, мѣняя постоянно оттенки, по мѣрѣ того, какъ освѣщаетъ ихъ солнце.

Алушта, сколько известно, была укрѣпленнымъ греческимъ городомъ, называвшимся *Алустонъ* и, надо думать, — была городомъ довольно значительнымъ, потому что Алустонъ имѣлъ своего епископа. Башни, стоящія

здесь и поныне, были построены по приказанию императора Юстиниана въ VI вѣкѣ, въ одно время съ укреплѣніями Гурзуфа. Еще недавно въ Алуштѣ находилось три башни; но такъ какъ одна изъ нихъ начинала отъ времени (и оттого, что брали изъ нея камни) грозить паденiemъ, то вместо того, чтобы поддержать ее, было приказано, къ сожалѣнію, — ее разрушить; можно ожидать, что скоро въ Алуштѣ не останется ни одного воспоминанія о временахъ классической древности; разберутся и послѣднія двѣ башни ея, и камни ихъ пойдутъ на постройку какойнибудь станціи или конюшни. Нельзя не пожалѣть о томъ, что у насъ такъ небрежно обращаются вообще съ историческими памятниками всякаго рода и такъ мало дорожатъ ими.

СУДАКЪ.

ынѣшній Судакъ поражаетъ воображеніе путешественника только своими живописными развалинами. А было время, когда Судакъ (*Судаіл* у древнихъ грековъ, *Солдаіл* у генуэзцевъ и *Сурожъ* у русскихъ) бывть однимъ изъ многолюднѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Крыма; когда онъ соперничалъ иѣкоторое время даже съ славнымъ иѣкогда, по своей торговлѣ, Херсонесомъ. Во времена византійскихъ грековъ Судакъ имѣть собственныхъ, отдаленныхъ правителей и епископскій престоль. Между епископами *Судаіл* извѣстенъ святостю своею и подвижническою жизнью Стефанъ, названный Стефаномъ *Сурожскимъ*.

Въ портѣ Сугдаї стояли тогда сотни купеческихъ судовъ, приходившихъ со всѣхъ сторонъ торгового міра; базары Сугдаї были завалены драгоцѣнными мѣхами Сибири и товарами Индіи и Китая. По улицамъ города сновали иностранцы всѣхъ возможныхъ націй. Къ богатымъ церквамъ и монастырямъ сугдайскимъ стекались тысячи усердныхъ богомольцевъ, и ревностно украшали ихъ своими приношеніями, — драгоцѣнными каменьями, золотомъ и серебромъ. Городъ былъ защищенъ непрѣступными твердынями крѣпости, былъ обнесенъ высокими каменными стѣнами, которыя перерѣзывались башнями и имѣли иѣсколько гигантскихъ воротъ.

Когда генуэзцы завладѣли Сугдаєю, они еще болѣе укрѣпили городъ, еще выше подняли сторожевые башни и крѣпостныя стѣны. И турки, осадивъ *Солдаію*, только голодомъ заставили сдаться находившійся въ ней храбрый итальянскій гарнизонъ.

Что же осталось теперь отъ неприступного, многолюдного города? Остались однѣ нѣмыя, разрушенныя временемъ и разхищеныя невѣжествомъ, развалины великолѣпныхъ готическихъ построекъ; осталось вѣчно пле-щущее, порою бурное, клокочущее, порою нѣжно-воркующее море, да эти скалы, которыхъ не можетъ сокрушить ни время, ни невѣжество, ни волны морскія.

И какъ живописны, какъ величественны эти развалины и скалы, ихъ поддерживающія! Взгляните на рисунокъ, изображающій мѣсто положеніе древней Сугдаи. Вотъ обнаженный выдающійся въ море, округленный утесъ. На немъ, на самой вершинѣ, подымаются стѣны и башни укрѣпленія и спускаются, по покатости утеса, къ сѣверу и къ западу. Высокія и толстыя стѣны перерѣзаны разнообразными башнями. Самая высокая часть укрѣпленія отдѣлялась отъ другихъ частей крѣпости особенными стѣнами. Къ западу стѣны спускались къ морю, гдѣ находился городъ, надъ самимъ заливомъ. Даѣе, возвышается обрывистая, величественная *Соколиная гора*, которая служила естественною защитою для Сугдаи съ сѣвера. Еще даѣе, на самомъ берегу моря, стоить фантастический, остроконечный утесъ и какъ будительный, неутомимый часовой сторожитъ входъ въ заливъ. А тамъ, еще даѣе, на западѣ, извивалась вдоль моря синѣють береговыя горы, предѣломъ которыхъ служитъ Людагъ.

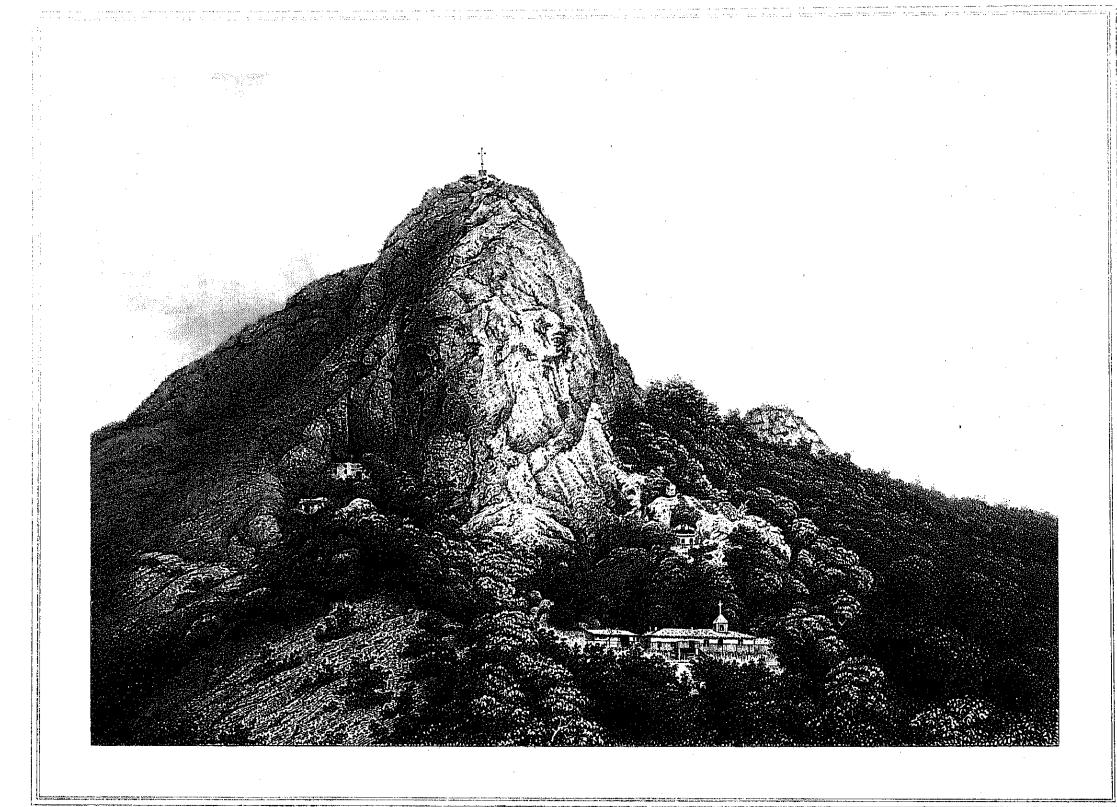
На-лѣво берегъ также окаймленъ скалистыми горами и оканчивается выдавшимся въ море обнаженнымъ мысомъ *Меланомъ*.

Весь этотъ видъ съ моря отличается чрезвычайною величественностью. Онъ въ тоже время мраченъ и суровъ. Тутъ невидно ни зелени, ни деревьевъ; взорамъ вашимъ представляются только дикия скалы, море, да горизонтъ неба.

Скала, на которой построена крѣпость, неприступна со стороны моря; но къ ней легко дойти со стороны долины, гдѣ открывается обширная терраса, которая была защищена громаднымъ валомъ и десятью башнями. И когда вы, по развалинамъ, доберетесь до самой верхней башни, составляющей со стороны моря предѣлъ крѣпости; то глазамъ вашимъ представится изумительно прекрасная картина: съ одной стороны море, дикия скалы и горные утесы; а съ другой — зеленѣющая, на далекое пространство, долина.

Башня, о которой мы говоримъ, построена надъ самыемъ обрывомъ скалы, называется теперь у татаръ *Кыз-Куле* (Дѣвичья башня). Въ ней, говоритъ преданіе, жила какая-то изъ владѣтельницъ Сугдаи.

Хотя всѣ эти полуразвалившіяся башни и стѣны, какъ слѣды изчезнувшей — нѣкогда славной жизни, — и произведутъ въ васъ невеселое впечатлѣніе; но подъ самыми стѣнами крѣпости разбросано нѣсколько домиковъ нѣмецкихъ колонистовъ, окруженныхъ тѣпистыми деревьями, незатѣмъ живыми цѣпѣнниками и огородами. Домики эти пріотились почти у самыхъ стѣнъ древней крѣпости и составляютъ поразительный контрастъ, своимъ скромнымъ видомъ и обыденнымъ характеромъ земледѣльческой жизни, съ этими грозными твердынями готическихъ временъ, напоминающими иную жизнь, иныхъ людей, иные права и обычаи. Веселые крики ребятишекъ, играющихъ у самыхъ воротъ крѣпости, пасущійся по близости скотъ и вся эта житейская суета придаютъ отг҃енокъ жизни мертвенному запустенію древнаго города. А открывашійся далѣе видъ на знаменитую „Судакскую долину“, которая отличается такою могучею растительною жизнью и такою роскошью и богатствомъ природы, — еще болѣе измѣняетъ характеръ пейзажа. Чудная зелень садовъ, луговъ, виноградниковъ тянется по всему пространству долины, среди горъ, на разстояніи двухъ или болѣе верстъ въ ширину, и версты на три въ длину. Быстрая рѣчка *Суукъ-у*, съ множествомъ ручьевъ и потоковъ, разливается посреди садовъ, перерѣзываая ихъ по всѣмъ направленіямъ. Сельскіе домики, различныхъ видовъ, пестрѣютъ между деревьями; красивая церковь занимаетъ самое возвышенное мѣсто на площадкѣ. Нескончаемые аллеи тополей уходятъ въ неопредѣленную даль, скрываясь за цѣпью самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ горъ и холмовъ, за которыми видѣются вдали очерки другихъ соседнихъ долинъ и живописно разсыпавшихся между ними горныхъ деревень.

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

St STEPHANSKLOSTER СКИРЬ СВ. СТЕФАНА
in Kisiltasch. въ Кизилташъ.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

КИЗИЛЬТАШЪ

И СКИТЬ СВ. СТЕФАНА СУРОЖСКАГО.

Берстахъ въ тридцати отъ Судака, между двумя прекраснѣйшими долинами въ Крыму — *Отузской* и *Козской*, посреди дикой и уединенной мѣстности, возвышается гигантская скала, красноватаго цвѣта; отчего она и названа татарами *Кизиль-ташъ*, т. е. „красный камень“, или *Кизилташъ-кая* — „скала красного камня.“ Скала эта съ одной стороны подымается совершенно отвесною стѣною и имѣеть ужасающій видъ. Она почти лишена растительности; но подошва скалы окружена густымъ и чуднымъ лѣсомъ, который тянется на далекое разстояніе.

На вершинѣ дикой Кизильташской скалы водруженъ крестъ, который служить теперь для путешественника явнымъ признакомъ того, что онъ долженъ встрѣтить въ этой дикой пустынѣ какое-либо мѣсто христіанскаго благочестія. И действительно, когда вы юдете изъ Судака; въ виду всей этой превосходной горной панорамы, окаймленной темною зеленою лѣсовъ, и когда вы взберетесь на одну изъ высотъ, съ которой глазамъ вашимъ откроется видъ на кизильташскую скалу, то у подножія ея, въ самомъ дикомъ уроцищѣ, густо-поросшемъ лѣсомъ, вы замѣчаете церковь, съ подымющимся надъ нею небольшимъ византийскимъ куполомъ и крестомъ, и нѣсколько

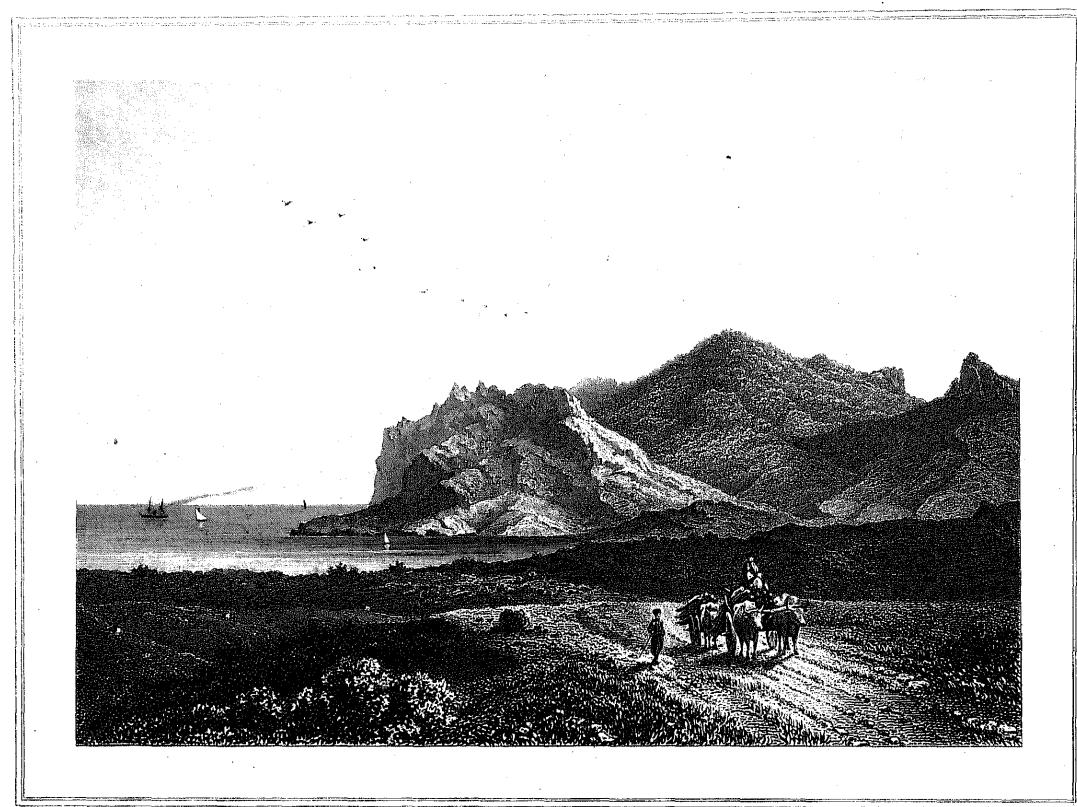
бѣльюющихъ сквозь лѣсную чащу домиковъ. Это и есть „скитъ св. Стефана Сурожского“ или „Кизильташкій монастырь“, какъ здѣсь привыкли обыкновенно его называть въ народѣ.

Нельзя было выбрать мѣстности для монастырской обители и для иноческаго пустынножительства болѣе уединенной и суровой и въ тоже время — болѣе живописной, по дикой красотѣ своей. Кизильташъ — безспорно одна изъ замѣчательныхъ мѣстностей въ горной части єеодосійскаго уѣзда.

Скитъ св. Стефана сурожского устроенъ въ очень недавнее время въ Кизильташѣ; но вытекающій здѣсь изъ одной пещеры или грота источникъ, съ незапамятныхъ временъ, — быть можетъ, — съ первыхъ вѣковъ водворенія христіанства въ Крыму, пользуется въ народѣ славою цѣлебнаго и святаго. Въ гротѣ, изъ котораго онъ вытекаетъ, находилась древняя церковь, съ старинными образами и изображеніями святыхъ по стѣнамъ грота.

Этотъ гротъ, или пещера въ скалѣ, заслуживаетъ вообще вниманія путешественника. Татары ее называютъ *Kizil-tash-koba* (Кизильташская пещера). Она не особенно велика и изѣбчена въ сѣромъ камнѣ. Въ вершинѣ пещеры существуетъ отверстіе,透过 которое, во всякое время года, вливается, съ высоты одной сажени съ небольшимъ, тонкая и свѣтлая струя воды и падаетъ перпендикулярно въ небольшой натуральныи бассейнъ, находящійся прямо противъ отверстія, — и потомъ, наполнивъ бассейнъ, вытекаетъ изъ грота.

Вода этого источника прозрачна, какъ кристалль, свѣжка и очень хороша на вкусъ. Въ цѣлебную силу этого источника вѣрятъ и питаютъ уваженіе къ святости этого мѣста не только христіане, но и татары. Они, равно какъ и христіане, съ давнихъ временъ стекались сюда на богомолье и привозили для исцѣленія водою источника своихъ больныхъ. Это и послужило поводомъ знаменитому духовному оратору и архипастырю русской церкви, Инокентію, учредить въ Кизильташѣ скитъ св. Стефана Сурожского.

Gez. v. Fessler, Geet. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

DAS KOKTEBELLGEIBURGIE
bei Theodosia.

Коктебельскія горы.
бл. Теодосії.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

бухту, возвышаются надъ всѣмъ проливомъ. Многочисленныя постройки карантина, расположеннаго на берегу одного изъ этихъ мысовъ, съ высоко подъемающеюся надъ моремъ башнею, красиво рисуются съ моря; а множество судовъ, тѣснящихся вдоль берега, довершаютъ картину.

Такъ хороши видъ на Керчь съ моря. Но если вы взойдете на вершину Митридатовой горы, то отсюда, особенно передъ заходенiemъ солнца, Керчь представится вамъ еще болѣе красивою, еще болѣе живописною.

Усталый путешественникъ, взойдя на гору, съ удовольствиемъ сядетъ отдохнуть на камъ *Митридатова кресла*, и картина, которая откроется передъ его глазами, скоро заставитъ его позабыть объ усталости.

Вдалі, на востокѣ, вы ясно различаете отсюда азіатскій берегъ керченского пролива или берегъ полуострова *Тамани*; — а на самомъ отдаленномъ краю этого берега синѣютъ, покрытыя мглою, кавказскія горы, представляясь глазамъ въ видѣ спустившихся на горизонтъ облаковъ. Ближе стелятся пространныя степи, искрятся воды Босфора, со всѣми его заливами; и нестрѣлющими берегами, и видны на горизонте полосы Чернаго и Азовскаго морей. Бѣлые паруса ~~пробающихъ~~ лодочекъ видны по всѣмъ направлениямъ на водахъ пролива; темная, длинная тѣнь падаетъ отъ южнаго мыса, у керченской бухты, или мыса *Акъ-Бурунъ*, т. е. *блѣгло*, отчего еще ярче кажется блескъ воды, освещенной заходящимъ солнцемъ; вереница судовъ тянется по заливу, и бѣгуцій на всѣхъ парахъ пароходъ оставляетъ за собою темную полосу дыма. Верхушки кургановъ, возвышающихся вдоль керченской бухты, и всѣ строенія принимаютъ золотистый оттѣнокъ. Внизу, у подошвы горы, бѣлѣютъ зданія города и слышанъ отдаленный гулъ городской жизни. Взглядите теперь на южную сторону: здѣсь, внизу разбросаны красивыя дачи и зеленѣютъ сады, а гдѣ-то далеко блеститъ узкая, длинная полоса Азовскаго моря. На югъ и юго-западъ, вдоль по горѣ, спускаются ряды кургановъ, за ними стелется гладкая степь, по среди которой возвышается отдаленная вершина замѣчательной горы *Онукъ*.

Керчь очень дѣятельный и оживленный городъ, заключающий въ себѣ около 30,000 жителей. По множеству иностраннѣихъ судовъ, бывающихъ въ его бухтѣ и проходящихъ черезъ Босфоръ въ азовскіе порты, и

по своей торговой дѣятельности, Керчь очень походитъ на одинъ изъ приморскихъ городовъ западной Европы. Большая площадь на берегу моря, окруженнная колоннадою, всегда бываетъ полна пестрою толпою народа, особенно же въ базарные дни. — Постоянное передвиженіе въ проливѣ торговыхъ судовъ, проходящихъ въ Азовское море и идущихъ оттуда обратно, и правильное и частое посланіе Керчи пароходами русского общества пароходства и торговли безпрерывно наполняютъ керченскую бухту судами и пароходами, а базарную площадь и торговые рынки Керчи различнымъ народомъ.

Счастливое мѣстоположеніе Керчи и ея близость къ Азовскому и Черному морю, близость и удобное сообщеніе со всѣми портами Европы и Азіи дѣлали то, что Керчь, во всѣ историческія времена, была однимъ изъ замѣчательныхъ приморскихъ городовъ. Въ древности на мѣстѣ нынѣшней Керчи, стояла *Пантикалея*, одна изъ цвѣтущихъ греческихъ колоній, служившая центромъ торговой дѣятельности древнихъ Эллиновъ на берегахъ Чернаго моря. Основанная Милеїйцами въ VI вѣкѣ до Р. Х., Пантикалея вначалѣ была свободнымъ городомъ и управлялась археонактидами, но потомъ была подчинена Босфорскимъ правителямъ, и подъ именемъ Босфора сдѣлалась столицею знаменитаго Босфорскаго царства. Пантикалея, по извѣстіямъ древнихъ писателей, была однимъ изъ многолюднѣйшихъ и красивѣйшихъ городовъ греческихъ. О богатствѣ древней Пантикалеи можно судить по тѣмъ сокровищамъ, которыя теперь постоянно вырываются изъ земли въ окрестностяхъ нынѣшней Керчи. Послѣ смерти Митридата, могущественнѣйшаго изъ царей Босфорскихъ и одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей древняго мира, Пантикалея подпала подъ власть Римлянъ, и хотя продолжала еще имѣть собственныхъ царей, но цари эти были не болѣе, какъ данниками Рима. Значеніе Пантикалеи постепенно падало при слабости ея правителей и вслѣдствіе частыхъ войнъ и разрушительныхъ набѣговъ варваровъ, превратившихъ ее въ груды развалинъ уже въ первые вѣка христіянства. Теперь знаменитая Пантикалея узнается только по тѣмъ нескончаемымъ рядамъ кургановъ, которые окружаютъ Керчь со всѣхъ сторонъ, и гдѣ покоятся, вмѣстѣ съ древними обитателями Пантикалеи и вся ея древняя слава и богатства. Груды камней, едва замѣтныя слѣды улицъ и разбросанныхъ стѣнъ,

да могильные курганы — вотъ все, что сохранилось отъ древней Пантикалеи. Она представляетъ теперь обширное поле мертвыхъ.

Пантикалея расположена была вокругъ Митридатовой горы и опоясывала ея со всѣхъ сторонъ. На самой вершинѣ горы находился *акрополь*, или укрѣпленная цитадель города. Отсюда обозрѣвалъ свой флотъ и свое воинство, собираясь идти на враговъ, знаменитый Митридатъ — Эвпаторъ, этотъ семидесятилѣтний, но еще бодрый старецъ, полный отваги и страстей и киравший такою ненавистью къ главнымъ врагамъ своимъ, — Римлянамъ. И здѣсь, въ этомъ акрополѣ, онъ окончилъ свою бурную жизнь, вслѣдствіе предательства роднаго сына своего.

Императорскій эрмитажъ въ Петербургѣ постоянно обогащается тѣми рѣдкими произведеніями древнегреческаго искусства, которыя находять и до сего дня въ керченскихъ курганахъ. Мраморныя статуи, амфоры прекрасной работы, покрытыя удивительною живописью, золотыя, серебряныя и бронзовыя украшенія самой изящной отдѣлки, множество древнихъ монетъ и другихъ чрезвычайно цѣнныхъ вещей, все это и до сихъ поръ вырываются изъ подъ земли на мѣстѣ древней Пантикалеи въ пантикальскихъ курганахъ, вмѣстѣ съ человѣческими скелетами, покоющимися въ прекрасныхъ мраморныхъ саркофагахъ, съ барельефными украшеніями. Часто, при открытии могилъ, можно еще видѣть платье, головные уборы даже волосы скелетовъ; но все это быстро превращается въ прахъ, отъ прикосновенія съ воздухомъ. Часть драгоцѣнныхъ вещей, извлеченныхъ изъ керченскихъ кургановъ, хранилась прежде въ керченскомъ музѣе древностей; но во время войны однѣ изъ нихъ вывезены были изъ Керчи, до занятія ея союзными войсками; а другія, оставшіяся въ музѣѣ, увезены были французами и англичанами. И теперь прекрасное зданіе Керченскаго музѣя пусто, о чемъ нельзѧ не пожалѣть.

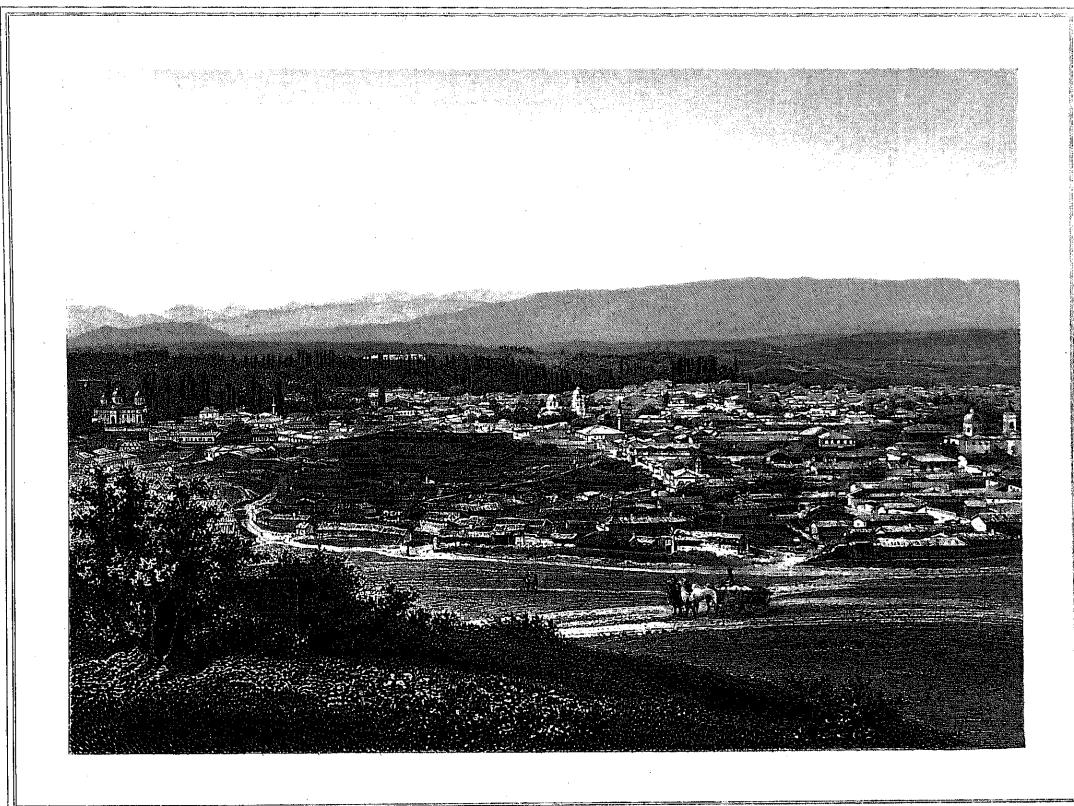
КАРАСУБАЗАРЬ.

карасубазаръ принадлежитъ къ числу чисто татарскихъ городовъ Крыма; онъ почти не измѣнилъ своей физиономіи со времеіемъ хановъ и вѣолѣтъ сохраняетъ до сихъ поръ свой восточный характеръ. Это почти тотъ-же Бахчисарай или Акъ-мечеть, о которыхъ мы ужѣ говорили; разница между ними заключается только въ томъ, что Карасубазаръ гораздо обширенѣе и можетъ называться городомъ исключительно торговымъ и промышленнымъ, потому что, какъ во времена хановъ, такъ еще и тѣперь, въ Карасубазарѣ сосредоточивается, главнымъ образомъ, вся внутренняя торговля и промышленность Крыма.

Карабазаръ можетъ заинтересовать своимъ внѣшнимъ видомъ и своею оригинальною жизнею всякаго путешественника, незнакомаго съ городами востока. Пространно раскинувшись по равнинѣ, онъ стоитъ при рѣчкѣ *Kara-Su*, или „черная вода“, (отъ которой и получилъ свое название „базара на черной водѣ, или рѣчкѣ“) и окруженнъ со всѣхъ сторонъ высокими мѣловыми горами. Довольно грязныя, но когда-то вымыщенные на восточный ладъ, улицы города кривы и неправильны, и съ обѣихъ сторонъ обставлены лавками. Лавки эти защищены отъ солнца и дождя широкими навѣсами, утверждеными на высокихъ столбахъ, что дѣлаетъ какъ лавки, такъ и улицы необыкновенно темными.

Пестрые домики, напоминающіе татарскія строенія Бахчисарада, окружены деревьями и садиками. Но

Nach Photogr. gez. u. gest. v. Bernadt u. Bertrand in Leipzig.

KARASUBAZAR. — Kaparybaazar.

Verlag v. Emil Bernadt in Odessa.

КОКТЕБЕЛЬ.

Берегъ моря отъ Судака до Феодосій, и по природѣ своей и по своему очертанію, далеко не имѣеть той живописной горной красоты и того растительнаго богатства, которыми отличается берегъ моря отъ Судака по направлению къ Ялтѣ и далѣе, до самой крайней оконечности южнаго берега Крыма, за Байдарскими воротами.

Берегъ отъ Судака по направлению къ Феодосіи имѣеть совершенно иной характеръ; онъ представляется довольно дикимъ и почти лишенныемъ зелени; растительность его бѣдна, суха и имѣеть печальный видъ. Мѣстами берегъ обрывистъ и загроможденъ скалами, мѣстами — открытъ и не защищенъ. Тамъ, гдѣ высокія скалы окаймляютъ берегъ, выдвигаясь въ море отдельными мысами, — скалы эти образуютъ то тамъ, то здѣсь небольшіе морскіе заливы. И за этими заливами, начиная отъ Феодосіи, растягиваются обыкновенно, — сначала небольшія, а чѣмъ далѣе къ Судаку, тѣмъ все болѣе пространныя долины, которыя уже украшены всюю роскошью растительности, — рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ примыкающаго къ нимъ пространства, которое собственно

составляетъ морской берегъ. Къ такимъ пространнымъ и плодороднымъ долинамъ, на разстояніи между Феодосіей и Судакомъ, принадлежать въ особенности долины *Отузская* и *Козская*.

Но, не дѣлжая верстъ пять или шесть до Отузской долины и до береговыхъ скалъ ея, образующихъ здѣсь очень красивый морской заливъ, на самомъ берегу моря расположена небольшая татарская деревня *Коктебель*. Она ничѣмъ особеннымъ не примѣчательна, но очень замѣчательны, по своей формѣ и строенію, тѣ береговые скалы и горы, въ виду которыхъ она раскинулась. Тутъ далеко выдвинулся въ самую глубь моря довольно высокій и мрачный мысъ, имѣющій самую оригинальную форму очертанія. Его почти черный цвѣтъ и мрачный видъ — вѣроятно послужилъ поводомъ для татаръ дать ему название *Карадагъ* что значитъ *черная гора*. Непосредственно за Карадагомъ, отступивъ нѣсколько отъ моря, возвышаются такъ называемыя *Коктебельскія горы*, и одна изъ нихъ, которая собственно и сливается подъ именемъ горы *Коктебель*, имѣетъ чрезвычайно живописную конусообразную форму. У подошвы этихъ горъ простирается довольно красивая долина; но растительность ея не такъ богата и населенность далеко не такъ многочисленна, какъ растительность и населенность слѣдующихъ за нею долинъ — Отузской и Козской. Тѣмъ не менѣе черные и суровые утесы Карадага, поднимающагося отвѣсною стѣною прямо изъ глубины моря, вмѣстѣ съ коктебельскими высотами и долинами, заключенными среди нихъ, — представляютъ весьма оригинальную и живописную горную картину.

Коктебельскія и карадагскія высоты замѣчательны еще по отношенію къ геологическому строенію и природѣ Крымского полуострова. Отъ нихъ собственно начинается горная часть Крыма: высокія пики Карадага и Коктебеля — это начало, передовые посты той горной цѣпи, которая такъ живописно опоясываетъ весь южный и юговосточный берегъ полуострова. Далѣ, за ними, уже простирается обширная равнина; холмы и горы постепенно исчезаютъ, почва значительно понижается, берега моря становятся отлогими, — степи, которыя составляютъ всю сѣверную часть полуострова, простираясь на востокъ отъ Феодосіи до самого Босфора Киммерійского или Керчи, — вступаютъ наконецъ въ свои права. И если вы, миновавъ деревню Коктебель, взойдете на одну изъ

близъ стоящихъ возвышеностей и окинете отсюда взорами окрестность, то вамъ представится самое оригинальное и живописное зрѣлище: по одну сторону коктебельскихъ и карадагскихъ высотъ широко растягивается, до краевъ горизонта, необозримая степная гладь, а по другую — извиваются скалистые берега моря, видныются, какъ въ туманѣ, оригинальные контуры самыхъ отдаленныхъ горъ, а поближе къ вамъ зеленѣетъ въ глубинѣ Отузская долина, съ ея свѣжими лѣсистыми полянами и обильными горными потоками и ручьями, которые далеко серебрятся на солнцѣ.

ФЕОДОСІЯ.

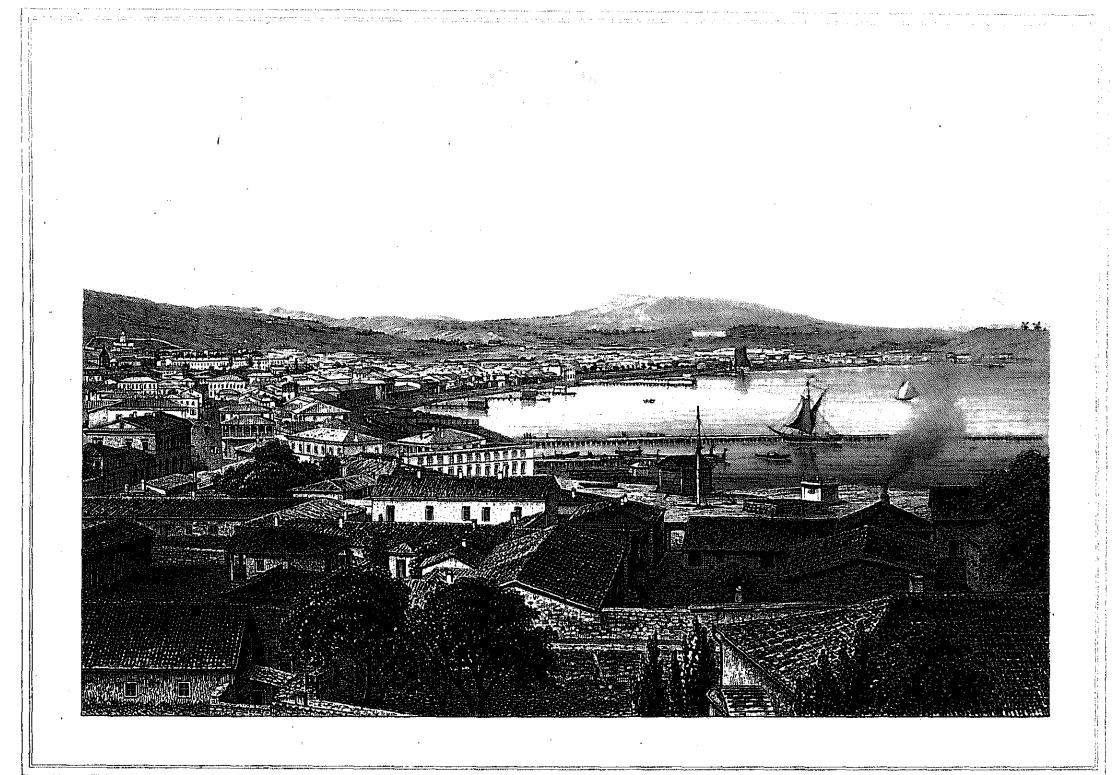

Феодосія или *Kaifa**)) расположена на берегу одного изъ красивыхъ и удобнѣйшихъ заливовъ Чернаго моря. Она была нѣкогда, въ давно минувшія времена, богатымъ и цвѣтущимъ городомъ. Занимаясь обширною торговлею, окруженнай тучными, плодородными полями, она снабжала хлѣбомъ Грецію. Но наилѣпѣ варваровъ, — какъ предполагаютъ, — алановъ — раззорилъ и разрушилъ богатый городъ до основанія, такъ что вскорѣ не осталось и слѣдовъ его.

Съ тѣхъ поръ прошло много вѣковъ. Феодосія была забыта. И на мѣстѣ, гдѣ когда-то красовались прекрасные храмы древне-греческихъ боговъ, не разъ проходилъ путь хлѣбонащца.

Въ XIII вѣкѣ коммерческий и предпріимчивый гений генуэзцевъ, развивая свою дѣятельность отъ Средиземнаго моря до Меотиды, унізаль берега морей — Мраморнаго, Чернаго и Азовскаго своими торговыми пристанями, конторами и городами, между которыми „Кафа генуэзская“ почиталась царицею. Она поднялась на пепелище древней, греческой Феодосіи. На пустынномъ берегу воздвиглись дворцы, церкви, крѣпости, обнесенные несокрушимыми

*)) Городъ этотъ, подъ послѣднимъ названіемъ, и теперь еще болѣе извѣстенъ въ Европѣ, нежели подъ именемъ Феодосіи.

Nach Photogr. gen. u. gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

ΤΗΕΟΦΩΣΙΑ
von Osten.

Θεοφώσια
съ восток.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

стѣнами. Въ портъ безпрерывно входили и выходили купеческие корабли, нагруженные товарами, со всѣхъ концовъ свѣта. Разные народы, угнетенные на своей родинѣ, стремились въ Кафу, гдѣ были увѣрены найти не только пріютъ, но свободу вѣроисповѣданія и удобства жизни. Въ Кафѣ строились церкви — армянскія, греческія, синагоги еврейскія, мечети мусульманскія.

Но не многовѣчна была жизнь Кафы. Въ 1475 году солнце ея славы и могущества затмилось навсегда, и надъ городомъ взошла луна Магомета, распространивъ мракъ невѣжества надъ берегами Чернаго моря, гдѣ царствовала прежде бодрая итальянская цивилизациѣ.

Турки, впрочемъ, не разрушили Кафу; они гордились ею, украшали ее прекрасными зданіями и дѣятельно поддерживали ея торговлю. Турки называли Кафу „малымъ Стамбуломъ“ и „перломъ“ между городами Крымскаго полуострова.

Когда Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, то стѣны генуэзской крѣпости, со всѣми ихъ башнями, были еще почти цѣлы; но войска, завладѣвшія городомъ, и потомъ новые жители постепенно разрушали ихъ, равно какъ и великолѣпныя турецкія мечети, бани и другія красивыя зданія Кафы, употребивъ матерьялъ съ нихъ на постройку своихъ невзрачныхъ домовъ, казармъ, карантина и пр.

Извѣстный англійскій путешественникъ, *Кларкъ*, бывшій въ Крыму въ началѣ настоящаго столѣтія, разсказываетъ, что во время пребыванія его въ Кафѣ, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ люди срывали свинцовые крыши съ одной изъ великолѣпнейшихъ въ городѣ мечети. Онъ видѣлъ, по его словамъ, въ какое страшное негодованіе пришли отъ этого жители, и одинъ изъ нихъ, обратившись къ Кларку, сказалъ по-гречески: „о скиѳы, скиѳы!“

Удивительные водопроводы, съ свинцовыми трубами, устроенные генуэзцами и тщательно поддерживаемые турками, были также разрушены, всѣ украшения фонтановъ, да и большая часть самихъ фонтановъ уничтожены.

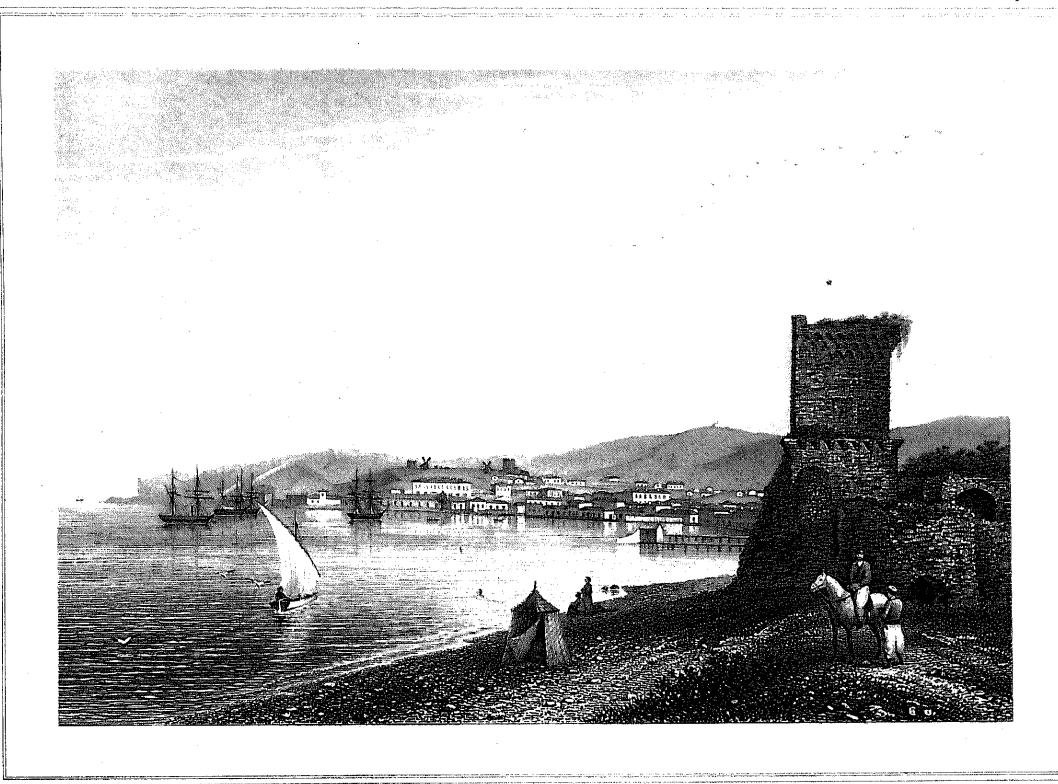
Такимъ образомъ, изъ красивой и богатой Кафы нынѣшняя Феодосія превратилась въ небольшой и незначительный уѣздный городокъ, который не имѣетъ даже порядочной воды для питья. И теперешнія постройки

Феодосії, не смотря на то, что между ними есть довольно красивыхъ домовъ, представляются такими незначительными въ сравнениі съ тѣми постройками старой Кафы, развалины которыхъ такъ гордо возвышаются и до сихъ поръ надъ городомъ, лежащимъ у ихъ подножія.

Рисунокъ паніи, изображающей видъ Феодосії, представляетъ на первомъ же планѣ одну изъ этихъ величественныхъ развалинъ; — это — генуэзская башня, полуразрушенная, стоящая въ концѣ нынѣшняго Феодосійскаго бульвара. Тутъ же, по близости къ башнѣ, стоитъ старинный, полуразрушенный фонтанъ, который бываетъ большему частію безъ воды. Далѣе, вдоль берега, тянется бульваръ, т. е. единственная аллея, обнесенная деревьями; у бульвара и почти на всемъ берегу до пристани разбиты купальни; а еще далѣе, вдоль моря, на право по отлогой горѣ, къ которой прислонилась Феодосія, раскинутъ и весь городъ. Первые улицы его, паралельныя съ бульваромъ, довольно правильны, чисты и изрядно вымощены (здесь почти всѣдѣ сохранилась еще старинная мостовая изъ булыжника, по которой и ходить иѣздить довольно неудобно). Вдоль этихъ улицъ идутъ хорошия строенія, красивые домики, лавки, гостинница и пр. По выше, на горѣ, улицы перепутываются, становятся такъ узки, что въ нихъ едва могутъ разѣхаться два экипажа. Улицы эти, конечно, и не отличаются особенною чистотою; строенія здѣсь небольшія, одноэтажныя и большему частію старыя и приходящія въ разрушеніе. Съ 1857 года, когда было приступлено къ устройству московско-феодосійской желѣзной дороги, старыя и приходившія въ разрушеніе постройки Феодосії, начинаяли возраждаться и во многихъ частяхъ города возникло нѣсколько хорошихъ зданій.

За городомъ, на отлогой горѣ, находится кладбище, съ довольно красивою церковью. Это жилище мертвыхъ, на которомъ покоятся обитатели старой и новой Феодосії, втеченіи цѣлаго ряда вѣковъ. Отсюда видъ на городъ, на заливъ и на качающіяся въ немъ суда, необыкновенно живописенъ.

Далѣе, въ концѣ города, на горѣ высится остатки генуэзскихъ укрѣплений; а ближе къ морю, подъ горою, видны большія строенія карантинна. Отсюда видъ на Феодосію и на ея бухту еще живописнѣе: весь заливъ

Den. v. Feuerer. Gest. v. Bernhard Berndt in Leipzig.

ПРИЕДОДСЛА
von Westen.

ФРДОГИ
съ западн. ст.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

изогнувшись въ видѣ магометанской луны, со всѣми набережными строеніями, представляется вашимъ глазамъ; на гладкой синевѣ его бѣльютъ паруса, темная, обросшая мохомъ, генуэзская башня, о которой мы говорили, подымается на противуположной сторонѣ залива; влѣво, далеко зеленѣютъ сады и небольшія дачи Ѹеодосійскихъ жителей, съ ихъ пестрыми строеніями. А внизу, у самыхъ стѣнъ карантина, волнуется море, омывая фундаментъ построекъ. Здѣсь вода въ морѣ до того прозрачна, что видны всѣ камешки на днѣ. Когда солнце озолотить послѣдними лучами своими весь заливъ и пестрѣющій городъ, то видѣ этотъ бываетъ поразительно хороши.

Лѣтомъ Ѹеодосія бываетъ довольно оживлена. Вмѣстѣ съ ласточками, сюда начинаютъ набѣжать больные и здоровые, — особенно же съ юна мѣсяца, когда начинаются морскія купанья, которыя здѣсь очень удобны, по причинѣ отлогаго берега залива и хороши устроенныхъ въ послѣднее время купалень. Каждый вечеръ, въ лѣтній сезонъ, Ѹеодосійскій бульваръ бываетъ полонъ гуляющихъ, расхаживающихъ вѣдь и впередь подъ звуки музыки.

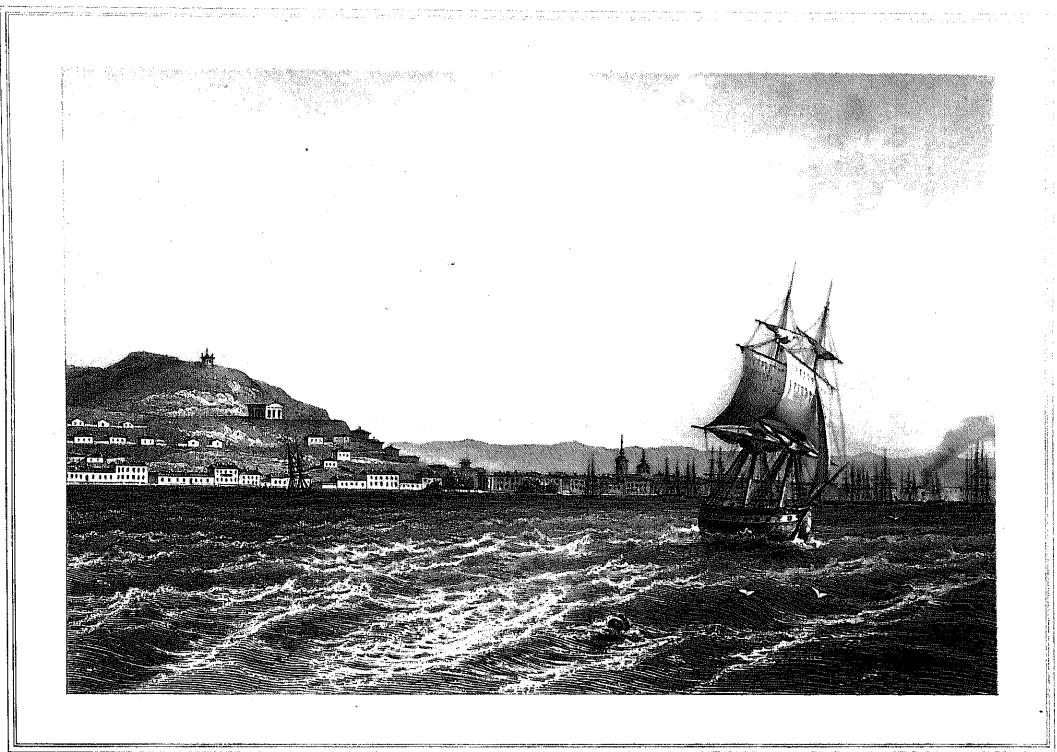
Ѳеодосія, общимъ видомъ своимъ, напомнить вамъ одинъ изъ небольшихъ итальянскихъ городковъ, у береговъ Средиземного моря. Мѣстоположеніе для города выбрано чрезвычайно счастливо: съ какой точки на него ни посмотрѣши, онъ отовсюду покажется вамъ удивительно живописнымъ. Особенно хороша Ѹеодосія съ моря: отсюда она рисуется большимъ городомъ, широко раскинувшимся по отлогой горѣ. Древнія башни такъ величественно подымаются надъ пестрѣющимъ городомъ; а далеко, на горѣ, красиво выдается небольшая часовня, во имя пророка Ильи, построенная, по преданию, какимъ-то шхинеромъ, по обѣту, послѣ избавленія отъ крушенія и гибели его судна.

К Е Р Ч Ъ.

ерч — один из лучших и едва — ли не самый лучший из всех городов, находящихся на крымскомъ полуостровѣ. Она лежитъ на берегу Босфора Киммерийскаго или Таврическаго пролива, который соединяетъ Черное море съ Азовскимъ. Городъ расположень на съверной сторонѣ своей бухты, имѣющей подковообразную форму, и надъ нимъ, подымается довольно высокая гора, круто спускающаяся къ морю и носящая классическое название *Митридатовой горы*.

Такое положение города уже само-собою показываетъ, что видъ на Керчь долженъ быть необыкновенно живописенъ. При входѣ въ бухту передъ вами открывается весь городъ. Красивыя зданія его уinizываютъ весь берегъ моря и подымаются амфитеатромъ по крутымъ отлогостямъ горы, на вершинѣ которой виднѣется курганъ, покрытый огромными камнями и называемый „Митридатовой могилой.“ Нѣсколько ниже вы замѣтите огромную, выдающуюся скалу, которая почему то получила название *Митридатова кресла*. Почти на половинѣ горы возвышается красивое зданіе, съ колоннами, въ греческомъ вкусѣ. Это — „керченскій музей древностей.“ Отъ него широкая и прекрасная лѣстница спускается до обширной площади, лежащей передъ рядами красивыхъ зданій, которыя расположены по берегу моря. Два мыса, глубоко выдавшіеся въ Босфоръ и образующіе керченскую

Gez v. Kessler. Gest. v. Berndt u. Bertrand in Leipzig.

KERTSCH.

Керчь.

Verlag v. Emil Berndt in Odessa.

они скрываются такъ тщательно за высокими каменными стѣнами, что сдва можно подозрѣвать о существованіи въ городѣ зелени и деревьевъ. Пространныя площади, широко раздвигающія Карасубазаръ, имѣютъ пустынныи и не привлекательныи видъ. Только минареты у двадцати двухъ, существовавшихъ въ Карасубазарѣ, татарскихъ мечетей возвышаются надъ прочими строеніями города; архитектура мечетей тяжела и некрасива.

Изъ городскихъ зданій заслуживаютъ упоминанія по своей оригинальности такъ называемые *Ханы*, или *Каравансараи*, которыхъ въ Карасубазарѣ насчитываются отъ 20 до 30 и которые, видомъ своимъ, рѣшительно напоминаютъ каравансараи Персіи и Грузіи. Это забѣжіе дома, гдѣ останавливаются обыкновенно странствующіе восточные купцы, извозчики и т. д. Самый большой изъ нихъ, называемый *Таиз-Ханъ*, очень старое, большое двухъ этажное зданіе, печальное по наружности и оригинально устроенное внутри. Построенное четвероугольникомъ, оно представляется со всѣхъ четырехъ сторонъ голыя мрачныя стѣны; а внутри ихъ идетъ родъ крытой улицы; нижній этажъ занятъ лавками, верхній, съ большими окнами, служить собственно каравансараемъ, т. е. служить для помѣщенія путешественниковъ.

Главное населеніе Карасубазара составляютъ татары, евреи и армяне. Большая часть изъ нихъ занимается торговлею и разными промыслами. Въ торговлѣ отличаются особенно армяне, которымъ принадлежать почти всѣ лучшія лавки въ городѣ. Промышленность Карасубазара заключается, главнымъ образомъ, въ выдѣлкѣ кожъ и сафьяновъ, въ производствѣ почти на весь Крымъ татарской обуви, татарскихъ ножей войлоковъ и тому подобныхъ вещей, необходимыхъ въ жизни и въ хозяйствѣ татаръ.

Всѣ эти произведенія продаются по обѣимъ сторонамъ узкихъ улицъ, въ лавкахъ, число которыхъ, до выселенія татаръ изъ Крыма, насчитывали до девятисотъ.

Рѣчка Кара-Су или Біюкъ Кара-Су, надъ которой расположень Карасубазаръ, очень обильна водою, и земли, черезъ которыя она протекаетъ, отличаются большимъ плодородіемъ. По Кара-Су лежать много богатыхъ имѣній, съ превосходными фруктовыми садами, дающими значительные доходы.

Отъ временъ татарскаго владычества осталось въ Карасубазарѣ часть укрѣпленій, окружавшихъ городъ; но они не представляютъ ничего замѣчательнаго; каравансарай, о которомъ мы говорили, одна изъ мечетей некрасиваго вида и пространнныя широко раскинувшіяся мусульманскія кладбища. Хотя эти жилища мертвыхъ постоянно пополняются новыми обитателями, но тѣмъ не менѣе необыкновенная обширность занимаемаго ими пространства доказываетъ, что въ былое время Карасубазаръ былъ весьма населеннымъ городомъ.

Пространнныя татарскія кладбища Карасубазара расположены обыкновенно на возвышенностяхъ, и съ одной изъ нихъ видъ на городъ чрезвычайно живописенъ. И кто, не вѣзжая въ Карасубазаръ, вздумаетъ посмотреть на него съ этого кладбища или вообще съ сосѣднихъ высотъ, тотъ найдетъ его весьма картиинно расположеннымъ городомъ. Роскошные сады, тянущіеся вдоль Кара-Су, рисуются отсюда во всей своей красѣ; а передъ ними пестрѣютъ городскіе домики въ тѣни тополей, фруктовыхъ и большихъ орѣховыхъ деревъ; всѣ строенія города, церкви, мечети и высокіе минареты кажутся разбросанными въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Къ югу отъ города темнѣетъ цѣпь таврическихъ горъ, то поросшихъ лѣсомъ, то выступающихъ обнаженными утесами; къ западу бѣлѣютъ почти вертикальныя стѣны мѣловыхъ горъ; къ сѣверу развертывается безбрежная пространная степь и кое-гдѣ вдали пестрѣютъ татарскія деревни. Пейзажъ этотъ чрезвычайно хорошъ, и Карасубазаръ, снятый *à vol d'oiseau*, представляется необыкновенно красивымъ городомъ.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.		СТР.
Симферополь	27	Ялта	68
Бахчисарай	30	Аутка	72
Чуфутъ-Кале	36	Урзучъ и Аюдагъ (Медвѣдь-гора)	75
Евпаторія	41	Алушта	80
Севастополь	44	Судакъ	84
Георгьевскій монастырь	49	Кизильташъ и Скитъ св. Стефана Сурожскаго	87
Балаклава	53	Коктебель	89
Алупка	56	Ѳеодосія	92
Оріанда	61	Керчь	96
Ливадія	65	Караусубазаръ	100

Примѣчаніе: На страницѣ 21 стр. 11. напечатано: въ 1797 году-читай: въ 1771 году.

ЛЕЙЦИГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГІЗЕКЕ И ДЕВРІЕНЪ.